

К. КУДРЯВЦЕВ.

W/126
257

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
— ПО —
ИСТОРИИ АБХАЗИИ.

XXVII - 33943

ИЗДАНИЕ НАРКОМПРОСА ССР АБХАЗИИ.

СУХУМ.

ТИПОГРАФИЯ ВСНХ АБХАЗИИ ИМЕНИ Т. ЛЕНИНА.

1922. (?)

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
по
ИСТОРИИ АБХАЗИИ

==

Заказ № 828. Тираж 500.

031-45

43

26

Оглавление:

	СТР.
От автора	5—6
Географический очерк	7—37
Границы—7, поверхность—7, орография—8, минеральные источники—10, население и язык—11, бжедухи и абадзехи—15, общественный строй—16, религия—20, землеустройство—20, земельное хозяйство—21, промыслы и торговля—23, пути сообщения—26, малярня—27, Келасурские стены—28, население страны—29.	
Древнейший период	38—57
Период эллинического влияния	58—64
Период римского влияния	64—72
Период византийского господства	73—85
Период вассальных отношений	86—92
Период расцвета	93—134
Старшая линия Леонидов	93—107
Младшая линия Леонидов	108—134
Генуэзская колонизация	134—139
Эпоха турецкого влияния и господства	139—150
Русское влияние	151—184

ОТ АВТОРА.

Задолго до выхода в свет настоящей книжки она называлась „историей Абхазии“. По вполне понятным причинам, Абхазия не увидит своей истории еще долгое время и, понятно, я, ни в коем случае, не могу назвать настоящую книжку иначе, как „Сборник материалов по истории Абхазии“, преподносимых читателю по возможности в популярном и связном изложении.

Автор книжки должен предупредить читателя, что книжка, вследствие целого ряда причин*), выходит далеко не полной, к тому же плохо отредактированной и еще хуже корректированной. Последние недостатки автор надеется исправить в последующих изданиях, если они будут.

Только полный пробел в этой отрасли на книжном рынке толкнул автора на издание, несмотря на все ясно и м. видимые недостатки, как в содержании и редактировании, так и технике издания.

Доказательством сему служит неоднократное использование в школах, на лекциях и в других трудах настоящего издания как рукописи, так и вышедших листов.

*) Одной из них является утеря на пароходе около половины издаваемых ныне материалов, а также список использованных для настоящей книжки печатных материалов.

Для читателя незнакомого с Абхазией автор счел нужным приложить краткий географический очерк страны.

Автор считает своим долгом поблагодарить тов. А. М. Чочуа, благодаря большой моральной поддержке которого эта книжка увидела свет.

Г Р А Н И Ц Ы.

Ныне Абхазией, по абхазски-Апсны (Апсны) зовется бывший Сухумский округ, т. е. территория, лежащая приблизительно между $42^{\circ}23$ и $43^{\circ}32$ северной широты и $57^{\circ}45$ и $59^{\circ}50$ восточной долготы. С севера эта территория ограничена рядом мелких хребтов: Цыго-ху, (Цыг-ху), Зыр-ху (Зыр-ху), и Люкгувию-ху, образующими известную Гагринскую теснину, Бырчыл и цепь отдельных вершин; с востока-главным Кавказским хребтом, точнее его Кубано Абхазской частью; с запада-Черным морем и юга-нижним течением реки Ингура и водоразделом рек Ингура и Кодора-хребтом Хирум.

П О В Е Р Х Н О С Т Ь.

Современная Абхазия имеет вид неправильного, вытянутого по широте, расширяющегося к юго-востоку, прибрежного четырехугольника, занимающего пространство в 7600 кв. верст (8650 кв. километров). Абхазия представляет узкую, прибрежную, часто заболоченную низменность довольно резко переходящую в сильно пересеченное плоскогорье, заканчивающееся массивами Главного хребта. В этом месте Главный хребет отличается от других своих частей абсолютной высотой, вечными снегами, покрывающими его вершины, и выделением ряда продольных и поперечных хребтов. В этой Кубано-Абхазской части Главного хребта имеются следующие *вершины* (перечисление идет с севера на юг): Аджра-9310 футов, снеговая Псыш-12427 ф., снеговая Марух-даг-12460 ф., снеговая Сафрыджа-12419 ф., снеговая Белал-кая 12685 ф., снеговая Птыш-11568 ф., снеговая Дамбай-улькен-13051 ф., Хокель-11956 ф., снеговая Гвандра 13070 ф. и др.

Перевалов через Главный хребет имеется немного: Адзынши (Азгыш), на высоте в 8176 футов, Санчар-7519, Лаштыр-ху 8947, Цагаркиар-7448, Наурский-9401, Марух-9086, Домбай-улькен-9865, Клухорский-9075, Нахарский-9617. Первые из перечисленных перевалов, до Наура включительно, идут с урочища Псху. Из всех этих перевалов лишь один Клухорский может считаться удобным, а остальные не более, как обычные горные тропы

Из *хребтов* внутри страны мы отметим: Цыго-ху, Зыр-ху высшая точка его 3934 фут., Люкгувию ху (Лукужху), и Жава-ху (Жафэху), 4914, Бырчыл-6181, Гагринский-5397, Авюца (Аф-ця) и Мамдзыш-ха-6136, Зашырбара или Ацвишта (Ейүтша)-3164, Акую-4201, Чадымский 9359, Ашанцара-5481, Ахсырхву-8974, Жыргя (Жгор), 7523, Амткел-7959, Кашара-8659, Герзаульский-2660, Панавский-3614, Ашду-Када-5344, Клыч-10835, реч-аштха-5515, Бокунспоу-9009, Ойсер-6027.

Из *снеговых вершин не Главного хребта* отметим: Агеп-сту (Агпсца)-10694, Хымса с ледником, спускающимся до 8169 ф., Шхашуга (Шхашугу)-9987, Хутиа-11627, Мал. Хутиа-10763, Гуагуа (Буагуа)-10731, Мгуашыр-хуа-12621, Хуарыхра-12173, Ходжал-10856.

Из *перевалов внутри страны* назовем: Ахуку-дара или Сухумский, Бгалара, Ачанчар-5649, Доу-4557, Хымса-8050, Аданче-7567. Все они ведут в урочище Псху.

О Р О Г Р А Ф И Я.

Берега Абхазии изрезаны довольно значительно. Пользуются известностью *мысы* Пицундский, Бомборский, Слук-су, Сухумский, Кодорский, Искурия или Исгаур.

Из *заливов* на территории страны выделяется Сухумский. Обширный, до 23 верст в окружности, полукруглый, открытый к югу, но довольно спокойный во все времена года, Сухумский рейд считается единственным на восточном побережье Черного моря по совокупности своих достоинств. Главный его недостаток-быстрое, котловидное понижение берега. Из других заливов известны Гагринский, Скурча или Очемчирский и небольшая Гудаутская бухта.

Реки Абхазии не пригодны для судоходства и-за исключением Ингура, и для плавания в каиках (аныш-местное название плоскодонных лодок.) Число рек в стране велико вследствие гор-неистощимого источника снегов и родников. Все реки страны на всем своем течении носят характер горных: они мелководны, не широки и с большим уклоном, вследствие чего течение их быстро.

Наиболее значительной рекой является пограничный с Мингрелией (Зугдидским уездом) *Ингур*, образующийся из соединения Мулхуры и Калары. Длина Ингура от соединения до устья 150 верст, ширина близ устья 40—50 сажен. В низовь-

ях Ингур разбивается на несколько рукавов. Главное русло впадает в море у местечка Анаклии.

Одной из больших рек является *Кодор*, состоящий из Чхалты и Сакена. Чхалта или Адзгара со своими притоками Аданге, Марух, Шоудид, Птыш и др. берет начало с Главного и северных склонов Ахсырхвского и Жыргского хребтов. Сакен с притоками Гвандра, Клыч, Брамба, Хецквара и др. несет свои воды тоже с Главного хребта и водоразделов с Ингуром, Гализгой и Мокви. Сам Кодор сетью мелких речек пополняется водами с Капшарского, Амткельского, Ахсырхского, Жыргтского, Ашдуского, Панавского и Герзаульского хребтов. Из них выделяются: Капшара, Учкур, Джампал, с правой стороны и с левой Бямиш. В верхних частях Кодор стесняется горами, — в особенности возвышенна левая сторона, — в низовьях же протекает по довольно обширной лесистой долине. Ниже урочища Наа Кодор разбивается на рукава и так течет более трех верст. В верстах 15 от моря снова делится на рукава, число которых в некоторых местах достигает до 6. Протяжение Кодора 170 верст.

Река *Бзыбь* тоже одна из больших рек Абхазии. Ее притоки с левой стороны: Грибзи, Бовю, (Боуль или Лура) с Ахеем и Бетигом, Пшица, Юлшара, служащая стоком озеру Рица и впадающим в него рекам, из которых отметим Лашипсу, с притоком Гега (Дега или Геза). Все эти притоки берут начало в Главном хребте, исключая реки Гега и часть рек, впадающих в озеро Рица, берущих начало с гор Агепста, Ах-ага, Кацирхи, Арабики и Хырки. Притоки правой стороны все небольшие и берут начало с хребтов и гор, отделяющих Псху от остальной страны. Из них можно отметить Убуш, Мцра, Решава и Дзышра. Большая часть Бзыби лежит в урочище Псху и на высотах свыше 1000 футов. Затем Бзыбь выходит в низменную, у устья заболоченную, плодородную долину. За несколько верст до впадения Бзыбь разбивается на два рукава, один из которых Мычиш, около 30 верст, протекает под землей. В устье главного рукава, впадающего в верстах 5 от Пицундского мыса, образуются дельты. Бзыбь многоводна и бурлива. Некоторые ее течение называются „бешеным“.

С хребта, образующего Псху, берут начало (с севера на юг): Мычиш или Черная, Хипста или Белая с притоком

Ыгри или Иогра, Баклановка или Апстас притоками Мурга, Джбара, Дохварте и Муари; Гумиста, состоящая из Гумисты с притоками Ахыста, Пухмартычу и Западной Гумисты с притоками Ахипс и Ахедора; Келасур с притоком Схалач (Схалаѣ). С цепи, отделяющей верхнее течение Кодора от приморья (хр. Панавский, Кодагор, Вавцке, Ходжал и др.), текут Мокви с притоками Улыс и Дуаб-(Даб); Гализга с притоком Цеджир. С хребтов Речишла, Ойсер и г. Алшара течет Окум. Его притоки-справа Чхуартал и Охуаджа, с лева Больш. и Мал. Эрис-цкали.

Озер в Абхазии значительное число (с севера на юг): Мзи-(Мзума), Рица-(Ріца), Мал. Рица, Инкит, Анышх-цара, Адуада-Адзыш, Бол. Бебесыр, Мал. Бебесир и др.

Из *водопадов* известны: Бариальский на реке того же имени, притока Маджары, и Клычский на р. Клыч, притоке Гвандры.

МИНЕРАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ.

В Абхазии довольно значительное число минеральных источников.

Среди них преобладают соленые источники. Большинство источников не исследованы, анализ воды не произведено и неизвестен с точностью их дебет. Из источников в специальной литературе известны следующие:

Холодный *соляной* на г. Цибишна.

Холодный *соляной* „Шхепачи-дзегаба“ в урочище Домбего на р. Бетага, притока Бзыби.

Холодный *соляной* близ сел. Бедиа.

Холодный *соляной* „Дзихча“, выше сел. Гагрипш

Холодный *соляно-щелочный* в урочище Амчш-дзы или Амыш-дзыха в общине Звандрипш

Холодный *углекислый* на р. Одохара, притоке Бзыби.

Холодный *углекислый* на р. Квани, притоке Кодора.

Холодный *углекислый* в урочище Шхабзца на р. Бзыби.

Холодный *углекислый* „Варваринский“ на горе Цхари.

Холодный *углекислый* „Клавдинский“ на горе Цхири.

Холодный *кисло-сернистый* на правом берегу р. Чхалта ниже впадения в нее р. Шаудиду.

Холодный *сернистый* „Дзышра-Азего“ или „Дзымра-

Азгра“ в котловине горы Дзышра на одноименной реке, при токе Бзыби.

Холодный сернистый на берегу р. Ацгара, притоке Кодора.

Горячие сернистые „Абаранские“ или „Ткварчельские“ на правом берегу р. Гализги (Алцга-Адлзга), против устья р. Сауа-акуара, другой в нескольких верстах выше по течению. Температура воды источников — 28,5°

Холодный сернистый „Беслинские“, „Беслетские“ или „Сухумские“ в 3-4 верстах от г. Сухума на р. Басла. Источниками использовались в древности, возможно что при римском владычестве.

Холодный *железистый* в Клычковском ущелье на р. Клыч (Кл҃т), притоке Гвандры (҃уацдра).

Столовая вода „Ольгинского источника“ в „Отрадном“ б. имении принца А. П. Ольденбургского в 1-2 верстах от Новых Гагр.

Столовая вода источника „Анкара“ на краю г. Сухума по „Венецианскому“ шоссе.

Холодный неизвестного состава в урочище Одацара на реке Бзыби.

Холодный неизвестного состава в урочище Лаат-гора на правом берегу одноименной речки, притоке Лашипсы.

НАСЕЛЕНИЕ и ЯЗЫК.

Аборигенами страны в течении тысячелетий являются *абхазцы* или *азега*, называющие сами себя *ансуа* (а҃нсуаа). На грузинском языке они назывались — *анхазн*, на сванском — *либхаз*, на кабардинском — *адзеха* или *азека*, на древне-русском, летописном — *обезы*, у эллинских, византийских, римских и средневековых географов — *абазги*, *авазги*, *авогазы* *абадзехи*.

Абхазцы-народ кавказской (средиземной) расы. Вопрос же о причислении их к той или иной группе кавказоведами (академик Шагрен, барон Услар, Шифнер, академик Н. Я. Марр, Клапрот, проф. Хаханов, Цагарели, В. Я. Миллер, Видеман, Чубинов, Е. Г. Вейденбаум и др.) решается каждым по своему. И хотя классификации кавказских наречий, сделанные в последние десятилетия-показывают, что на Кавказе не так уж много языков, как это принято считать сре-

ди широкой публики, но Вейденбаум верно указывает на величайшую путаницу в этнографической номенклатуре Кавказа. В особенности это приложимо к Абхазии. Грузинские шовинисты, основываясь на „Картис-Цховреба“, которая говорит, что абхазцы произошли от Абхаза, внука Егроса, родоначальника егров (мингрельцев), придерживаются взгляда, что абхазцы-подгруппа картвело-грузинской группы народов. Понятно, что это не выдерживает критики ни с какой точки зрения. Ни лингвист, ни антрополог, ни историк не могут даже с оговоркой допустить этого положения.

Профессор Д. И. Чубинов считает абхазский язык вполне самостоятельным. Академик Клапрот, проф. Дюбуа-де-Монпери, Видеман, Лапинский и др., видя схожими образ жизни, обычаи, занятия, одежду, вооружение и некоторые нравы у абхазцев и западно-горской группы кавказских народов соединяли их в один народ и совершенно не отделяли абхазцев от живущих с ними по соседству, — на север по побережью и на северо-восток за хребтом, племен, как-то: домчеры, абазинцы, бесленеевцы, абадзехи, убыхи, натухайцы, джигеты, шапсуги, махошевцы, темиргоевцы и др. Почти такого же взгляда придерживается и проф. Всев. Миллер. Академик барон Услар устанавливает противоположную точку зрения что абхазцы и черкесы-два племени различные по языку происхождению и общественному строю, что это две различных цивилизации. В последнее время известный лингвист кавказовед и историк Н. Я. Марр и его нарождающаяся школа зачисляют абхазцев в яфетическую группу народов.

Основной и подавляющей по численности и по занимаемой территории группой населения страны являются собственно *абхазцы*, живущие между рекою Бзыбью и водоразделом рек Гализги и Окума. Более мелкими группами населения являются: *самурзаканцы*,*) занимающие территорию к югу от водораздела рек Гализги и Окума; *джихи*, *джигеты*, или *садзы* (по Услару-*асадзуа* распространившиеся к северу от реки Бзыби по побережью; *медозой* (по русски-*медовсевцы*), живущие на верховьях рек Бзыби, Мзымты, Ахчипсоу, Псху, Анбга, Багаю и Цвижда. Они разделялись на три главные ветви: на живущих на Псху, Ахчинскоу и Анбга. *Цамбал*,

*) Территориальное прозвище юго-восточных абхазцев.

замбал или *цебельдинцы* (черкесы их звали *хирькуадж*) занимали верховья реки Кодор, преимущественно долину Дал (Цебельду)

Родственными абхазцам племенами являются так называемые *абазинцы* или *абаза*, занимавшие большую территорию на северном склоне кавказских гор. Сами себя они называли *топанта*. Кабардинцы и черкесы звали их *басхег*, а турки-*алтыкезек*, что в буквальном переводе означает „шести-родные“, по числу племен, на которые они одно время распадались. Севернее других племен между реками Белой (Схагуаше) и Ходзь (Хагур) и в верховьях реки Гупс жили *баракай* или *бракий* или *баракаевцы*. Южнее их у верховьев р. Ходзь располагались *баги* или *баговцы*. Рядом с ними были в верховьях р. Малой Лабы (Псизюэ) *шегерай* или *шахгирей* или *шахгирсевцы*. Восточнее, верховья Большой Лабы, занимали *там* или *тамовцы*. К югу от них, между реками Большая и Малая Лаба, жили *кезилбеки* или *кезилбековцы* (по черкесский *казбек-коадж*). На юго-восток, у верховьев рек Урупа и Большой Зеленчук, селились *башильбай* или *башильбевцы*. В тесном смысле шестиродными (алтыкезек) или басхег (басьхог) звались следующие общества: *Биберд* на р. Урупе, *Лоу* или *Лоов* или *Лов* на р. Куме, *Дидарук* или *Дударук* на левом берегу р. Кубани, *Алишь* на р. Малой Зеленчук, *Джантемир* и *Кияшь* по р. р. Куме и Подкумку до самого Кисловодска. На южном склоне, между Главным хребтом и хребтом Дукохт, в верховьях реки *Аше* жило племя *хакучей* или *хачучи* или *хакучеевцы*. Черкесы, недолголюбивавшие хакучей, звали их *ханушами*, что в переводе означает „старожилы“.

Должны оговориться, что некоторые кавказоведы джихов (джигов, садзю) и все племена абазинцев (абаза) выделяют в самостоятельные народы. Эта точка зрения не верна и, к счастью, не распространена.

Кроме аборигенов страны в Абхазии живут оседло: русские (великоруссы и малоруссы, главным образом последние); турки, греки и армяне, в большинстве с побережья Малой Азии, имеретины, эстонцы и др.

Абхазский язык принадлежит к, так называемым аглютированным-приставочным языкам. Абхазская речь очень характерна и состоит из цепи гортанных, шипящих, свистя-

щих, жужащих и дрожащих звуков. Абхазский язык иностранцу очень труден для изучения.

Язык абхазцев разработан в середине прошлого века. Известный лингвист и кавказовед, академик, барон П. К. Услар, избравший для своих изысканий бзыбское наречие, по его мнению, превосходящее богатством звуков и слов остальные абхазские наречия, наметил азбуку, позже введенную в жизнь. Этой азбукой страна пользуется с небольшими изменениями и ныне. Составлена же она более шестидесяти лет тому назад, а именно в 1861 году.

Азбука состоит из 55 букв. *)

СОВРЕМЕННАЯ АБХАЗСКАЯ АЗБУКА.

Аа Бб Вв Гг Г̄г Ёё Ё̄ё Дд Д̄д Ее Жж Ж̄ж Ззк
З̄жк Зз 3з Іі І̄і Ѕѕ Кк К̄к Ыы Ы̄ы Лл Мм Нн Оо
Пп П̄п Рр Сс Тт Т̄т Уу Фф Хх
Х̄х Цц Ц̄ц Чч Ч̄ч Шш Ш̄ш Щщ
Щ̄щ Цц Vv Qq Q̄q Hh H̄h.

Литературным языком абхазцев считаются бзыбское и гумистинское наречия мало разнящиеся друг от друга. Мало отличаются от них кодорский, цебельдинский и самурзаканский разговорные языки и они являются чем то средним между говором и наречием.

Вследствии молодости *абхазской письменности*, во первых, большому проценту безграмотных при царской власти в России вообще, а на Кавказе в особенности, во вторых, число книг, вышедших на абхазском языке, незначительно. Безусловно теперь этот недостаток с каждым годом будет уменьшаться. На абхазский язык переведены богослужение, евангелие, изданы нескольких авторов буквари, учебники, несколько оригинальных и переводных литературных произведений, издавались газеты и т. д.

Первый „Абхазский букварь“ издан в Тифлисе в 1865 го-

*) Азбука, составленная Усларом, позже абхазскими филологами Д. Гулия и А. Чочуа была сокращена.

ду, под редакцией Бартоломея. В составлении его принимало участие несколько человек.

Народный эпос абхазцев поражает всякого своим неисчислимым богатством. Тысячи песен и поговорок, тысячи преданий и легенд, масса сказок и рассказов передается поколением поколению в течении тысячелетий. В Абхазии, кажется, нет пригорка, болотца, пещеры, разрушенной постройки или старого дерева, с которым бы окрестное население не связывало несколько мифов, легенд и преданий.

БЖЕДУХИ и АБАДЗЕХИ.

Чтобы закончить об абхазских племенах, скажем несколько слов о бжедухах и абадзехах. Племя *бжедухов* находится в нынешнем Майкопском отделе, Кубанской области. По преданию, записанному кавказским исследователем Дьячковым-Тарасовым со слов „известного всем адиге Кубанской области бжедужского князя Кемгуя Ахеджагова, преклонных лет старца, живущаго на покое в Бжедуж-хабле“, племя бжедухов выходцы из Абхазии. По этому преданию они переселились с места первоначального своего поселения, — ущелье реки Бзыби, на северный склон под предводительством князя Хамисша. Местом первоначального их поселения были верховья Белой, где они основали названный в честь князя большой аул Хамысши, переделанный русскими в Хамышки. После длинной одиссеи племя живет на современных местах.

Из абадзехских преданий о своем происхождении одно (из трех, собранных вышеупомянутым А. Н. Дьячковым-Тарасовым) говорит, что *абадзехи* — выходцы из Абхазии, долго жили на реке Шахе, откуда перешли на северный склон в долину Туби. Второе предание говорит, что абадзехи, по точным словам предания „пришли с берега моря“. Третье предание, — что абадзехи из Арабистана, — совершенно не выдерживает критики.

Абадзехи до выселения своего в 1864 году частью в Турцию, а частью на низменности Кубанской области занимали территорию между р. р. Шебшу, Догуай, Псекубе, Белой, Фарсу, Псефиру и горами Тхачь, Шугусу и Главным хребтом. Оставшиеся, около десятой части племени, ныне живут в Екатеринодарском и, главным образом, Майкопском отделах Кубанской области.

Дьяков-Тарасов, приводя предания, пишет, что учитывая все данные, он приходит к тому мнению, что родоначальниками абадзехов были представители и абхазцев и кабардинцев и других черкесских племен, ушедших из своих общин, и даже крымчаков. Языком же их стал язык покоренных ими народностей.

Не защищая ни одного из приводимых тут положений, но и не отвергая их, мы оставляем вопрос о причислении бжедухов и абадзехов к абхазским племенам открытым.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ.

Об общественной организации Абхазии до соединения ее с Россией сохранилось мало известий. К концу же XVIII и началу XIX века мы видим страну покрытой объединениями, *акыта* (акы́та), которые носят характер чего-то среднего между общиной, волостью и феодальной единицей. Акыта—это объединение нескольких родовых, фамильных союзов, в которой преобладающим влиянием и значением пользовалась одна из фамилий, входящих в союз. Акыта представляла собой полунезависимую единицу, жила на основании отчасти обычного права, а отчасти на основании установившихся в ней в течение веков взаимоотношений.

На акыта лежала обязанность ограждения имущества и жизни своих членов, организация кровомщения, походов и набегов и защиты от них. Эти внешние отношения акыта были благоприятной почвой для образования главенства одной фамилии. На подобную фамилию падали тяжелые обязанности руководства. С течением времени, кроме обязанностей, были присвоены и права и подобные фамилии выделились в особые сословия.

Присоединение к России застало в Абхазии два высших сословия: *тавадов* и *аамыста*. По всей вероятности в более отдаленные времена, как их права, так и обязанности были различны, но в XIX веке мы этих различий не встречаем. По преданиям аамыста подчинялась тавадам. Из их фамилий в каждой акыта был *ахылапшюю* (ахулапшю́), глава акыта, ее патрон, защитник, покровитель, начальник. Все члены акыта по отношению ахылапшюю были *хитши*-опекаемые. Они распадались на несколько групп — сословий.

Обычай, возведенный в право и освященный веками,

определял обязанности всех сословий. Главнейшая обязанность, лежавшая на членах акыты, — это исполнение воинской повинности. Остальные повинности были различны для каждого сословия и даже имели некоторую разновидность в разных акытах.

Хипши в Абхазии делились на следующие сословия: ахашала (ахашала), ахуйю, (ахууѳу), азаты, амацюрасгу, анхае и шинагма.

В Самурзакани некоторые сословия имели другие названия. Абхазским аамыста в Самурзакани соответствовали жноскуа, анхае-пиош, амацюрасгу-майнале, ахуйю-дельмахоре.

Сословие *ахашала* — самое низшее из существовавших в Абхазии и Самурзакани образовалось и пополнялось из пленных, покупкой в других государствах и переходом из более высших сословий. Лица этого сословия могли быть покупаемы, продаваемы и передаваемы владельцами по своему желанию. Они были безсемейны, безправны, безимущественны.

Выход из этого сословия возможен был при согласии владельца через вступление в брак, при чем владелец наделял ахашала землей и хозяйством. Тогда ахашала становил-

30 ~~ся~~ ахуйю (в Самурзакани-дельмахоре)

Ахашала составляли приблизительно 2% всего населения. Большинство их (около $\frac{3}{4}$) принадлежало анхае, около четверти — тавадам и аамыста и незначительное число прочим сословиям.

103880 Из тех еж элементов и из женившихся ахашала составлялось и другое сословие *ахуйю* (в Самурзакани *дельмахоре*). Лица этого сословия пользовались личной свободой, владели землей и хозяйством. Ахуйю и дельмахоре составляли около 12% населения. Большая часть их (до $\frac{3}{5}$) была в зависимости от анхае, а остальная от тавадов и аамыста.

Повинности их заключались в отдаче в услужение в дом патрона мальчиков и девочек, в повинности продуктами, работе на патрона и взносе ачмы (в Самурзакани-харджи) — платы при выходе замуж членов семьи ахуйю.

Наиболее тяжелой повинностью была работа ("барщина"), главным образом полевая, на патрона до трех дней в неделю всеми взрослыми мужчинами. Хотя ахуйю был обязан этой работой круглый год, но обычно они отбывали ее только во время полевых работ.

Ахуйю имел право с принуждением патрону известного выкупа перейти к другому патрону. Это право перехода называлось *ассаства*. Патроны не пользовались правом передачи или продажи повинностей ахуйю, за исключением ближайших родных.

Ахашала и ахуйю, освобожденные своим патроном (с религиозной миссией „на помин души“, или в благодарность, или в ознаменование семейного торжества), становились *азата*, — лицами вне сословий. Число их было весьма незначительно.

Сословие *амацюрасгу* (в Самурзакани *майнале*) образовалось из тех ахуйю, которые посредством выкупа, чаще всего постепенного, освободились от всех своих обязанностей и повинностей по отношению к патрону, за исключением „барщины“. Для амацюрасгу барщина заключалась в работе до 3-х дней в неделю, а если в семье несколько взрослых мужчин, то в работе одного из них по 5—6 дней в неделю.

Сословие амацюрасгу было незначительным и не превышало 2% всего населения.

Сословие *анхае* (в Самурзакани *пиош*) было самым многочисленным, самым свободным крестьянским сословием. Оно составляло главную массу акыта. Это сословие составляло около $\frac{3}{4}$ всего населения страны.

На анхае лежала повинность работой, обычно не более 3—5 дней в году, по приглашению своего патрона, который для них является всегда главой акыта, *-ахылапшюю*, а также в уплате известного процента урожая и приплода.

Анхае могли осуществлять переход в другую акыта и к другому ахылапшюю (*ассаства*) без всяких ограничений, чем и удерживали последних от нарушения обычного права.

Сословие *шинагма* является сословием крестьян — чиновников. Единственной их повинностью являлось несение служебных обязанностей при ахылапшюю. Шинагма среднее между управляющим, доверенным, телохранителем и волостным старшиною. Это ставило шинагма в исключительное положение среди прочих *хитши* абхазской акыты.

Величиною акыты определялась ее мощь, значение и влияние. Акытой же определялось значение и сила той или иной фамилии *тавада* или *аамыста* (в Самурзакани *-жноскуа*).

Те или иные личные качества ахылапшюю определяли количество их хипши. Качества привлекающие усиливали акыту и, наоборот, как только во главе акыты оказывался неспособный ахылапшюю акыта слабела. Вследствие этого в Абхазии более сильная ныне фамилия потом слабела и такие отливы и приливы силы и влияния мы наблюдаем во всех родах тавадов, аамыста и жноскуа.

Чрезмерное усиление какой-либо фамилии или же, наоборот, ее слабость представляла для владетелей Абхазии и Самурзакани опасность и тогда они прибегали к искусственным мерам усиления слабеющей фамилии или же к насилию для ослабления сильной фамилии. Тавады же, аамыста и жноскуа в свою очередь не давали усиливаться владетелям.

Вместе с тем эти же тавады, аамыста и жноскуа по первому зову владетеля выходили на защиту своей страны

Писаных законов не было и все управление страной совершалось на основании обычая. Возглавлялось управление князем (по абхазски-аh), ограниченном в своих деспотических правах обычным правом и феодальными правами ахылапшюю.

С приходом русского владычества все крестьянские сословия фактически стали крепостными сословиями и были раскрепощены почти одновременно с русскими крестьянами.

До конца 60 г. г. XIX в. управление было в руках владетеля-князя, но через русских чиновников, что в первую половину 70-х годов было изменено: владетель был совершенно устранен от управления.

Владетели Абхазии и Самурзакани были из рода князей Шервашидзе, по абхазски-Чачба.

В Цебельдинском княжестве владетелями были князья Маршани, по абхазски-Маршанаа.

Из старинных тавадских (княжеских) родов в стране выделялись фамилии: Анчабадзе, по абхазски Ачба, первая исторически известная абхазская княжеская фамилия; Дзяпш-ипа, Инал-ипа, Эмухвари, по абхазски—Эмхаа, Чаабалурхуа и др.

Из аамыстских-жноскуаских (дворянских) фамилий укажем: Акиртава, Занбай, Лакербай, Микамбай, Маргани (по абхазски-Маан) и др.

РЕЛИГИЯ.

О религиозных верованиях абхазцев до принятия ими христианства не сохранилось никаких сведений, кроме современных легенд и удержавшейся в устной передаче мифологии.

Христианство процветало в стране около тысячи лет и сменилось мусульманством. О процветании в стране христианства говорят многочисленные развалины церквей и монастырей и масса записей в хрониках.

Ислам, несмотря на то, что был в стране несколько сот лет, не мог вытеснить окончательно христианских обрядов.

И абхазцы в недалеком прошлом без различия, мусульмане и христиане, праздновали Рождество Христово, Пасху, Духов день, Байрам и одинаково постились и в великий пост и в рамазан. И в тоже время и те и другие почитают священные места и горных и лесных духов и приносят им жертвы.

Особенным уважением у населения страны пользуется наковальня, на которой (или которой?) приносились жертвы и на ней же произносились клятвы, считавшиеся ненарушимыми.

Все путешественники подчеркивали особое уважение населения к развалинам древних церквей и предметам церковного обихода сохранившимся в них. В особенности это уважение проглядывало к Пицундскому, Лыхнинскому, Драндскому и Илорскому храмам.

Резюмируя сказанное, мы можем назвать абхазцев одновременно и мусульманами, и христианами, и язычниками, и атеистами.

ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВО.

В отношении землевладения все абхазские и самурзаканские сословия, начиная с тавадов и кончая ахашала были совершенно равноправны. Вся земля акыты состояла в общем владении для пастбищ и других нужд членов акыты. Закрепление земли в собственность происходило путем расчистки участка, что при буйной растительности страны представляло тяжелый труд. Ограничений в расчистке участка почти не существовало.

За тавадами и аамыста оставалось лишь право собственности, кроме своих участков, на участки по тем или иным причинам оставшиеся без хозяев, например: на вымороченные. Кроме того они имели право на получение „ажидз“ (ажыз) — плату за разрешение пастьбы скота других акыт на землях своей акыты. При присоединении страны к России было введено и русское правовладение землей. Все незаселенные земли отошли к казне, главным образом в распоряжение Переселенческого Управления. Много было дано земель монастырям и разных степеней служилым людям. Много земель было в девяностых годах распродано частным собственникам.

Земли, которыми владели Шервашидзе, были почти все пожалованы русскими императорами. Им и другим видным кавказцам жаловались тысячи десятин.

ЗЕМЕЛЬНОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Земельное хозяйство является главной доходной статьей в стране.

Крестьянское земледелие стоит на низком уровне развития. Поля обрабатываются допотопными орудиями: мотыками и т.п. Хозяйства без рабочего скота достигают 29,9% (по переписи 1917 г.) Главными культурами крестьянского хозяйства являются кукуруза. В 1917 году из одного только Очамчирского порта вывезено свыше 3.000.000 пуд. кукурузы.

Огородничество развито слабо и преобладает картофель. Средняя цифра за пятилетие 1909—1914 года дает нам под картофелем 150—200 дес.

Виноградарство занимает видное и почетное место, но стоит тоже на низком уровне развития. Виноградная лоза произрастает почти во всей стране, но по большей частью не культурно и запускается виться по стволам и ветвям различных деревьев, отчего быстро дичает. Туземных или акклиматизированных сортов виноградных лоз несколько, наиболее же распространенных два: изабелла и качич.

Абхазская вина по своим качествам и достоинствам не уступают крымским и другим кавказским винам. В особенности славятся вина, выделяемые в районе Гудаут и Псырстхи, где сохранились местами чисто-абхазские старинные лозы. В последние 20—25 лет появилось много культурных

виноградников и образцово—поставленных виноделий, а также разведено много заграничных, главным образом, французских лоз. Десертного и лечебного винограда разводится сравнительно мало. Под виноградниками в Абхазии занята площадь до 4.000 дес. Всего в стране получалось от 2½ до 3 х миллионов ведер вина ежегодно.

В последнее время усиленное внимание обращено на *садоводство*. Особое внимание хозяев приковано к культуре цитрусовых и, главным образом, на мандарины уншию, великолепно вызревающие и хорошо переносящие климат страны. Хорошо вызревают, но не переносят случающихся суровых зим лимоны, апельсины и померанцы. Последние вызревают хуже остальных. Цитроны вызревают плохо. Из косточковых великолепно персики, которых например в садах Лопатина в сел. Бомборы, близ Гудаут, около 200 сортов. Лопатинские персики завоевали для себя столичные рынки. В северной Абхазии хорошие результаты дает венгерка, идущая на чернослив, не уступающий французскому.

С успехом разводятся яблоки (ренеты, размарины), и напалеон, груши дюшес. Ангулем, беде др.).

Хороши выходят инжир, мушмала и хурма. Но хороших гранат и айвы не получается, хотя и произрастают всюду в изобилии.

Вывоз из страны сушеных и свежих фруктов на много превышал сто тысяч пудов в год. Местное же потребление учесть невозможно.

Масса плантации фундука, дающего великолепные результаты. Мало обращено внимание на разведение грецкого ореха и каштана, дающих тоже великолепные результаты. Из фундука выделяют масло, а из каштанов и тоже фундука выделяют муку. Местное употребление фундука, грецкого ореха и каштанов учесть совершенно невозможно, годовой же вывоз достигает до 150.000 пудов.

Дают хорошие результаты плантации маслин. Большие плантации их—свыше 20 000 деревьев, имеются в Ново-Афонском монастыре.

В последнее время большое внимание обращено на промышленное разведение и использование лавра и лавровишни, произрастающих в стране в диком виде. Уже лет десять то-

му назад ежегодный вывоз лаврового листа достигает 2000 п.

В последние десятилетия цветочная фирма Ноева с успехом использовала плантации цветов, находящиеся близ Сухума. Близ Ново-Афонского монастыря Беклемишевым разведены плантации роз и организован завод для добывания душистых, эфирных масел.

Чтобы закончить о *цветоводстве*, скажем, что из страны вывозилось пальм, агав, олеандр и других декоративных растений около 10000 пудов ежегодно.

Одной из самых главных опор экономического благополучия в стране и крайне важным местом в хозяйстве ее являлось *табаководство*. Число табачных плантаций достигало 7000 с площадью в $8\frac{1}{2}$ тысяч десятин. Сбор табаку с десятины в зависимости от сорта колеблется от 25 до 85 пудов. Средняя же цифра сбора 60—65 пудов. Всего собиралось до 600.000 пудов, из которых десятки тысяч шло за-границу, остальное на местный рынок и в Россию.

Промышленные плантации разводили исключительно „самсон“ и „трапезунд“. Стоимость сбора 1914 года превышает 7 миллионов рублей.

Несмотря на исключительно важное значение культуры табака в стране, она стоит на низком уровне и ведется кустарническим способом, главным образом мелкими хозяйствами, что видно из того, что средняя площадь плантации колеблется около десятины.

Табак, прежде чем попадал к фабриканту, проходил в буквальном смысле через десятки рук перекупщиков разной формации.

ПРОМЫСЛЫ и ТОРГОВЛЯ.

Земледелие с садоводством, виноградарством, огородничеством, цветоводством и табаководством является предметом другой главы.

Скотоводством занимаются на всем пространстве страны, но стоит оно на низком уровне и ведется теми же приемами, какими велось и тысячу лет тому назад. Лошади разводятся чисто местные, но довольно хороших качеств. Число их по сельско-хозяйственной переписи 1917 г. достигло 15,7 тысяч голов. Из крупного рогатого скота хороши буйволы, используемые как рабочая сила. Число их превышало

28 тыс. голов. Всего же крупного рогатого скота—103 тыс. голов. Чаще всего встречаем овцеводство и козоводство. В южной части страны развито свиноводство. Вывоз свиней и свинины, например, из Очемчир достигал 150—200 тыс. пудов в год. В Абхазии в 1917 г. насчитывалось 6,6% хозяйств без всякого скота. По уездам эта цифра колеблется от 2,1 до 14,6 %%. В стране несколько средних и небольших молочных хозяйств, прекрасно поставленных. Пастбищ в стране более 120,000 десятин.

Пчеловодство очень благодарно во всей стране, но встречается небольшими пасеками для собственного потребления и местного рынка. Промышленных пасек всего две-три. Ранее в абхазских лесах водилось масса диких пчел и население страны занималось сбором их меда, как доходным промыслом. Выше средними качествами отличается мед нагорных местностей страны.

Шелководственных пунктов в стране несколько. Центр *шелководства* селение Илори. Шелк отправляется за границу в коконах и нитках или идет на выделку „дарайя“,—шелковой грубой материи, выделанной домашним способом.

Рыболовство развито в недостаточных размерах по всему побережью страны. Ловится главным образом: сельдь, камса, бычек, камбала и кефаль. На реках рыболовством занимаются лишь по любительски, за исключением реки Мокви, берущей начало из пещеры, на которой ловится большое количество рыбы, выходящей из пещеры.

Кроме того гагринский рынок одно время снабжался форелью из озер Большая и Малая Рица.

Большие запасы рыбы в озере Инкит, где ловля производится исключительно монахами Ново-Афонского монастыря, живущими в Пицунде. Имеются рыбные консервные заводы, носящие кустарнический характер.

Большой *устричный промысел* «Гудаутских» или «Черноморских» устриц у местечка Гудауты. Число вылавливаемых устриц доходило до 6—7 миллионов штук ежегодно.

Мануфактурная промышленность слабо развита и ее произведения идут исключительно для удовлетворения домашних нужд.

Тот же характер носит изготовление деревянной и глиняной посуды, кожи, чернение серебра и т. п.

В небольших размерах имеется в стране кожевенное, мыловаренное, консервное и т. п. производства.

В таких же размерах—для местного рынка происходит добыча горной соли.

Имеющиеся во всех районах страны свинцовые и свинцово-серебряные рудники, разрабатывавшиеся еще в XIV-XV в. генуэзцами, ныне не разрабатываются, т. к. из-за отсутствия дорог продукт не покрывает издержек производства.

В довоенное время большой доход стране давал пансионно-гостиничный промысел (пансионы, гостиницы, отели, санатории и т. п.) в районе Гагры—Сухум (Гагры, Новые Гагры, Мюссера, Гудауты, Новый Афон, Сухум).

Годичное число приезжающих туристов, больных, богомольцев, экскурсантов и т. д. значительно превышало десятков тысяч.

Большой дельфинный промысел на всем побережьи, с центром его являлся Пицундский мыс и залив. На Черном море водятся китообразные в трех видах под общим именем дельфинов. Количество жира при общем среднем весе до 180—110 ф. колеблется от 25 до 50%. Дельфинный жир употребляется на изготовление ворвани, ваксы, смазочных машинных масел, лекарственных препаратов и др. Остатки дельфинов идут на приготовление балыков и солонины, клея спермацета, костной и мясокостной муки и туков для сельского хозяйства. До войны дельфиньего жиру добывалось до 20—25 тысяч пудов ежегодно.

Лесной промысел имел большое экономическое значение для страны и имеет большое будущее. Леса покрывают до 60% всей площади страны. Из них выделяются Бзыбская, Муравьевская, Псышская, Ткварчельская, Окумская и др. казенные лесные дачи, числом 21, состоящие из ценных пород леса: самшит, тисс (негной), орех, лавр, дуб, лавровишня, липа и др. Из них только одна Бзыбская дача оценивается в 100—120 миллионов рублей. В довоенное время из Абхазских портов (Сухум, Гудауты, Очемчиры, Гагры и Анаклия) еже-

годно вывозилось: ореховых брусков и наплывов, досок, весел, дубовых клепок, самшита и изделий из него (одних ложек более 100 пудов) и др. около миллиона пудов. Кроме того вывоз дров достигал 400—500 тысяч пудов.

Большие запасы находятся в стране *каменного угля*. Главное его местонахождение в районе Ткварчельской казенной дачи. По исследованиям, произведенным в 1900 году русским профессором Латуниним и английским Галовеем, запасы угля считаются доказанными на некоторых площадях от 2½ до 3 миллиардов пудов. Ткварчельская дача разбита на 11 площадей, следовательно общий запас нужно определить не менее 20 миллиардов пудов. А так как залежи угля обнаружены и вне этой дачи, то эту цифру нужно увеличить.

Вследствии отсутствия дорог работы были приостановлены.

То же происходит и с шахтами в районе реки Бзыбь, в урочище Каджерипш.

В таком же положении, как разработка свинцово-серебряных рудников и угольных шахт, стоит вопрос и о добыче *меди, железа, мрамора, серного колчедана, аспидного сланца, цементных известняков, асфальтового камня* и т. д., имеющих нахождение в Абхазии.

Недалеко от этого ушло и использование „*белого угля*“, т. е. силы падения воды, имеющегося в стране в громадном количестве. Пока что водяная энергия эксплуатируется, кроме мельниц, 10—20 предприятиями, из них крупнейшее— Сухумская гидро-электрическая станция.

ПУТИ СООБЩЕНИЯ.

Законченных *железных дорог* на территории Абхазии не имеется. Но имеется почти законченное полотно с готовыми туннелями, с частью законченных мостов строящейся Черноморской побережной дороги. Эта дорога должна соединить Армавир—Туапсинскую ж. д. с Потийской веткой Закавказских дорог, а именно ст. Туапсе со ст. Квалони. Дорога эта роходит через все главные населенные места Абхазии. На

территории страны дорога имеет протяжение 175 верст и более 20 станций и раз'ездов.

В Абхазии имеется несколько *узкоколеек*. Одна на территории Ново-Афонского монастыря для его нужд, вторая с паровой тягой от Сухума до селения Маджара (около 7-ми верст) для возки дров. Она построена в 1921 году и ныне проводится до р. Кодор. Третья от сел. Адзюбжа на р. Кодор до моря протяжением 7—8 верст и др.

Морское сообщение было между следующими портами: Гагры (имеется пристань), Новые Гагры, Гудауты, Новый Афон (имеется пристань), Сухум (имеется несколько пристаней) и Очемчиры. Наиболее спокойная бухта Сухумская.

Лучшее *шоссе* в Абхазии—это побережное, соединяющее Сухум с Новороссийском (486 верст) и называющееся Анненковским, по фамилии заведующаго постройкой генерала Анненкова, или Голодным, так как строилось крестьянами из голодающих губерний. Шоссе проходит через Гагры, Калдахвары, Лыхны, Гудауты, Новый-Афон в Сухум.

Военно-Сухумское шоссе соединяет Сухум с Северным Кавказом с городом Баталпашиным и, выходя из Сухума, проходит через Маджару, Ольгинское, Цебельду, Латы и Клухорский перевал. Расстояние 316 верст.

Драндское шоссе идет на юг из Сухума по берегу Черного моря через Маджару, Дранды, Кодор, Очемчиры, Гудаву, Гагиру на Редут-Кале и Потн. Расстояние Сухум—Очемчиры 58 верст.

От Очемчир через Мухури Абхазия соединена шоссе со столицею Мингрелии Зугдидами. Расстояние 49 верст.

На восток от Сухума идет дорога через Михайловское к Василиско-Златоустинскому монастырю, где скоро переходит во вьючную и через Ачавчарский и Доусский перевалы, урочище Псху и Санчарский перевал приводит на Кубань.

Другие дороги, вроде Мухури—Окум или Анненковское шоссе—Мюссера, имеют чисто местное значение.

МАЛЯРИЯ.

Бичем всего побережья страны является *малярия*, разносимая, как известно, комаром *Anopheles*. Хотя и заметно с каждым годом уменьшение числа заболеваемых этой болезнью

но все же зло еще велико, в особенности в местности к югу от р. Кодора. Но с каждым годом леса и болота страны все более и более расчищаются, все более и более становятся культурных участков и все менее и менее число больных. К сожалению ни правительством, ни населением не ведется борьбы с этим бичем побережья. От малярии страдает как туземное население, так и приезжие.

По мере удаления от побережья в горы болезнь эта исчезает и уже на высоте плоскогория почти не встречается. На высоте 2000 футов заболевания малярией не бывает.

КЕЛАСУРСКИЕ СТЕНЫ.

По левому берегу реки Келасури, в нескольких десятках саженьях от нея, на берегу моря, у самого пляжа стоит башня. От башни параллельно реки идет стена, высотой в три аршина и толщиной в $2\frac{1}{4}$, на ближайший холм, где упирается в новую башню. Это начало, так называемых „Келасурских стен“, в действительности стены.

От реки Келасури стена поворачивала к югу, пересекала р. Маджару и Кодор у горы Сахарная голова (Адагуа) и шла у селений Джерды, Чилон или Чилоу, Губ или Гупы, Бедиа, Окума, до реки Ингур и по его берегу до самого моря.

Преданий и теорий по вопросу о времени и цели постройки этой „китайской“ стены Абхазии много. Наиболее достоверным является предположение о постройке ее для защиты от набегов горцев, т. е. строители ее делали приморские части Кодорского района и всю почти Самурзакань одной большой крепостью.

Но кем возводилась эта постройка?

Предания указывают на эллинов и на Юстиниана II Великого. Великая Абхазская стена сейчас полна загадок и ждет своего исследователя или хотя бы даже описателя. До них же оспаривать, или доказывать, или соглашаться с различными легкомысленно бросаемыми теориями невозможно и нельзя.

Предание о постройке Абхазской стены Юстинианом II не выдерживает критики уже по одному тому, что еще за тысячу слишком лет до него мы имеем сведения об этой стене. Еще Гекатей, живший в VI веке до Р.Х., говорит, что на Понте страна Кораксов, по соседству с Колами, обитаемая колхидским племенем Кораксов, и в ней Коракская стена. Возможно, что Геродот (480—426 гг. до Р.Х.), говоря о „существующих до сих пор еще в Скифии Киммерийских стенах“ подразумевает Абхазскую стену.

Заметим, что длина Абхазской стены—не менее ста верст. Точно сказать, повторяем, нельзя до описания ее.

ПОСЕЛЕНИЯ СТРАНЫ.

В современной Абхазии считаем необходимым отметить следующие поселения:

Главный город *Сухум* или *Сухум-Кале*, что в переводе с турецкого: су—вода, кум (хум)—песок и кале—крепость. Город расположен в центре страны, на берегу Сухумского залива Черного моря, при впадении небольших речек Беслы или Беслетки и Гнилушки (по абхазски—Запши). Древние названия города (на месте которых расположен современный): эллинские—Диоскуриа. Диоскуриас, Диоскуриада, римские Севастополис, Себастус или Сотирополис (?), генуезское—Севастополи, абхазские—Аку, Агуа, Аква, Акуа, или Аквеа (Аqуа), грузинские Тцкуми или Тцхоми. Город с ближайшими окрестностями славится, как одна из лучших в Европе зимних климатических станций для туберкулезных. Центр торговли на Черноморско-Кавказском побережье табаком, цветами, пальмами, пальмовым деревом (самшитом) и другими ценными породами, лавровым листом, вином, дельфиньим жиром, кукурузой, скотом, фруктами и изделиями из них, медом с воском, рогом, лесом и его изделиями и др.

Ботанический акклиматизационный сад, устроенный еще в 1840 году. Опытная садовая и сельско-хозяйственная станция, опытные поля лекарственных растений; большой маяк; общества борьбы с туберкулезом, сельско-хозяйственное, благотворительное; о-во любителей природы и педагогический

музей; много санаторий и пансионатов для туберкулезных, из коих наиболее известны: Агудзеры, Азра, Гульрипш № 1 и № 2, Общества борьбы с туберкулезом и т. д.

Из древностей в черте города сохранилась лишь крепость, построенная турками в первой четверти XVIII в. и реставрированная уже русскими в начале прошлого столетия. Имеются некоторые данные, позволяющие предположить, что турками крепость была построена на месте генуезской.

Из окрестностей города заслуживают внимания:

Дачный район за рекой Беслеткой, по абхазски Чали-баш, по Драндскому шоссе. Из дач выделяется „Синоп“, бывшее владение великого князя Александра Михайловича, Смецкого и Ноева.

Сел. *Маджара* у устья реки того же имени в 7-ми верстах от города. Узел дорог на Сухум, Северный Кавказ и в Закавказье.

Диоскурия в 8—9 верстах от города по Драндскому шоссе. Бывшее владение великого князя Александра Михайловича. Большое и довольно культурное имение. Большая площадь под фундуком.

Гульрипш в 10—12 верстах от города по Драндскому шоссе. Бывшее имение Смецкого. Лучшее и наиболее благоустроенное владение в районе Сухума. 3 санатории: «Агудзеры», ныне сгоревшая, «Гульрипш» № 1 и 2; водопровод; канализация; электрическая станция; церковь; парк до 100 десятин; большое садоводство; виноделие и т. д.

Устья реки Келасура в 4 верстах от города по Драндскому шоссе. На левом берегу от башни ближайшего холма спускается древняя стена, толщиной в $2\frac{1}{4}$ аршина. Стена сложена из диких больших камней. Известна под названием *Келасурских стен*. (Смотри подробности о них).

Развалины крепости на холме, на левом берегу Беслетки, на холме, ближайшем к морю во владении Лианозовой (б. Юревича). Время постройки неизвестно. Отнесение ее постройки абхазо-карталинскому царю Баграту (X—XI в.) неосновательно и не имеет под собою никаких данных. Сама постройка говорит за значительно более позднюю эпоху.

Полудачные, полухуторские владения на правом *берегу Беслетки* и несколько на левом, в 3—4 верстах от города. Там же серные источники. Возле них развалины, напоминающие ванные комнаты, недалеко развалины древнего поселения, возможно курорта. Там же предприятие, занимающееся розливом воды источника „Анкара“ в посуду.

Немного далее аркообразный, изящный и красивый, построенный генуезцами «Венецианский» мост. Невдалеке от моста развалины храма и большого трехэтажного здания, носящего среди местного населения название „дворца“.

Б. аул *Бырц* в 1½ вер. от города по дороге в Михайловское. Около аула развалины небольшого храма.

Сел. *Эшеры*, в древности Цхом, по Афонскому шоссе в 6—9 вер. от города. В районе общины, в урочище Абгырцых в 2—3 вер. от р. Гумисты, развалины храма.

Во второй половине прошлого столетия в исторической науке поднялся вопрос о местонахождении Диоскурии. Некоторые пытаются доказать, что Сухум—Кале не на месте древней Диоскурии. С легкой руки барона Услара Диоскурию перемещали на мыс Искурию в дельты реки Кодора, где имеются развалины. Сухумские археологи Чернявский, Мачавариани и др. стараются видеть остатки Диоскурии в водах Сухумского залива на глубине 3—4 сажен вдоль берега на протяжении до 5-ти верст.

Нагляднее и убедительней и вполне доказательными, мы думаем, являются описания местоположения Диоскурии у Страбона (см. историческую часть). А также если вычислить расстояние, приводимое у него в 350, а у Арриана в 360 стадий *) от Пицунды. Очень убедительна и карта Арриана, лично посетившего побережье, в отличие от многих других географов, описывающих Понт Евксинский. Убедительны и данные раскопок Московского Археологического О-ва.

Местечко *Гагры*, расположенное при впадении небольшой реки Жоеквары (по абхазски Жоа-куара, генуезское Бергус), в Гагринский залив. Древние названия —Пагры, Багры, генуезские—Какари, Хахари, Какар, Хатары, Каркари, турецкие:

Стадия=85 саженим.

по Эвле-Эфенди-Какур, по Шардену (конец XVII в.)—Баладаг (в переводе Высокая гора), по Клапроту-Дербенте (в переводе ворота), по Досифею--Контози (в переводе—гавань, порт, пристань), абхазское—Гагра, во второй четверти прошлого столетия—Гагринское укрепление.

Славится со времен римского владычества, как морские купанья и зимняя климатическая станция.

Из древностей сохранился храм в сильно измененном расставрациями виде. Из развалин на р. Холодной (по абхазски—Багерепста) развалины храма, на р. Жоеквара развалины башни („Башня Митридита“) и в гагринской теснине развалины римских стен. Вполне возможно, что это знаменитое ограждение Гагринского прохода—известное *Validus murus*.

Вблизи Гагр на одно явление обращает внимание известный землеописатель Реклю: „Около Гагр у берега бьет обильный подводный ключ“.

Известная климатическая станция, основанная принцем А. П. Ольденбургским, с образцовыми европейски устроенными гостинницами, парком и т. д.

Рядом дач и имений Гагры соединены в 7—8 верстах с местечком *Новые Гагры*, лежащим на том же Гагринском заливе.

На юг от Новых Гагр имение принца А. П. Ольденбургского „*Отрадное*“ с культурным европейским хозяйством. В имении „*Ольгинский*“ источник столовой воды.

Сел. *Аветук* недалеко от правого берега устья реки Бзыби. Вблизи его в имении развалины. Некоторые в них видят древний Питиус.

Большая община *Калдахвара* (по абхазски *Калдахуарэ*) с селениями *Блабурха* (по абхазски *Блабурхуа*), *Бермизи* (*Бармш*) и др. на пересечении Анненковского шоссе рекою Бзыбь. На левом берегу Бзыби вверх по течению от шоссе развалины крепости и храма. Крепость видимо расставрировалась несколько раз.

В районе же общины, на левом берегу Бзыби, у подножия горы Дзихча, в урочище Ахашныха развалины большого, по всей вероятности, греческого храма и большого здания, являвшегося, по местным преданиям, дворцом.

Вверх по течению, в верстах 15 от Калдахвар, в урочище Хасанты большое городище.

Пицундский монастырь на одноименном мысе. Древние его названия: эллинские и римские—Питиус и Питунд, Страбоновский—Большой Питиунд, генуезские—Пеконда, Пецонда, Пезонда, абхазские—Лзаа, Лдзаава, грузинское—Бичвинда. Предполагается, что название произошло от греческого слова —*pitus*—сосна, каковая роща растет в районе монастыря. Известный старинный храм, постройка которого одними приписывается к середине VI века имп. Юстиниану II, другими к X—XI веку. Храм раставрирован в семидесятих годах прошлого столетия и весьма неудачно. Ныне монастырь. Невдалске в полуверсте городище. Большой маяк.

Небольшой поселок *Мюссера* при устьи реки того же имени. Рекламируется, как растущий курорт и центр „Абхазской Швейцарии“. В верстах 4 от него в урочище Рьяпш развалины небольшого храма. Абхазское название селения и реки—Мсра.

Селение *Джирхва*, в нескольких верстах от которого в урочище Анбара или Амбаро развалины большого и красивого храма, видимо византийского.

Второй по величине город Абхазии *Гудауты* на восточном берегу Бомборского мыса, на берегу Гудаутской бухты, называвшийся генуезцами *Savo de buxo*, *buxio*, *bux*, *bussi*, *baxo*. Гудауты—молодой и сравнительно небольшой городок, являющийся центром северной Абхазии. Используется с успехом, как летняя климатическая и морская станции. Центр устричной ловли на всем побережьи, улов которых превышает 6 миллионов штук в год. Центр винодельческого района страны.

Около города сел. *Бомборы* (по абхазски *Бамбуар*), бывшее Бомборское укрепление, развалины которого заметны и ныне.

Славится своими персиковыми садами,

В 2—3 верстах по шоссе от Гудаут селение *Лыхны*, Лихни или Лухуна, в древности—Зуфа, Зуфу, Зупу, турецкое—Соук—Су или Суук—Су, что в переводе—холодна,

вода, генуезское — Букс, Букс, Буксно, Буси, Зуфа, на карте Александра Имеретинского — Логин, по абхазски — Лхны (Лхнѳ). Бывшая резиденция абхазских владетельных князей из рода Шервашидзе. Оригинальный старинный храм X века с усыпальницей нескольких членов рода Шервашидзе (Георгий — Сефер-бей и др.) В храме имеется надпись, относящаяся к шестидесятым годам XI века. Невдалеке в 50—100 саженях развалины дворца абхазских владетелей. Основание Лхнн относится к древней эпохе, но к какой именно — установить мы считаем пока невозможным. Обычное приписывание основания к седьмому веку до Р.Х. не имеет за собой научных оснований.

Большое селение *Ачандара*, между реками Дохварта и Джабара.

Ново-Афонский монастырь при устьи реки Псыртси, основанный в 1875 г. Фуникулер, подъездная железная дорога, дрововоз, ботанический сад, большая промышленная плантация маслин, большое виноделие, кустарные мастерские, гостиницы, пристань.

Из древностей в районе монастыря: крайне варварски реставрированный большой храм VI—VIII в., имеющий сходство с Пицундским; развалины большой крепости, относимой некоторыми римлянам II-го века, а другими (граф. Уваровой) Комненам XII в.; развалины храма в крепости, более позднего происхождения, чем окружающая его крепость; развалины генуезской крепости с двумя уцелевшими башнями, в одной из них ныне устроена монастырская гостиница.

Монастырь построен в районе, где эллины, римляне, византийцы и генуезцы имели свои города и крепости, называвшиеся Анакопией, Никопсией, Анакуфой (?). Город служил резиденцией с половины VI по конец VIII в. византийским правителям, с конца VIII по середину IX абхазским царям, с середины IX до конца X вместе с Кутаисом им же. С этого времени по конец XI в. вместе с Кутансом абхазо-карталинским (абхазо-имеретинским) Баградитам.

В нескольких верстах от монастыря на горе Анухва или Анхуа развалины храма.

Большое селение *Михайловское* на реке Гумиста, по бывшей Военно-Санчарской дороге. В 2—3 верстах от него

Василиско-Златоустинский монастырь и развалины города Куманны или Комана с небольшим храмом Василиска, епископа Комадского. Эта местность по абхазски зовется Гума.

Аул *Мерхеуа* на реке Маджарка по Военно-Сухумскому шоссе,—бывшая резиденция Цебельдских владетельных князей Маршан. В 2 вер. от него на сев.—восток развалины церкви.

Большое селение *Ольгинское* на реке Маджара, по В.-Сухумскому шоссе. Недалеко от селения развалины большой с колонами и барельефами церкви в имении Рейнгарда. В 2 вер. от нея, в имении Вороновой, развалины церкви с каменным богато украшенным орнаментами иконостасом.

На север от Ольгинского селение *Полтавское* (Ачадара) со своими хуторами. В районе Полтавского мы находим у подножья Чижауш! пещерные жилища в несколько этажей с галлереями и т. п. Урочище Отгилка с развалинами церкви, с разбросанными по урочищу небольшими часовнями, надгробными плитами с надписями. На горе Ахышта хорошо сохранившиеся развалины довольно большой с колонами и богатой орнаментировкой, с усыпальницами церкви. В этом храме найдена надпись: „О святой апостол Господа Иисуса Христа, прими сие пожертвование от меня, эристава и конетабля Абосалана, сына Иова“. Возможно, что это имя одного из абхазских эриставов из дома Анчабадзе или Шервашидзе.

Сел. *Георгиевское* на реке Джанпал. Недалеко от него развалины церкви. По абхазски селение зовется Джанпал (*Цанпал*).

Аул *Цебельда* в урочище того-же имени по В.-Сухумскому шоссе, в котором находилось ранее укрепление. В 3—10 вер. от селения у Багадского моста развалины церкви. Абхазское название аула Цабал (*Цабал*).

Селение *Верхние* и *Нижние Латы* в одноименном урочище на реке Кодор по Военно-Сухумскому шоссе. Рекламируются, как горная климатическая станция.

Селение *Дранды* на реке Кодор, на шоссе Сухум—Очемчиры. В селении Успенский монастырь с неумело реставрированным в 1886 году древним храмом. Время постройки

храма неизвестно и его относят к VI—VII веку. Ранее в Драндах была епископская кафедра. При монастыре типография и другие мастерския. Селение по абхазски зовется Цхобен (Цхѣбѣн).

Сел. *Кех*, по абхазски тах (Тах), на реке Кодоре. В 2—3 верстах от него на горе Апианча развалины двух церквей.

Селение *Кындз* или Киндги (Кындѣ) на реке Тоумыш, (Тоумѣш) близь него развалины небольшого греческого (?) храма.

Селение *Тамыш* на реке Тоумыш. Генуезское название — Таманза, Тамаса, Тама, Тамокчи, Тамуси. Невдали от селения, в Кындыбском лесу, в местности Ола-Гуана городище. Предполагается, что это развалины генуезского города, порта и крепости Гуэнос (Guenos).

Селение *Меркул* (Мерѣул) или Маркула (Марѣула) на реке Мокви. На карте генуезца Висконти 1318—Муркала (Mursala).

Селение *Мокви* на одноименной реке. В селении древняя церковь, построенная абхазским царем Леоном III, в которой он и был погребен в 957 году. Посетивший ее в 1659 году Иерусалимский патриарх Досифей прочел на одной из стен, что храм был „расписан при императоре Алексее Комнене и при великом абхазском царе Давиде“. По свидетельству членов русского посольства к имеретинскому царю, толмача Ельчина и священника Павла, посетивших Мокви, в храме находилось „каменное веретено“ Богородицы, часть мощей архидиакона Стефана. Еще во время Ельчина в Мокви была епископская кафедра.

XIX век застаёт храм заброшенным и последний абхазский владетель Михаил его неудачно реставрирует, в каковом виде он существует и до ныне.

По абхазски селение и река Мокви зовется Мыку (Мѣѣу) или Муку (Муѣу)

Местечко *Очемчиры*, по абхазски Очамчира (Очамѣѣра) третий по величине город Абхазии, лежит при впадении реки Гализги в Очемчирский или Скурджинский залив. Центр вывоза кукурузы—свыше 3.000.000 пудов, и свинины до 150—200 тысяч пудов ежегодно. В 50 и 60 годах

прошлого столетия зимняя резиденция абхазского владельца.

В 3—4 верстах от города, у устья реки Меркулы городище.

Селение *Илори* между устьями рек Гализги и Анаркия, на берегу Очемчирского залива, по Очемчиро-Зугдидскому шоссе в 3—4 верстах от Очемчир. На Генуезских картах XIV—XVI века Илори зовется Коробенди, Коробендина, Коробондиа, Коробендия, и тому подобное. В селении древняя церковь, построенная последним абхазским царем—первым абхазо-карталинским Багратам и его матерью Гурандухтой в конце X и начала XI века. Ограда вокруг церкви построена последним абхазским владельцем Михаилом. Абхазское название Елыр (Елур).

Селение *Бедиа* (Бедіаа) на реке Оходже (Охуаца). В селении древний храм X—XI века. По словам толмача Ельчина в храме находились терновый венец и крестные гвозди, которыми был при распятии прибит Спаситель. В его времена в Бедиа была епископская кафедра.

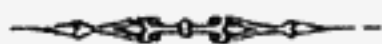
Селение *Ткварчели* на реке Гализге. В верстах в 5 от селения развалины монастыря Лашкендер. В районе селения большие залежи угля, обследование которых произведено.

Селение *Окум* на реках Царчи и Окум, бывший административный центр Самурзакани.

Селение *Гали* на реке Эрис-цкари, административный центр Самурзаканского уезда.

Селение *Чубурисихинджи* на реке Ходжахжа, правом притоке Ингура, на Очемчиро-Зугдидском шоссе. В 3—4 верстах от селения гора Сатанча или Сатанджео, на вершине которой развалины башни и у подножья городище. Есть данные предположить, что это генуезский город и крепость Св Ангела (Santa Angelo).

В 2 верстах от селения урочище Оцарце, в котором найдено много древностей, преимущественно оружия.

Древнейший период.

Когда пришли абхазцы, откуда пришли и почему осели они на Кавказско-Черноморском побережье,—вопрос, на который в данное время ответить нельзя ввиду полного отсутствия каких-либо сведений и данных.

Возможно, что в период переселения грузинских племен из Вано-Араратского района (Уратрии) в Закавказье, абхазские племена сдвинулись или были вытеснены в занимаемую ими в последующие времена область.

Возможно, что параллельно с грузинскими племенами выселились из Уратрии (или из других областей Малой Азии) и абхазские племена.

Как за эти предположения, так и против них нет не только веских, но и вообще никаких доказательств.

Имеется также предположение абхазского филолога Д. Гулия о происхождении абхазцев из Абиссинии. Это предположение также беспочвенно, как предыдущие.

Вероятней всего, что века передвижений грузинских племен (VII—V век до Р.Х.) уже застали абхазцев приблизительно на тех местах, на которых они обитают и позже. Вопрос этот может быть разрешен лишь после основательных археологических изысканий на Кавказо-Черноморском побережье, которых, к сожалению, еще ни разу не производилось.

За это предположение говорит-то, что у писателей о побережье с древнейших времен до более поздних, как мы увидим ниже, фигурируют одни и те же племена. Если же мы допустим во времена с VII века до Р.Х. и позже большое передвижение на побережье, то мы не найдем ему подтверждения у писателей древнейшего периода.

Вывод из этого на наш взгляд тот, что мы должны остановиться на предположении, что поселение абхазских племен на побережье произошло во времена доисторические и, по всей вероятности, до времен похода аргонавтов, так как отдельные эпизоды этого похода связываются с абхазцами.

Нет также достоверных и определенных сведений и не производилось в данном направлении никаких изысканий, но есть много вероятий за существование на Кавказо-Черноморском побережье вообще и, в частности в Абхазии, *финикийских и египетских колоний*, в особенности последних. Целый ряд кавказоведов поддерживают это предположение.

Академик Услар и Максим Ковалевский доказывают, что нет сомнений в существовании колоний этих народов. Их доказательства покоятся на обрядах древних обитателей страны Нила.

Кроме этих указаний мы приведем еще ряд.

На так называемых „колхидках“, — монетах, чеканеных на Кавказо-Черноморском побережье и по всей вероятности в Диоскурии (подробности о «колхидках» смотри ниже), мы на одной стороне монеты встречаем человеческую голову в уборе, который, если не чисто-египетский, то во всяком случае сильно и поразительно напоминающий египетские головные уборы. На другой стороне монеты голова быка. Ни местных преданий, ни экономических факторов, никаких других туземных причин, вызвавших или побудивших к изображению на монетах головы быка, — мы не встречаем. И невольно вспоминается египетское олицетворение божества в быке, — Аписе.

Кроме этого источника чисто местного происхождения, говорящего о каком-то, может быть, туманном и отдаленном, влиянии Египта на Кавказо-Черноморское побережье, мы имеем еще ряд туманных и запутанных указаний у древних писателей.

Так, например, известный Геродот, живший в 485—425 г.г. до Р.Х., рассказывает, что колхи являются народом египетского

происхождения. Понятно и вполне возможно, что пока до Геродота дошло сведение о том, что на Колхидском берегу были египетские города, это известие выросло уже в кровную, родственную связь между народами Колхиды и Египта. Приводим дословно его:

„Когда Сезострис (египетский фараон, подошел к реке Фазис, то, не могу сказать наверняка, как затем произошло, он ли сам, разделя свои войска, оставил часть их на житье в сей стране или же некоторые из воинов его, недовольные таким продолжительным походом, остались по собственному побуждению у берегов реки Фазис.“

В других местах Геродот излагает уже не события, а предположения. Посмотрим их: «Жители Колхиды, кажется египтяне. Я это высказываю собственное мнение, а не то, что я от других слышал. И так как это мне пришло в голову, то я наводил справки и у тех и у других. Жители Колхиды сохранили больше воспоминаний о египтянах, чем последние о первых. Египтяне говорят, что по их мнению, жители Колхиды остатки войск Сезостриса. Свое мнение я составил на том основании, что у жителей Колхиды темный цвет кожи и волосы курчавые, хотя эта причина имеет мало значения, так как есть и другие народы схожие между собой в этих двух отношениях, но я заключил свое мнение на более важном факте: колхи, египтяне и эфиопы — единственные народы, которые постоянно придерживаются обряда обрезания. Финикияне же и сирийцы в Палестине сами признаются, что переняли этот обычай от египтян; что касается до сирийцев, живущих на берегах Фермодонта и реки Парфенос и соседей их макронесов, то они уверяют, что этот обычай переняли недавно от колхов. Вот единственные народы, которые имеют обряд обрезания и, очевидно, они все переняли его от египтян. Вот еще одно замечание о колхах, которое указывает на сходство их с египтянами. Египтяне и колхи — единственные народы, которые обрабатывают лен одинаково. Образ жизни и даже язык их имеют между собой много общего“.

Кроме Геродота встречаем о том же и у Калимаха, жившего в середине III века до Р. Х. Он говорит, что „колхи —

потомки египтян, и потому-то, как говорят, они имеют темный цвет кожи».

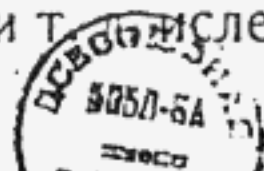
Упоминает и Страбон о том, что «египтяне перешли к эфиопам и колхам». Дионий Периегет (I века Р. Х.) в „Orbis descriptio» пишет, что „угол же Понта... занимают колхи, пришедшие из Египта». Аммиан Марцелин, говоря о Фазисе, пишет, что он «доходит до колхов, потомков египтян».

Плиний, говоря о колхидском царе Савкате, вскольз бросает, что «разсказывают так же про золотые своды и серебрянные балки, колонны и пилястры, которые он взял в добычу у египетского фараона Сезотриса.»

Стефан Византийский и Никанор Александрийский в своих трудах сообщают, что Диоскурия лежала на месте города Эа. Город Эа у эллинских и более поздних писателей вырисовывается в один из самых древних городов мира. Вполне допустимо, что сообщения Стефана Византийского и Никанора Александрийского о постройке Диоскурии на месте Эа верны и верно то, что Эа был египетской или финикийской колонией.

Это почти весь фактический материал, который можно положить в основу построения гипотезы о существовании на Кавказо-Черноморском побережье финикийских и египетских колоний и городов. Вследствие этого мы, допуская вероятность их существования, оставим этот вопрос открытым. Тут опять уместно сказать, что только археологические изыскания смогут пролить свет на этот темный, но интересный вопрос. Они же могут пролить свет, — подтвердить или опровергнуть, — предположения проф. Н. Марра об исходе абхазского народа или части его из Вано-Арагатской области.

Нам кажется более вероятными предположения, что происхождение яфетизмов в абхазском языке, мы должны искать не в исходе абхазцев из Уратрии, а в тех колониях яфетических народов, вопрос о существовании которых мы только что-то разбирали. Но, повторяем, вопрос разрешится после антропологических, у археологических и т. д. исследований Абхазии.

Первые сведения об абхазцах мы черпаем из известного мифического похода аргонавтов под предводительством Язона Фессалийского в страну Колхов (Колхидию) за золотым руном царя Аэта, датируемого XIV в. до Р. Х. В античном храме Гения, около Стании, на европейском берегу Босфора, построенном по преданию возвратившимися из похода аргонавтами, то же предание говорит, что, якобы, в храме находились вещи и из страны абадзехов,—руно и слиток серебра, а это по нашему мнению указывает на то чем, считала и какую представляла себе древняя Эллада страну абадзехов и ее обитателей: страну—богатую минералами, а население—занимающееся скотоводством. Это положение осталось почти без изменения и теперь несколько тысячелетий спустя.

Коснувшись похода аргонавтов, мы должны сказать, что вообще трудно определить куда именно древняя Эллада в своем воображении отправляла аргонавтов: в современную Мингрелию или современную Абхазию.

Если в начале и середине прошлого столетия этот вопрос не вызывал сомнений и древняя кавказская Колхида считалась современной Мингрелией, то уже в третьей четверти с легкой руки Услара, Уккерта и др. это стало вызывать большие сомнения. Ныне же большинство склоняется к той мысли, что районом мифических походов аргонавтов скорее может считаться Абхазия, чем Мингрелия. Из доисторической эпохи мы имеем еще сведения у «отца истории», Геродота. Описывая скифов и киммериян, он говорит, что последние, отступая от первых, прошли по восточному берегу Черного моря: «Скифы во главе с царем Мадис, прогнав киммериян, вторглись в Азию и, преследуя их, зашли в Мидию таким путем:

Считая от Меотийского болота до Фазиса и колхов тридцать дней пути для проворного пешехода. Из Колхиды же до Мидии небольшое расстояние...

Скифы же сделали нашествие не по этой дороге, но, миновав ее, воспользовались другой, которая была гораздо дальше и лежала более к востоку, при чем Кавказские горы остались у них с правой стороны...»

Этот мифический проход киммериян из Скифии на юг через Абхазию относят к началу VII века до Р. Х. Хотя нашествие скифов в Малую Азию в 633 году несомненный исторический факт, подтверждаемый Страбоном, еврейскими пророками Иеремией, Иезекиилом, но поход киммериян через Абхазию возбуждает большие сомнения.

При современном состоянии изучения Кавказско-Черноморского побережья мы можем сказать, что его историческая эпоха начинается эпохой расселения греческих колонистов.

Когда впервые появилась эллинская торговля на Черном море, определить трудно. Но в начале она была очень не развита и эллины чуждались и боялись Черного моря и его пустынных, безостровных вод. Они окрестили его Негостеприимным, — Понтом Аксенским. Но потом знакомство с морем стало лучше, торговля с каждым столетием оживала и эллины переименовали море в Понт Евксинский, — Гостеприимное. В соединении с Азовским, которое ими звалось Меотийским болотом, — Меотис полус, Черное море звалось «Матерью морей».

В одном месте своей «Географии» Страбон, полемизируя с участником Помпеевских походов на Кавказ Посидонием, называет Черное море Колхидским.

Но нужно предупредить, что понятие эллинов и римлян о Черном море не были отчетливы. Еще на карте, составленной в середине VI века по Р. Х., дошедшей до нас в описании космографией Юлия Гонория (Julis Honorius), жившего в V—VI в, мы встречаем такую запись:

«Северный океан имеет моря Меотийское, Боспорское, Киммерийское, Понтийское»...

Эта запись не требует комментариев: она говорит сама за себя.

Первые эллинские колонисты были выходцами малоазиатского города Милета (милетцы — эллины ионического происхождения), — города, в древности соперничавшего своей торговлей с Карфагеном, Тиром и Сидоном.

Заселение берегов Черного моря шло постепенно, начиная от Босфора, и самым последним был заселен интересующий нас восточный берег.

Вопрос о том с какой стороны,—с севера или с юга,—шло заселение этого берега возбуждает споры. С большей вероятностью можно предположить, что с южной. За это говорит то, что колонии южного берега более старые. Так Синоп был основан в IX веке до нашей эры, синопский высе-лок Трапезонд (Трапезус) в середине VIII века, между тем как северные колонии,—Ольвия на Гиманисе (Буге), Пантика-лея (Керчь) на западном берегу Боспора Киммерийского (Керченского пролива) основаны только во второй половине VII века (ок. 640 года). Танаис (город в устьях Дона) и Фанагория (на восточном берегу Боспора Киммерийского) возникли только около ста лет спустя.

Обычным названием у древних писателей интересующего нас побережья было имя „Колхида“, «страна Колхов» и т. п. Сравнивая отдельных писателей мы приходим к мнению, что обычно этим именем звалась территория от Гагринской теснины до Риона или Чороха. Хотя Ксенофонт лично побывавший в этих местах в своем описании похода 10 000 греков (Anabaziz), считает, что и Трапезос (Трапезунд) и Керасос (Керасунд) также находятся в Колхиде.

Эти названия, появившись еще около времен, а вполне возможно и до похода аргонавтов, держатся в течении полутора тысяч лет и исчезают лишь в начале нашей эры при близком знакомстве Запада с этой местностью.

Эпоха расселения и последующие века дают нам следующую картину сожителства народов в Колхиде и городов разбросанных между ними.

У устья реки Фазис, обычно считаеомой современным Рионом, была расположена знаменитая ионическая колония, одного названия с рекой. Местонахождение этой богатой колонии принято считать на месте бывшей турецкой крепости Кала-Фаш или Фаш-Кале, теперешнего города Поты. Однако самые тщательные изыскания, как на территории современного Поты, так и в ближайших его окрестностях, не открыли достоверных и убедительных следов города Фазиса. Некоторые исследователи приводя в доказательство наблюдаемые изменения очертаний побережья под влиянием огромных отложений Риона (до 1.000.000 кубических сажен ежегодно),

говорят, что это заставляет предполагать, что как устье реки Фазиса, так и колония Фазис находились некогда где-то в другом месте. Другие же склонны в развалинах древнего укрепления недалеко от Поти, затонувшего в болоте и озере Полеостром (ранее морской залив, в который впадал Рион) видеть остатки стен и сооружений древнего Фазиса.

На юг и большей частью на север от реки Фазиса (во время турецкого господства называвшегося Фаши, а ныне по имени одного из своих притоков-Рион) лежала Колхида, Колхидия или земля колхов, о которой мы уже упоминали.

В северной части Колхиды находились милетские колония Диоскурия и Питиус.

Диоскурия или Диоскуриас, Диоскуриада, была приблизительно на месте теперешнего Сухум-Кале (приблизительно 43° северной широты и 41°01' восточной долготы). По географии Клавдия Птолемея (ок. 120—170 г. г. по Р. Х.) Диоскурия лежала под 71°10'—46°45'.

Акад. П. Услар в своем сочинении „Древнейшие сказания о Кавказе“, выясняя вопрос о Диоскурии, высказывает предположение, что она находилась около р. Кодор. На это предположение его наводит созвучие слова Диоскурия с туземными названиями мыса и залива около р. Кодор, — Истаур, Искурия, Скурчия, на котором к тому же имеются поросшие уже густым лесом развалины. На наш взгляд его предположение ошибочно. Страбон, в приводимой нами ниже выписке ясно указывает местность. К тому же едва ли греки стали бы строить город не на спокойной, великолепной Сухумской бухте, а на небольшой отрытой Искурийской.

В более поздние времена Диоскурия стала называться Севастополисом.

Диоскурия является одним из древнейших поселений на Кавказе. Время основания Диоскурии, не смотря на то, что об основании этого города говорится целым рядом древних историков и географов, мы все же не знаем. Уже Скилак из Карианден, эллинский писатель VI-V века до Р. Х., в своих «Periplus»*) говорит о Диоскурии, так что основание ее нужно отнести ко временам более отдаленным.

*) „Перипл моря, омывающего Европу, Азию и Ливию, Скилакса Карнандского“. Слово перипл означает плавание вокруг всего берега, замыкающего море.

Большинство древних писателей, которых мы перечисляем ниже, основание Диоскурии приписывают тем или иным участникам вышеупомянутого мифического похода аргонавтов и таким образом относят ко временам этого похода, т. е. к XIV веку до Р. Х.

Некоторые византийские писатели говорят, что Диоскурия была на месте древнего мифологического города Эа. В современной литературе за честь быть наследником Эа спорят, главным образом, Сухум и Накалакеви (Кутаисской губ.).

Об основании Диоскурии упоминают Помпоний Мела (15—60 г.г. по Р. Х.) и Аппиан (II в. по Р. Х.), основание его приписывающие участникам похода аргонавтов Кастору и Полуксу Диоскурам. Но большинство сходится на том, что этот город основан не самими Диоскурами, а их возницами — «гециохами», но расходятся в обозначении их имен.

По одним (Страбон) это были Амфистрад и Зекас, другие же (Юлий Солин, живший в III или IV веке по Р. Х., Аммиан Марцелин, живший около 330—400 г. по Р. Х., (зовут их Амфитом и Керкием, по третьим же (Харакс Пергамский, Плиний) это Амфит и Телх. Писатели более поздней эпохи Стефан Византийский (VI веке) и Никанор Александрийский говорят, что Диоскурия лежала на месте мифологического города Эа.

Рауль Рошетт в «Histoïr des colonies grecques» по вопросу об основании Диоскурии говорит, что греческое поселение основано было милетцами, но вместе с тем существовало обще-распространенное мнение, что, уже задолго до прибытия выходцев из Миллета на этом месте находилось туземное поселение.

Перейдем теперь к местоположению Диоскуриады. Наиболее подробное описание мы находим у известного географа древности—Страбона; человека, родина которого находилась сравнительно близко от Абхазии. В своей «Географии» он о местоположении Диоскурии пишет:

„С самого начала берег (Понта Евксинского) тянется как я сказал, в восточном направлении и обращен к югу, от Бат он делает мало по малу поворот и повернувшись к

западу оканчивается у Питиунда и Диоскуриады, потому что эти местности Колхиды соприкасаются с упомянутым берегом. За Диоскуриадой следует остальная часть Колхиды...

Немного ниже Страбон вновь возвращается к описанию местоположения:

«Так как Диоскуриада лежит в таком заливе и занимает самый восточный пункт всего моря, то она называется углом Понта Евксинского и краем плавания. Мысль, выраженная в поговорке „в Фазис, где кораблям предстоит конец пути“, следует понимать не так, будто автор ямба разумел здесь реку Фазис, или город на ней лежащий и с ней одноименный, но так что здесь подразумевается та часть Колхиды, потому что от этой реки и от города еще остается морского пути до угла не меньше 600 стадий».

У некоторых писателей упоминается река, текущая у города: Плиний (29—79 г.г. по Р. Х.), упоминая об опустощенной Диоскурии, говорит, что она лежала у реки Анфемуса. Страбон же эту реку зовет Харес.

Сведения о Диоскуриаде мы находим еще у Скиллакса Карианденского (ок. 52—470 г. г. до Р. Х.), Дионисия Периегета (I века по Р. Х.), у его комментатори Евстафия (XII в. по Р. Х.) и у др.

Питиус или Пития, Питиунд, Питиунтис, получивший свое название от соснового леса растущего и до ныне близ него (*pitius*, место поросшее сосной), лежал близ современного Пицундского монастыря (приблизительно 43°10' северной широты и 58° восточной долготы), в верстах пяти к югу от нынешнего устья реки Бзыби, по побережью, на границе древней Нитики.

Страбон, говоря о разстояниях на побережье, называет его Питиундом Большим: „наконец Питиунд Большой в 360 стадиях от Диоскуриады...“. Плиний же говорит о нем, как о городе, не лежащем на побережье: город Питиус (*Pityus*), лежащий внутри этой страны...» Арриан говорит, что этот город имел пристань.

Об Питиунде говорят так же и Аммиан Марцелин, Зозимус (Зосим, Зосимус), живший в V веке по Р. Х. и др.

Кроме этих трех городов,—Фазис, Диоскурия—Севастополис и Питиус,—географы обычно упоминают лишь о городах северной части восточного Черного моря, а именно: город с гаванью Синд, Фанагория, Торикос, Бата и др. Этих городов, как мало нас интересующих, мы на этих страницах касаться не будем.

Но некоторые географы упоминают о других, кроме вышеописанных трех, как о лежащих в Колхидской части побережья. Так Скилакс Карианденский между Фазисом и Диоскурией помещает *город Тюенос*, но о нем никто, кроме Стефана Византийского больше не говорит.

Это созвучис Тюснис, Тюенос, Гуенос (во времена генуезцев.) Тизанас (у отца Ламперти), Ола-гуана (современное), как мы видим, встречается на всем протяжении истории Абхазии и у всех, приблизительно, в одном районе. В особенности наглядно получается однозвучие этих названий, если мы отбросим окончания их, прибавляемое разными народами: тюен, гуен, тгуан, (ола-)гуан.

Город Цигнус мы находим у Помпсия Мела в углу Понта в Колхиде. Но Цигнус Плиния немного северней Севастополиса. Кроме них о Цигнусе мы не встречаем известий.

Тот же Плиний северней Севастополиса и Цигнуса помещает *город Пеннус* на одноименной реке. Кроме Плиния мы ни у кого не встречаем этого города.

На расстоянии 140.000 шагов от Трапезонда, в стране гениохов и соаннов, у Плиния мы находим *город Абсарус* на реке того же имени. По словам Плиния это крепость. О нём мы находим у Страбона, Артемидора, Стефана Византийского. Об Абсаре-реке мы находим у Арриана.

В Колхиде Плиния, на юг от Фазиса и реки Гераклеум, мы встречаем *город Маццум*, о котором других известий мы не знаем.

В 70.000 шагах на север от Севастополиса Плиния и северней Диоскурии (Плиний единственный писатель древности у которого мы одновременно встречаем и Севастополис и Диоскурию) мы находим *город Гераклеум*. О пристани Гера-

клеон, мы читаем и у Арриана и Юлия Капиталинуса. В другом месте у Арриана мы читаем и о мысе Гераклея, который он помещает в 180 стадиях от реки Ахеус, служащей границей между Зигами и Санигами.

В 206.000 шагах от Боспора Киммерийского у Плиния помещается город *Гиерос*, на реке того же имени. У других мы не находим его.

Северной Севастополиса, в 450 стадиях от реки Ахеуса, у Арриана мы находим город *Ахею*. Его же мы находим приблизительно в том же месте и у Клавдия Птолемея.

В 300 стадиях на север от реки Ахеус в донесении Арриана говорится о городе *Лазике*. У других не встречается.

Южнее города Ахеи и Керкетидского залива и на север от Диоскурии и реки Коракса у Клавдия Птолемея мы находим города *Тазос*, *Амисалис*, *Эндидею* и *Картирон-Тейхос*, а южнее Диоскурии и северней Фазиса *Сигансон* и *Неаполис*. Этих названий у других писателей мы не встречаем.

Хотя мы, например, у Плиния видим города между Севастополисом и Питиусом, но Арриан подчеркивает, что их не было: «На пути из Диоскурии первую встречается пристань Питиус на расстоянии 350 стадий».

Теперь перейдем от городов к народам жившим на Кавказско-Черноморском побережье и главное в районе на юг от страны синдов и на север от реки Фазис, т. е. на территории от современного Новороссийска до Поти. На этом пространстве древние писатели ухитряются укладывать следующие племена и народы: 1. Керкеты, 2. Тореты, 3. Ахеи, 4. Гениохи, 5. Кораксы, 6. Колике, 7. Меланхлены, 8. Телоны, 9. Дандары, 10. Мосхи, 11. Хариматы, 12. Макропогоны, 13. Фтирофаги, 14. Колхи, 15. Ледохеки, 16. Саниги, 17. Абсилы, 18. Абаски, 19. Эректики, 20. Керкетики, 21. Салы, 22. Суаны, 23. Амирейцы, 24. Лазы, 25. Диокурийцы, 26. Санны, 27. Марды, 28. Кимеры, 29. Зиги, 30. Тиндариты, 31. Зидрейцы, 32. Дриллы, 33. Сваноколхи и др. Эта пугающая на первый взгляд многочисленность тает, когда подходишь к ним ближе и исследуешь их.

Многие из этих названий исчезают как однозначущие. Возьмем для примера: сваны — суаны — санны — салы — дрилы — фтирофаги.

Другие же названия порождены безусловно только недоразумением, напр. народ колхов. При внимательном, детальном и безпристрастном исследовании древних классиков оказывается, что этим названием звали не какой-то отдельный народ, а жителей без различия народности известной территории, — Колхиды, относя к ней современную Абхазию, Мингрелию, Потийский район, приморскую Гурию и северную часть Аджарии. Вот почему в более поздние времена, при лучшем знакомстве Запада с описываемой страной, совершенно исчезают «колхи», хотя и остается Колхида. Возьмем для примера эпоху персидско-византийских войн.

Перейдем к разбору этих племен и постараемся выяснить какие из них принадлежали к абхазскому народу. Мы не будем говорить об *абхазах*, потому что их принадлежность к абхазцам ясна и очевидна.

Земля *гениохов*, *хениохов* или *иниохов*, кажется, одна из самых излюбленных стран древних писателей Эллады и Рима на всем побережье от Танаиса до Фазиса. По одному преданию это племя ведет свое начало от возниц Диоскуров (Страбон, Плиний, Юлий Солин, Аммиан Марцелин), другие же, как страну царя Гениоха (Псевдо-Плутарх).

О гениохах разные сведения и упоминания мы находим у многих писателей древности. Так о них говорит Скилак Карианденский; Геланикс, живший в V—VI в.в. до Р. Х.; Аристотель, живший в 384—322 гг. до Р. Х., как о склонных к убийству и людоедству: Гераклид Понтийский, живший в середине IV века, как о людоедах, снимавших кожу с людей, до милетцев живших у Фазиса; Страбон, как о морском, разбойничьем народе, который можно видеть в Диоскуриаде, имеющем рабов и до Митридата VI Евпатора имевших четырех царей: Веллей Патеркул, живший в начале нашей эры, как о народе воевавшем с Помпеем; Помпоний Мела, как о диком и варварском племени и живущем вокруг

Диоскуриады; Иосиф Флавий (37—100 гг. по Р. Х.), как о подчиненном Римской империи народе; Лукан, живший в 39—65 гг. по Р. Х.; Дионисий Периегет, как о племени пеласгиевского происхождения; его комментатор Евстафий; Арриан, Аппиан, как о союзниках понтийского и боспорского царя Митридата Великого; Клавдий Птоломей; Секст Аврелий Виктор, живший в VI веке по Р. Х., как о народе, на который Помпей навел страх; Харакс Пергамский, как о диком народе и потомках Пеласгов, и др.

Вопрос о том, кого эллины называли гениохами, современной наукой не разрешен. Кавказовед Л. Люлье говорит, что между этническими именами нынешних обитателей Черноморья нет ни одного даже отдаленно созвучных с этим.

Акад. П. Услар высказывает по вопросу о гениохах предположение, что это название заимствованное эллинами из адигского языка, которые называли лезгин гонноаче, и находим созвучие между „гениохи“ и „ганноаче“. Мы такого созвучия не находим.

Не выдерживаем критики и толкование армениста Инджи-джиана высказывающего предположение, что гениохи,—гениокьян, есть название происшедшее от гор Окаги.

На наш взгляд гениохи—это одно из бесчисленных названий абхазцев; или же одного из абхазских племен—родов; или же один из народов осимилированных абхазцами и без следа слившийся с ними. Но вероятней всего, что название, гениохи не именное название, а профессиональное имя.

Гениохи—это; по всей вероятности, перевозчики из племени абхазцев, как показывает и буквальный перевод этого слова с греческого. Торговое значение Диоскурии на Понге Евксинском и Кавказе и за их пределами, как мы увидим ниже из всех собранных здесь материалов по истории Абхазии, было велико, значительно и обширно. Для транспортировки всей массы товаров как привозимых в Диоскуриаду, так и вывозимых из нея, а главным образом проходящих через ее складочные помещения, без всякого сомнения необходимы были тысячи возчиков, возниц,—гениохов. Это число не могло быть малым еще и потому, что тогда не

было той быстроты передвижения и караваны и суда двигались месяцами и годами. Вполне вероятно и понятно, что этим извозным промыслом занималось население, жившее вокруг Диоскуриады и Питиунда, каковым являлись, по Помпонию Мела и др., гениохи. Другие географы и писатели указывают, что в Диоскурии были гениохи. И вполне естественно, что древняя Эллада профессиональным именем окрестило племя или часть его.

В свободное от перевозок время они шли на знакомые им по обычной работе дороги и море и находили там себе заработок: это был морской и прибрежный разбой, о чем и говорят Страбон, Аристотель, Лукан и др. Писатели еще древних времен (Страбон) подробно описывают даже организацию этих разбоев гениохов. И это занятие, выработанное долгими поколениями, осталось и в более поздние времена. Мы знаем и впоследствии о грозных и буйных набегах абхазцев.

Полное отсутствие сведений об гениохах, напр. во время войн Византии с персидским царем Хосроем из-за Лазики, начавшихся столетия спустя после падения Рион-Куринского пути в Индию, когда мы имеем богатейшие сведения о побережье, значительно. Финансовый кризис разразившийся в Западной части Римской империи, хотя и не убил Диоскуриаду, как торговый центр, но перенес главную тяжесть — торговлю с Индией, на новые пути. В то же время сильно изменились присмы и организация транспортировки товаров. Все это вместе взятое не требовало от Диоскуриады перевозчиков. И это знаменательное исчезновение гениохов объясняется не загадкой, а вполне естественным исчезанием перевозки, исчезли и возчики. А вместе с ними и казались бы необъяснимые теперь гениохи. Повторяем, что исчезновение гениохов после финансового кризиса в Римской империи подтверждает нашу гипотезу о причислении гениохов к абхазским наименованиям.

Заканчивая о гениохах, мы должны сказать, что имеется еще одно предположение грузиноведа Орбели, об происхождении слова «гениох» от архаической формы грузинского слова „всадник“, остатки которого мы видим в современном

названии седла. Это предложение нам кажется мало обоснованным.

Наша попытка дать объяснение происхождению слова «гениох», как профессиональному названию, не нова. В свое время Услар и др. давали аналогичное толкование происхождению племенного названия «халибов».

Перейдем теперь к другим.

У Гекатея, Страбона, Стефана Византийского мы находим известия о племени «дандары». Мы думаем, что дандары являлись жителями района устья реки Кодор, т. е. района современных Дранд. Впоследствии, да и теперь часто, это селение вместо Дранд, зовут Дандар (смотри для примера труды Н. Дурново).

Упоминающиеся у Скилакса Карианденского, Геланика (486—325 г.г. до Р. Х.), Помпония Мела, Плиния, Стефана Византийского и особенно ясно у Гекатея племя «кораксов», «коракские стены», «коракские горы» и река «Коракс» не дают ни на минуту сомневаться поселить кораксов по реке Кораксу-Кодору. Кораксы это без всяких колебаний—кодорцы и впоследствии получившие имя уже не по реке, на которой жили, а по ущелью: «дальцы», «цебельдинцы». Коракские стены, — современные Келасурские, пересекающие Кодор.

Кораксы, это есть, повидимому, легко искаженное чисто эллинское название, которое означает «вороны». Возможно что это название народ получил за свои аулы, лепящиеся по утесам, как гнезда воронов.

Акад. П. Услар, говоря, что *coraxi* однозвучны с кельтскими *saugaic*—утес, *saar*—камень, *karrek* подводная скала, переводит это слово, как «обитатели утесистых гор» и предполагает, что кораксы это шансуш или убыхи.

Дюбуа де Монпере в «*Voyage autour du Caucase*» доказывает, что кораксы—современные цебельдинцы.

Плиний, говоря о горах гениохов, пишет: «река Кирус берет начало в горах гениохов, которые другие писатели зовут Коракскими (*Coraxii montes*)»...

В «Географическом руководстве» Клавдия Птолемея в «Положении азиатской Сарматии (кн. V, глава VIII)» мы находим:

«По реке Кораксу: Наана 73°30'—47°15',»
в чем нетрудно узнать популярный до последней (третьей) эмиграции абхазцев аул Наа на Кодоре, существующий и ныне.

„Коракс—Кодор“ мы встречаем и у генуезца Ламперти (ок. 1650 г.).

Эти записи лишний раз подтверждают наше предположение о том, что кораксы и кодорцы одно и то же, а именно—абхазцы.

Так же мало вызывают сомнений, встречающиеся у некоторых древних классиков «зиги» а по Арриану—«зиххи». Под этим, почти без изменения именем, они дожили до XIX в. Это джихи. В этом не остается сомнений, если мы посмотрим Дионисия Периегета, который говорит... „Их (ахеев) соседи, гениохи и зиги (Ζίγιοι). — также Пеласгийского происхождения“... Евстафий же совершенно соединяет их в один народ: «За ахеями живут вышеупомянутые гениохи и зиги, очень дикий народ (а не «дикие народы»), который, как передает история, происходят от Пеласгов...» Дальше Евстафий говорит, что гениохи получили имя от возниц Диоскуров Тиндаридов. Харакс Пергамский тоже сообщает нам об их общем происхождении. Страбон долго и ярко останавливается на гениохах, зигах и ахеях: За страной Синдской и Горгипией (на месте современной Анапы) следует береговая полоса ахеев, зигов, и гениохов, большей частью без гаваней, местность здесь гористая, так как составляет уже часть Кавказа. Эти народы живут морским разбоем, для чего употребляют узкие и легкие лодки, которые вмещают в себе 25, редко 30, человек. Рассказывают, что фтиотские ахеи, приехавшие вместе с Язоном, населили эту Ахею, а Гениохию населили лакедемоняне под предводительством Зекаса и Амфистрада, возниц Диоскуров, и что гениохи получили отсюда свое название. Из этих лодок они составляют целые флоты, нападают то на торговые суда, то на земли или города и таким образом имеют владычество над морем. Иногда им помогают жители Босфора (Киммерийского), позволяя им причаливать, выставлять на показ свою добычу и продавать ее. Возвратившись на родину, не имея корабельных гаваней, они берут свои лодки на плечи и уносят их в леса, где они живут, обрабатывая свою неплодородную землю; но как только

время года благоприятствует судоходству, они опять достают свои лодки. Тоже самое они делают в чужой стране, где им знакомы лесистые местности, в которых скрывают они лодки, а сами днем и ночью рыщут пешком, чтобы похищать невольников. Свою добычу они охотно отдают назад за выкуп, сами извещая тех, у которых сделали похищение..." В другом месте Страбон говорит: „Такова жизнь этих народов (зигов, ахеев и гениохов). Управляются-же они, так называемыми скептухами, которые сами зависят от владык или царей..."

Тот-же Страбон дает нам еще интересные данные: „...через страну их (гениохов) он (Митридат Евпатор) мог проехать, но стране зигов он не доверял по причине трудных дорог в ней и дикости жителей, и с трудом пробирался вдоль берега, часто садясь на караван, пока не добрался до ахеев, и от Фазиса, уже с их помощью, совершил путь около 4000 стадий". Эта выписка невольно заставляет вспомнить Джихию XVIII и XIX в.в. с ее Гагринской тесниной.

Страбон и Стефан Византийский говорят еще о городе Зигополе. Страбон говорит об этом так: „...И наконец Колхида. Там где-то в окрестностях, лежит и местечко Зигополь". Стефан-же Византийский высказывает предположение, что это—город зихов.

Арриан в своем донесении императору говорит, что Севастополь в стране санигов. Северной Севастополя „река Ахеус служит границей между зикхами и санигами". Читая это место у Арриана, невольно задаешь себе вопрос: не Бзыбь-ли называет Арриан Ахеусом?

В подтверждение этого предположения на карте известной под названием „Альбу ахеала", составленной М. Шервашидзе, приводящем на ней старинные абхазские названия, мы находим приток Бзыби, однозвучный Арриановскому названию,—Ахуа—Ахый, Ахей. Вполне возможно, что стариннейшее название реки удержалось только за одним притоком. Аналогичный пример мы имеем с Рионом.

Резюмируя сказанное, мы настаиваем на том, что зиги, зикхи—это племя, жившее до наших дней почти на тех-же местах, как и во время до Р. Х., и известное нам почти под однозвучным наименованием—джиги, джихи, джикки, а с грузинским „эт"—джигеты.

Кроме них на побережье мы часто встречаем в соединении с гениохами и зигами племя *ахеев* или *ахаин*. И это постоянное упоминание их лишь в связи с гениохами почти у всех древних писателей Эллады, Рима и Византии невольно рождает вопрос: не являлись ли и они одним из абхазских племен. Первые сведения о них мы находим еще у Скилакса Карианденского, как о соседях гениохов; у Аристотеля (384—322 до Р. Х.) в „Politica“: „...Есть много народов, которые склонны убивать людей и съедать их, как например ахеи, гениохи и др...“; у Салюстрия (I век до Р. Х.), как об одном из самых диких народов, принужденном по причине бедности страны жить разбоем. С известиями, встречающимися у Страбона мы отчасти познакомились по приведенным выше выпискам. Веллей Патеркул (19 г. до Р. Х.—40 г. по Р. Х.) в своей „Historiae Romanae“, говорит об ахеях (одновременно и о гениохах), как о народе живущем „на правом и крайнем берегу Понта, против которых и в стране которых против Митридата Евпатора победоносно выступал Помпей. Говорит о них и Помпоний Мела, упоминая их имя вслед за гениохами. Плиний в „Historia naturalis“ записал: „...а за ними (валлами и суанами) до моря живут некоторые племена гениохов и ахеев...“ Дионисий Периегет в „Orbis descriptio“, как мы уже говорили, устанавливает их пеласгийское происхождение: „...воинственные ахеи, которые некогда, занесенные южным и западным ветрами, приехали сюда от Ксанты и Идейского Симоента, сопровождая после войны (с Троей) своего царя, сына Аретия. Их соседи и гениохи и зиги также пеласгийского происхождения...“ Аппиан (II в. до Р. Х.) в своей истории, говорит о них то как о противниках Митридата, от которых он сильно пострадал, то как о его союзниках вместе с гениохами, то вновь как о противниках, но уже сильно пострадавших от него. Находим мы ахеев и у Клавдия Птолемея и Аммиана Марцелина.

У Арриана и Клавдия Птолемея мы находим и приблизительно в одном месте городок Ахею. У Арриана же встречается и река Ахеус, но не в Ахее, а между зикхами и санихами (Об реке Ахеусе смотр. стр. 55).

Вопросом о происхождении ахеев много занимались в прошлом столетии.

Барон Услар рассматривает вопрос об ахеях, но своего мнения не высказал.

Дюбуа де-Монпере и Властов считают ахейцев-патухайцами.

Граф Потоцкий в своем „Voyage dans les steppes d'Astakhan et du Caucase“ считает ахеев за абхазцев.

Де Сен-Мартен („Nouv. annales des voyages“ за 1847 год) считает ахейцев за абазинские племена.

Кавказовед Л. Г. Лопатинский („Сборник сведений для описания местностей и племен Кавказа“) говорит по этому вопросу следующее: „абхазцы были известны древним писателям под названием *Achaioi* (т. е. ахеи); это слово я сблизяю с абхазским *ахуау* — крестьянин“. Лопатинский в данном случае ошибается. *Ахуау* — не «крестьянин», а «мамалыжник». И гораздо легче предположить происхождение этого наименования от абхазских слов *ах* — винная гуща, *аха* — каштан, *ага* — море, *аба* — мех, *аба* — враг и *ау* — суффикса означающею „люди“, «человек».

Основываясь на этом, кратко изложенном материале, мы думаем, что вполне возможно причислить ахеев к абхазским племенам, при чем районом расположения ахеев, нам кажется, нужно считать северную часть современной Абхазии, где-нибудь около р. Бзыби, которая, как мы упоминали, по всей вероятности, Арриановская Ахеус.

Меотов, синдов, керкетов (черкесов), керкетидов, гелонов и др. мы относим к тем небольшим племенам и народцам западно-горской группы, которые жили по восточным берегам Азовского и Черного морей.

Подводя итоги, мы говорим, что абаски, апсилы, дандары, кораксы, гениохи, дзики и ахеи древних писателей являлись составными частями абхазского народа времен до христианской эры и ее первых веков.

Чтобы помочь читателю разобраться в размещении классиками племен и городов на побережье, мы предлагаем таблицу — сводку составленную на основании сообщений Скилакса Каррианденского, Геланика, Страбона (три таблицы), Помпония Мела, Плиния (две таблицы), Дионисия Периегета, Арриана (две таблицы), Аппиана, Клавдия Птолемея (отсутствие литографии не дает нам возможности отпечатать карту) и Аммиана Марцелина.

Период эллинского влияния.

Во время влияния древней *Эллады* на все восточное побережье Понта Эвксинского, т. е. приблизительно с половины III века до Р. Х. Диоскурия и Питунд, будучи торговыми центрами средней части побережья и обширного района за Главным хребтом и в тоже время посредниками по торговле между Элладой и греческими колониями с одной стороны и центральной Азией и Индией с другой стороны, росли, богатели и процветали.

Страбон (см. выше) ярко описал мнение древней Эллады о положении Диоскурии в дальнем „углу“ Понта Эвксинского, в „конце плавания кораблей“. Этот „конец“, —конец морского пути, — был началом сухопутного пути в Индию. Торговый путь начинался от Диоскурии и Фазиса и шел вдоль реки Фазиса до Сурамского перевала; за которым по реке Кирусу (Кура) до Каспийского моря.

Этим местоположением городов Фазиса, Питунда и Диоскурии, и в особенности последнего, и объясняется их значение и богатство.

Кроме того ныне уже нет сомнений, что через Диоскурию велась караванная торговля с Северным Кавказом, а именно с нынешней Терской областью и южным районом Кубани и др. Еще сейчас мы находим в разных местах Абхазии остатки и следы древних дорог, направление которых почти всегда от приморских центров к перевалам через хребет.

Политическое положение и взаимоотношение Абхазии, отдельных племен и городов ее туманно. Возможно лишь сказать, что города Абхазии, как и другие эллинские колонии на берегах Черного моря, пережили эпоху базилевсов.

Незадолго до начала христианской эры большинство многочисленных черноморских эллинских колоний становились независимыми под управлением „базилевсов“ из эллинов или

туземцев. Примеров много: Боспор Киммерийский (современная Керчь), Херсонис (близ Севастополя), Фанагория (на Таманском полуострове), Ольвия и т. д. Изредка эти колонии становились республиками эллинского типа.

Как мы уже сказали, описываемые нами колонии, пережили эту эпоху эллинских республик и сатрапий с базилевсами во главе. У нас нет данных утверждать существование на интересующей нас части Кавказско-Черноморского побережья республик, но данные за существование сатрапий имеются веские.

Нижеописываемые нами монеты Кавказско-Черноморского побережья — „колхидки“, — дают нам возможность говорить, что сатрапии существовали. В древности монета была не только облегчением торговых сношений, но и чувствительным барометром политического положения данной местности. В особенности на Востоке, на право чеканки своей монеты смотрели как на полную самостоятельность чеканившего. На основании уже одного этого можно с твердостью сказать, что на восточном побережье в некоторые периоды эллинского влияния, те или иные пункты, в том числе и Диоскурия, становились независимыми и самостоятельными с республиканским или монархическим управлением во главе. Тем более, что один из типов монеты дает нам титул и имя одно из сатрапов.

Судя по типам имеющихся в Петроградском Эрмитаже монет, можно с уверенностью сказать, что на восточном побережье было несколько независимых и самостоятельных государств. Но какие именно и когда именно они существовали, в настоящее время, когда материалы мало или совсем не изучены, сказать нельзя.

Разсматривая аналогичные государственные образования на Черноморье, можно с большой вероятностью высказаться за то, что эти интересующие нас республики и монархии были со смешанным эллинско-абхазским населением, а по распространению своего политического влияния обнимали собой один из городов с его районом, но в разные время то усиливались, то слабели за счет друг друга.

Подтверждение существования сатрапий на Кавказско-Черноморском побережье до боспоро-понтийского господства мы находим и у Страбона в „Географии“, который говорит, что гениохи до Митридата имели четырех царей. К сожалению, Страбон не дает нам их имен, по которым мы могли-бы судить, кто они: эллины или туземцы. Этих владельцев Страбон называет «скептухами». Нашим филологам не мешает заняться разбором этого слова.

Но, как и большинство других, и эта эпоха жизни Кавказско-Черноморского побережья совершенно не изучена и ждет своих исследований.

Все нам говорит за то, что богатства этих сатрапий было велико. Вполне естественно, что при том торговом положении, которое занимали, они привлекали к себе большие торговые сношения, приносившие им большие материальные выгоды. Соседям этих сатрапий выгодно было захватить и владеть такими городами, как Фазис, Диоскурия, Питиунт и др. И мы видим, что около 100 года до Р. Х. власть, вначале над Колхидой, затем на все Кавказско-Черноморское побережье, а потом на Боспор Киммерийский, Фанагорию, Херсонис, Танаис и все азовское побережье переходит к Понтийскому царству.

Создав империю от Танаиса (близь нынешнего города Ростова) почти до берегов Фоснициума (восточная часть Средиземного моря), царь понтийский Митридат VI Евпатор (114—63 г.г. до Р. Х.), прозванный Великим, назначил для управления северными областями царства Макара, своего сына (покончил самоубийством в Херсонисе в 65 г. до Р. Х.) В наместничество Макара входили Боспор Киммерийский (нынешняя Керчь), Херсонес (Гераклея близ гор. Севастополя) и все побережье Меотис Палуса (нынешнее Азовское море). Его наместничество продолжалось 15 лет (80—65 г.г. до Р. Х.) Есть косвенные указания, что в его наместничество входило и все восточное побережье Понта Евксинского до реки Фазис включительно.

Митридат Евпатор в союзе с армянским царем из рода Аршакидов Тиграном II (89—55 г.г. до Р. Х. (?), завладевший Малой Азией и изгнавший из нея 80.000 римлян, вступает

в первую борьбу с Римским государством. Разбитый и на короткое время примирившийся с Римом, Митридат в 66 году до Р. Х. вновь выступает против империи, но опять, вместе со своим союзником — Тиграном II, разбитый Помпеем на реке Евфрате, бежит в Боспор Киммерийский и по дороге останавливается в Диоскурии зимовать. Эта зима 66—65 года до Р. Х. В 63 году Митридат Евпатор, огорченный возмущением против себя своего сына Фарнака, кончает жизнь самоубийством в Боспоре Киммерийском, а власть над всеми незанятыми римлянами областями, в том числе и над страной абазгов с обеими колониями Диоскурией и Питиунтом, переходит к Фарнаку. Признанный Римом, Фарнак не успокаивается и в 48 г. до Р. Х. с войском переправляется в Малую Азию для занятия отнятых Римом у его отца областей. В начале его экспедиция успешна в виду малочисленности римских войск. Но уже в августе 47 года он был разбит в битве при Зеле у устьев реки Галиса прибывшим войском под начальством Кая Юлия Цезаря. Предание, запечатленное в известном сборнике „Изречения царей и полководцев“, говорит, что Юлий Цезарь об этом сражении послал своему другу Аминцию знаменитое донесение: „пришел, увидел, победил (veni, vidi, vici)“.

Фарнак, после сражения при р. Галисе, бежал в Боспор Киммерийский, где вскоре был вновь разбит и убит своим родичем Асандром, претендентом на престол. Фарнак царствовал с 63 по 47 г. до Р. Х.

Во всех этих войнах, как мы узнаем из Страбона, Тита Ливия (60 г. до Р. Х.—16 г. по Р. Х.), Мемнона (I в. до Р. Х.), Велия Патеркула, Плутарха (50—120 г.г. по Р. Х.), Анниана, Флора (II в. по Р. Х.), Секста Аврелия Виктора (IV в.), Аммиана Марцелина и других, деятельное участие принимали, в большинстве случаев на стороне Митридата, гениохидзихи и ахеи.

Страбон говорит, что Митридат Евпатор построил в Колхиде до 75 крепостей. Он же говорит и об управлении страной, каковое существовало до Митридата и как оно окрепло при нем и после него.

Секст Аврелий Виктор говорит, что Помпеем „пробрался с удивительным счастьем на север до...колхов, гениохов..., наводя всюду страх...“

И вполне возможно к тому же, что Ираклий занятый персидскими войнами и не рассчитывал ее удержать за собой, имея соседом крепнущее государство.

Несколько лет спустя после этого, в 623 или 624 году во время продолжавшейся войны с Персией, император Ираклий задумал вторгнуться в ее пределы. Армия императора в это время была из отрядов чисто византийских войск и союзных, состоящих из абхазцев, лазов и иберов, т. е. грузин. Узнав о намерении императора перейти пределы персидской монархии, войска Ираклия, в особенности состоящее из союзников отказались отправиться в поход. Нежелание армией похода поставило Иракля в затруднительное положение. Между тем разединенные персидские отряды были собраны в одну большую армию под начальством полководца Сарбараца. Сарбарац немедленно выступил в поход и двинулся через Армению на Ираклия. Это еще более ухудшило положение императора. Византийские войска, видя, что опасность угрожает уже им, „одумались“ и изъявили желание подчиняться дисциплине и отправиться в Персию. Но было уже поздно и Ираклий вынужден был отступать. Отступление велось через „провинцию“ гуннов, но не смотря на это персидская армия преследовала Ираклия по пятам. В это время абхазам и лазам, видимо надоело проливать свою кровь за чужие интересы, они решили покинуть византийскую армию и вернуться на родину, что и исполнили.

Судя по впечатлению от отношений Льва I к Византии и в частности к Ираклию, мы предполагаем, что Леона уже не было в живых. Упоминающегося же во время нашествия Мурван Кру или Мурвана Глухого Леона мы считаем новым лицом по следующему основанию. Так как, по нашим предположениям, Леон I получил Абхазию во владение в 612 году, а нашествие арабских войск под предводительством Мурвана Глухого было в 668 году, то трудно допустить, чтобы один человек был владельцем страны в течении 56 лет, даже предположив его смерть в тот же год нашествия арабов.

Из жизнеописания известного по своей деятельности в восточной церкви Кира мы узнаем, что сам Кир занимал в 626 году (14 индикт) епископскую кафедру в Севастополисе.

В 630 году Кир был утвержден патриархом в Александрии и впоследствии приобрел популярность.

К семидесятым годам VIII века относится событие, рассказываемое грузинскими летописцами. Спасаясь от наступающих арабов грузинские цари Арчил и Мир (663—668) прибыли в Абхазию. Арабы их преследовали и осадили крепость Анакопию, в которой заперлись Арчил и Мир, и крепость Субаку (или Собга-Цибелиум по „Картлис-Цховреба“ списка Броссе) на границе Осетии, где держался византийский правитель в Абхазии Леон. Но постигшее эпидемическое заболевание среди арабских войск заставило их отказаться от осады названных крепостей. Царевич Вахушт в своей истории, рассказывает об возвращении арабских войск, под предводительством Мурвана. В добавление к несчастьям постигших арабские войска прибавилось новое: при переправе через разлившуюся реку Токвер погибло 6000 лошадей, отчего эта река с тех пор и стала зваться Конской или Лошадиной рекой (по грузински—Цхенис-Цкали). Вахушт относит этот поход Мирвана Глухого к 646 году, но это неверная дата уже потому, что установлено время царствования Арчила и Мира в 663—668 годах.

К началу царствования императора Константина IV Копронима (668—685 гг.) мы имеем письмо анакрисария святого Анастасия к ганенсемскому пресвитеру Θεодосию. Св. Анастасий, ученик святого Максима исповедника, был сослан одновременно с учителем своим в 662 году в крепость Букул в Мисимиане. После долгих мучений и скитаний он попал в Абхазию к правителю ея Григорию, встретившего его с уважением и давшего ему спокойный и хороший приют. Св. Анастасий в своем письме упоминает об абхазских миссионерах,—блаженном священнике—ключаре Иоанне и его сыне св. Стефане, разыскавшим после долгих поисков по соседним странам его,—автора письма Св. Анастасий восхваляет абхазцев, как благочестивых и добрых христиан, а так же их характер, нравы и обычаи.

Упоминаемого в письме Анастасия правителя Абхазии Григория нужно считать третьим исторически известным ли-

цом из рода Леонидов эпохи полусамостоятельного существования страны.

В армянской географии VII века, которую известный знаток армянской истории К. П. Патканов считает написанною Ананием Ширакацы, — имеются сведения и об стране Абхазцев: „между болгарами (кубанскими) и Понтийским морем живут народы Гарши, Куты, Сваны до города Митинунта. На морском берегу страны Авазгов, где живут аншилы и абхазы до приморского своего города Севастополиса и далее до реки Дракона, текущего из агван и отделяющего Абхазию от страны Егер“.

На рубеже двух столетий VII и VIII мы узнаем, что в Абхазии имеется автокефальная архиепископская кафедра. Эта кафедра значится 34-ой по списку подчиненных константинопольским патриархам и находится в городе Севастополисе.

К началу вторичного царствования Юстиниана II Ринотмета (705 — 711 гг.) мы имеем известие о том, что будущий владыка Византии в то время протоснафарий Лев Исаврийский (717—741 г.) был отправлен императором в Аланию (современная Осетия). Задачей протостафария Льва Исаврийского, посланного со значительной суммой денег, было восстановление алан против возмущившихся и изменивших верности Византийской империи абхазцев. Летописец говорит, что последствиями миссии Льва Исавряннина было нападение аланов на абхазцев, сопровождающееся вероломством.

Это известие для нас важно и интересно своей показательностью, что самостоятельная и открытая борьба с абхазцами становится не под силу Византии и ее императорам. Эти события готовят нас к известию об полном и окончательном освобождении абхазцев из-под византийского ига.

„Картлис-Цховреба“ списка Броссе уже с 720 года начинает упоминать об самостоятельных абхазских католикосах. Мы должны предупредить о часто встречающихся ошибках и неправильностях в хронологии этого документа вооб-

ще. И в данном случае мы думаем, что грузинские историки предупредили событие приблизительно на сотню лет.

Второй период,—от вступления на престол Юстиниана до передачи Абхазии Леону I императором Ираклием,—т. е. VI и начало VII века. Этот период можно назвать веком возстаний и веком укрепления христианства. Первое определение подтверждается возмущениями при Евфранте, Скипарна, Опсита, в 550 году, в 551 году против персов, в 572 году против византийцев. Второе же—деятельностью Юстиниана, Евфранта, учреждением архиепископской кафедры в Пицунде и др.

Третий период,—от вступления в управление Абхазией Леона I до описываемого момента, т. е. VII век без начала его и почти весь VIII. Этот период мы можем с полным правом назвать временем полунезависимого, полусамостоятельного существования Абхазии, как государства. Этот период, как мы уже замечали, подготавливает страну к полному отделению от Византийской империи. Такое полусамостоятельное существование Абхазии под управлением своих потомственных правителей позволяет ей накопить ту сумму экономических и культурно-общественных факторов, которые по тем временам позволяли стране стать независимой и вести самостоятельную политику.

Подтверждение этому видим и в самостоятельной архиепископской кафедре в Севастополисе, в которой грузинские хроникеры уже видят самостоятельную церковь возглавляемую католикосом.

Заканчивая передачу исторических памятников Абхазии, времени византийского владычества и влияния их в стране, мы подведем итоги ему. Разсматривая исторические данные относящиеся к византийской эре в Абхазии и изучая тех немых свидетелей их политического и культурного влияния и пребывания в стране, каковыми являются памятники их зодчества, мы должны сказать, что их господство принесло Абхазии все же больше культурных плюсов, чем минусов.

Но высказывая это положение, мы не утверждаем его и находим, что окончательное решение этого вопроса дело будущих исследователей абхазской истории.

Период расцвета.

Старшая линия Леонидов.

Теперь мы перейдем к новой эре жизни государства, на наш взгляд, к самой важной и самой ценной, к эре вполне независимой, самостоятельной Абхазии.

Абхазия, в силу своего географического положения, развивает торговые отношения не только с Византией, но и со странами Востока, северным Кавказом и Крымом, что мы видим из находок при раскопках и случайных, относящихся к VI, VII и VIII векам. Окрепнув экономически на этих развитых торговых связях, Абхазия вполне понятно должна была ощутить тяготы подневольного существования. Тем более, что в эту эпоху византийская империя дрожала под ударами, как извне: скифы, арабы и т. д., так и внутри при потрясениях производимых то цветными партиями, то борьбой с поклонением иконам и т. п. В тоже время ряд восстаний в Абхазии в эпоху византийского владычества показывает на нарастание и накопление национальных и культурных ценностей в стране, давших возможность ее населению оформить «бунт» в «переворот», «революцию».

Свержение византийского ига и отделение от Византии, как событие не поражает нас своею неожиданностью. Это событие, как мы видим, явилось естественным последствием цепи политико-экономических явлений последних 2—3 веков жизни Абхазии. Весь 2-ой и 3-ий периоды византийской эры, как мы уже говорили, являются дорогой Абхазии к собственному освобождению. А история миссии Льва Исаврийского к аланам в тоже время нам говорит, что слабеющая и

расшатывающаяся Византийская империя не может своими силами и открытыми путями идти против воли возражающего народа и бессильно, чтобы сломить нарождающееся государство абхазцев.

Перейдем к изложению событий.

В последней четверти VIII века Абхазией управлял на правах фактически самостоятельного или полусамостоятельного владетеля, а официально как византийский потомственный наместник Леон, сын Тевдосе (Феодосия, Теодориса) и дочери хазарского кагана (владетеля, правителя, царя), являвшийся потомком Леона I, которому была передана Ираклием Абхазия. Вследствие каких то непосредственных причин Леон возстал против Византийской империи и ее протектората над страной. Поддержанный с одной стороны абхазцами, а с другой войсками своего матери деда, — хазарского кагана, Леон разбивает находившиеся в стране византийские гарнизоны. Такая же участь постигает и вновь присланные из Византии войска, с которыми прибыл вновь назначенный на место Леона наместник.

После этого Леон торжественно провозглашает независимость Абхазии, а себя ее царем под именем Леона. Летописцы именуют Леона, провозгласившего независимость Абхазии «Вторым» в отличие от Леона, получившего от Ираклия Абхазию, — «Первого». Чтобы не вносить путаницу, так будем называть и мы, хотя твердо убеждены, что между Леоном I и Григорием был еще один Леон и можем допустить существование еще дяди, Леона II который мог быть в то же время и правителем, по имени Леон, т. е. предполагать четвертого Леона.

Провозглашение независимости в Абхазии относится к 786 году, а по «Картлис-Цховреба» списка Броссе к 787 году.

«Картлис-Цховреба» списка царицы Марии, являющая, как мы говорили, летописью до-вахтановского периода, так рассказывает об этом событии:

„Между тем, когда греки ослабели, отложился от них абхазский эристав (т. е. наместник, правитель) Леон, сын

брата (т. е. племянник) эристава Леона, которому дана была во владение Абхазия. Этот Леон Второй был сын. дочери хозаров, при помощи их сил (хозарских) покорил Абхазию и Егриси (современная Мингрелия) вплоть до Лихи (горы Лиха = Сурамские горы) и стал титуловаться царем абхазов, ибо эристава Иоанна, уже не было в живых, а Джуаншер (об Иоанне и Джуаншере смотри ниже) был стар.

В этой выписке говорится, что Леон Второй был племянником Леона Первого. Это, понятно, не выдерживает никакой критики. Даже допустив библейское долголетие, трудно согласиться с тем, чтобы человек вступивший на престол в конце VIII в. и умерший в IX в. приходился племянником человеку родившемуся еще в VI веке (Леон I вступил в управление Абхазией в 612 году, значит родился еще в предыдущем, VI веке).

Возможно, что между правителем Абхазии Григорием и Леоном II был еще правитель Леон, брат Θεодосия, отца Леона II. Но вероятней всего летописец хотел сказать, что Леон II, происходя из рода Леона I в то же время не являлся его прямым потомком, а был одним из членов боковой, «по брату», линии.

Царевич Вахушт в своих трудах, говоря о происхождении слова «гуриец», сообщает нам некоторые данные. Вахушт говорит, что слово «Гуриец» означает «бунтовщик», каковым именем этот народ окрестили за его мятеж против Византийской империи. По его же словам мятеж гурийцев проходил под начальством византийского эристава в Абхазии, впоследствии ставшего царем ея. Не вернее ли, базируясь на этой легенде, предположить, что гурийцы были союзниками и помощниками Леона II и абхзцев в их борьбе за независимость?

К сожалению царевич Вахушт не указывает нам источника, откуда он получил это объяснение происхождения слова «гуриец». Вполне возможно, что при исследовании этого источника могли бы открыться новые данные к истории Абхазии этого периода, столь неясного.

Как мы уже говорили, Леоном II и провозглашенной им независимостью Абхазии открывается новая эра в государственной жизни страны. Вполне понятно, да мы и подчеркивали, что эта эра не явилась откуда-то и неожиданно, а была подготовлена последними двумя веками жизни страны при иноземном владычестве и явилась естественным следствием экономического развития страны. Но все же провозглашение независимости является вехой, от которой мы начинаем счет новой жизни и при новых политических условиях.

Провозглашение независимости является в данном случае лишь чисто внешним, но в то же время важным показателем пройденного пути страной и ее социально-культурного развития. Вот причины почему мы долго задержались на этом факте.

Царствование Леона продолжалось 20 лет. В Баратовском же списке „Картлис Цховреба“ его продолжительность указывается в 45 лет. Не соединяет ли эта цифра вместе его правление до и после провозглашения независимости? Если это так, то Леон начал править Абхазией около 761 года. Но вполне понятно, что это гадательно, хотя и вполне допустимо.

К началу его царствования, к 757 году,—относится запись в греческих хрониках, что на Вселенском соборе в Никее в числе других был Пицундский архиепископ.

По преданию Леоном начата постройка, сохранившегося и до ныне храма в селении Лыхны (в 3.—4 верстах от гор. Гудаут), являющего представителем древнейшего христианского зодчества на Кавказе и одним из лучших и красивых его сооружений.

В первые же годы своего царствования Леон II начал расширять основные владения Абхазии за счет западного Закавказья. По «Картлис-Цховреба», Грузия по смерти царя Арчила была разделена между его сыновьями Иоанном и Джуаншером. Иоанн правил в западной части,—в современной Имеретии*) и Мингрелии, а Джуаншер в восточной,—в совре-

*) Имерия или Имеретия происходит от грузинского იმერეთი — имер-эти=по ту сторону страна, т. е. страна на запад от Сурамских (Лихских)

менной Карталинии и Кахетии. В своем движении к захвату торговых путей, Абхазия натолкнулась на владения Иоанна. Леону сопутствовало счастье и скоро он овладел почти всем уделом Иоанна, который вскоре умер. За ним последовал и Джуаншер, последний из династии Сасанидов в Грузии, а титул грузинского царя и фактически восточная часть ее перешли к Ашоту Багратиду, шурина Джуаншера.

В год своей смерти Леон, по грузинским источникам, в завоеванной стране на берегу реки Риона, на месте древних милетских колоний Кутаиссиума или Котатиссиума и Укимер-иона кладет основание новому городу. Этот город начинает зваться „Кутатис (ჭუთათისი)“, а впоследствии „Кутаис“. Кутатис или Кутаис начинает быстро развиваться. Уже при ближайших приемниках Кутаис вырос в настолько большой, богатый, процветающий и значительный город, что в него, как в географический цент разросшейся монархии Леониды переносят свою резиденцию.

Леон II царствовал в те времена, когда всякий завоеватель считал своим священным правом и долгом наивозможно больше разорить и ограбить завоеванную страну. Леон же положил для своей династии традицию прямо противоположную обычаям своего времени. Леониды во все время своего господства не только не разоряют и не разрушают завоеванных ими областей, но наоборот, «с легкой руки» Леона II и Кутаиса, обстраивают их возобновляют города и храмы, укрепляют их, строят крепости, города монастыри и т. п. Мы в летописях ни грузинских, ни византийских, ни армянских, ни арабских, ни в каких других не встречаем ни разу сведений и сообщений о том, что бы абхазцы времен Леонидов разорили бы и разрушили хотя бы одно селение или город или разграбили его и о тому подобных варварствах. Это положение, подчеркивая высокий уровень культурного развития, на котором находились абхазы VIII и последующих веков, в то же время говорит и за то,

гор. В разные эпохи была самостоятельным царством, присоединена к России в начале XIX в. при имеретинском царе Соломоне II. Вошла как часть в состав Кутаисской губернии.

что движение абхазцев на Восток не было просто хищническим напором накопившего силы соседа.

Это положение скорее выявляет, что движение абхазцев, хотя может быть и было стихийным, но все же осмысленным национально-экономическим продвижением.

Мы когда—нибудь вернемся к этому вопросу и вскроем, по сохранившимся данным, план Леонидов закрепления завоеванных областей. Он ярко и наглядно выступает, если мы нанесем на карту все постройки, произведенные ими, понятно известия о которых дошли в том или ином виде до нашего времени.

Сын Леона II, Феодосий I вступил на абхазский престол по смерти своего отца в 806 году и царствовал почти сорок лет.

Государство и ея династия были еще молоды и не окрепшие. Для наивозможно большого их укрепления как внутри, так и извне Феодосий предпринял целый ряд мер. Одной из них была его женитьба по политическим соображениям на дочери грузинского царя куропалата Византийской империи Ашота Багратида, царствовавшего с 787 по 826 год.

Куропалат Ашот являлся в то время наиболее сильным из закавказских владетелей. Это родство, с одной стороны придавало блеск и вес молодой династии, связывало узами родства и создавало возможность поддержки со стороны сильного соседа и, с другой стороны, вводило молодую державу в сферу интересов центрального Кавказа, чем открывалась возможность вмешательства и создавался повод для него.

Как мы увидим из событий его времени Феодосий все это умело использовал за свое долголетнее и блестящее царствование.

В первую половину своего сорокалетнего царствования Феодосий уподобляется московскому Иоанну Калите. Он накапливает, благодаря экономному расходованию, большие средства, приглашает из разных стран опытных и знающих юдей и мастеров, проводить в стране дороги, усиленно заселяет окраины своего государства. Он строит крепости, башни и укрепляет города для защиты страны и ея населения

от неприятельских нападений и набегов. Ему между прочим приписывается грузинскими летописями основание и постройка на дороге между Кутаисом и Абхазией, на реке Цхених-Цкали или Конской, города Хони в 812 году.

„Картлис-Цхвореба» списка царицы Марии дает нам одно из событий, происшедших в начале царствования Феодосия: „В то время куропалат Ашот выступил в поход (против сарацин и их союзника—кахетинского мтавтра, т. е. владельца, Григория). На помощь ему явился Феодосий, царь абхазский, сын Леона II, который был зятем Ашота куропалата...”

Сделаем отступление, чтобы вкратце обрисовать положение христианской церкви в западной половине Закавказья. В порядке церковной подчиненности все западное Закавказье в первые века нашей эры входило в состав областей зависимых от Константинопольской патриархии. Но фактически еще с первой четверти IV века центральная часть Закавказья начала подчиняться Антиохийским патриархам. Соборное постановление II-го Вселенского собора в Константинополе в конце IV века, а именно в 381 году, зафиксировало уже создавшееся положение, передав и официально в ведение антиохийского патриарха, который и до ныне в своем титуле носит наименование и грузинского («Иверии»).

За услуги, оказанные грузинским царем Парсманом Византии, император Юстиниан (527—565) понудил константинопольский синод и патриарха Мина (536—542) признать в 542 году автокефальность грузинской церкви, что и было утверждено канонами 39-ым VI-го Вселенского Константинопольского собора в 680 году. При Иерусалимском патриархе Сергее (843—859) на соборе в Иерусалиме иверской церкви было предоставлено право освящать для себя мир. Только в 950 году Мцхетская архиепископия была возвышена на степень патриврхата каталикоса. Но все же каталикос (по грузинскому произношению каталикос; обычно в актах, надписях на храмах и иконах это слово обозначилось началь-буквой под тутлом: ზ) обязан был на церковных служениях поминать имя антиохийского патриарха.

Абхазская церковь, как расположенная на территории, которая никогда до конца XI века ни в каких отношениях

не рассматривалась как часть Грузии, не переживала этих перепитий церковной истории. Абхазская церковь все это время оставалась в ведении Константинопольского патриархата. Достаточно просмотреть хотя бы сообщаемые здесь известия относящиеся как до 542 года, так и после 680 года, чтобы убедиться в этом. Вспомним установление Константинопольским патриархом ариепископской кафедры в Пицунде, что относится к 541 году или установление им же архиепископии в Севастополе, которое состоялось в конце VII — начале VIII в.

Став в 786 году политически самостоятельной, Абхазии в делах религии, своей церкви оставалась попрежнему в епископских областях подчиненных Византии и Константинополю. Выросшая и окрепшая Абхазия, вполне понятно, хотела отбросить все путы сковавшие ее. И последняя цепь приковавшая Абхазию к Византийской империи, — подчиненность абхазской церкви рухнула при Феодосие в 820, а по другим источникам в 830 году.

Перед абхазской церковью стоял вопрос как быть освобождаясь от Константинопольского патриархата. Присоединение к грузинской церкви как еще в то время не совсем самостоятельной не имело смысла.

Присоединение к армянской, в то время пользовавшейся большим влиянием в Армении, Грузии и Албании было тоже не выгодно, как к церкви страна которой удалена и часто разобщалась от Абхазии арабами. Оставался еще выход: стать вполне самостоятельной, — автокефальной.

Казуистическая схоластика, царившая в делах восточных церквей вообще, а в то время в особенности, считала только те церкви канонически автокефальными, основание которым было положено личной миссионерской деятельностью одного из апостолов. Тут вследствие путаницы в наименовании местностей в хрониках епископов Дорофея Тирского-Епифания кипрского и др. нашлось предание о том, что Андрей Первозванный и Симон Канонит проповедывали евангелие в Абхазии. Вдобавок к ним нашелся и целый ряд святых, подвизавшихся в Абхазии, как-то епископ Василиск команский

константинопольский, епископ Иоанн Златоуст, блаженный епископ Евфратий никопсийский, апокрисарий Анастасий, блаженный ключарь Иоанн и его сын Стефан, Або, Леонгин, 40 мучеников и др.

Со всем этим вскоре согласился и Константинопольский патриархат и абхазская территория в церковном отношении стало вполне независимой.

Мы не знаем точных данных о территории, на которую в те времена распространялась власть абхазских католикозов, но по косвенным указаниям и по позднейшим сведениям можем предполагать, что к ним принадлежали митрополии, архиепископии и епископии, как современной Абхазии, так и Имеретии, Мингрелии, Гурии, Аджарии, Самурзакании, Лечхума и далее.

Полный титул абхазских католикозов тех времен не известен. Известен лишь их титул с XVII века, который в своем месте мы и приведем.

Резиденциями абхазских католикозов одновременно были Пицуодский, Никопсинский Гелатский монастыри.

В царствование Феодосия совершился и другой акт. При всех Леонидах, мы предполагаем с самого 619 года, резиденцией им служила Никопсия—Анакопия, которая до Леона II находилась в центре Абхазии. Но уже при Леоне II Абхазия выросла настолько, что Никопсия находилась в отдельной части государства. Между тем при осуществлении поступательного движения на Восток требовалось постоянное присутствие ближе к центру разыгрывавшихся событий, это во первых. А затем месторасположение Никопсии на берегу моря, где все-таки хозяевами положения оставались византийские императоры со своим в то время могущественным флотом, и вытекающая из этого постоянная опасность нападений и осады Никопсии, вследствие этого и лишение страны управления ставим пред Леонидами вопрос о Никопсии, как резиденции. И мы видим, что Феодосий переносит столицу своего молодого государства в географически центральное место,—в город Кутаис, незадолго до того восстановленный его отцом Леоном II. С этого времени Кутаис вместе с Ни-

копсией, является резиденцией для всей династии Леонидов до Феодосия II Слепого включительно.

Во вторую половину своего царствования Феодосий обращает главное свое внимание на расширение границ государства. Им не забыто и усмирение своих беспокойных соседей, имевших кавказскую особенность тревожить страну разбойными нападениями. К концу его царствования северной границей его владений является местность, лежащая северней современного города Сочи, а на юге она граничат с Тао, Кларджетом и Джавахетией, т. е. он владеет территорией современных Имеретии, Мингрелии, Гурии, Абхазии, Самурзакани, Лечхума, южной частью Черноморской губ. и северной полосой Аджарии (Батумского округа).

Не смотря на то, что Абхазия крепла, как говорится, с каждым днем своего существования и становилась большой и грозной силой, Византия и ее императоры не могли примириться с мыслью о потере так выгодно расположенной и экономически выгодной страной, как Абхазия. И византийские правящие круги делают попытки вернуть под свою власть молодое государство и вновь поработить абхазцев. Первая известная нам попытка была произведена в 841 году по приказанию императора Феофила, царствовавшего в 829—842 гг. Феодосий, быстро собравший войска, с большим успехом отразил высадку византийских войск. Два года спустя в 843 году такая же участь постигла и вторую попытку высадки византийских войск, производившуюся по повелению блаженной Феодоры, бывшей в то время регентом. Эти уроки, данные Феодосием, не пропали для Византии даром и греческие летописцы уже не упоминают о новых нападениях императоров на Ахазию.

В год смерти Феодосию пришлось столкнуться с еще полным тогда сил воинствующим ислаизмом. Вольноотпущенник халифа Мутасим Билляха, Буга был халифом Мутевакилем, занимавшем престол с 844 по 861 год, назначен военачальником. Буга, опустошив Армению, вторгнулся в Грузию, предавая все мечу и огню, и подошел к Тифлису. Тифлис в это время занимал возмущившийся против халифата грузин-

ский, наместник его Эмир Саак или Исхаак (по Массуди Исхаак-ибн-Исмаиль). Буга осадил Саака и взял город. Он убил Саака, город сжег, а все его окрестности опустошил. Против Буга выступил Феодосий. Он перевалил в Карталинию и стал продвигаться к Тифлису. Но получив сведения о многочисленности армии Буга, отступил за Сурамский перевал и стал около Кверцхоба. Буга двинул против Феодосия своего военачальника Зирака или Зераха и карталинского царя Куропалата Гварама или Баграта (сына Ашота Куропалата), царствовавшего с 826 по 872 год. Зерах с Гварамом проиграл сражение и отступил через Дванети. Это происходило в 845 году. После этого сражения, Буга, не встречая более препятствий, стал занимать Закавказье и первым призом за победу послужил Душетский уезд, владение Гварама.

Об этих событиях говорится в „Картлис-Цховреба“ разных списков, в жизнеописании святого Константина и других летописях.

Но надпись на внутренней стене Сиона в Уплис-цихе, обнаруженная и описанная археологом Д. Бакрадзе, дает нам другую дату: „Августа 5-го, в день субботний короникона 73*), в год владычества сарацин (арабов)... Тифлис пленил Буга и поймал и убил Эмира Саака и того же августа 26-го, в день субботний, Каха пленил Вавиря и его сына Тарху“... В этой записи должна быть ошибка в корониконе.

О этих же событиях мы находим подтверждение у арабского географа и путешественника Абуль-Хасан-Али аль-Масуди, умершего в 956 году, в его книге „Муруджуль Дзагбве Меадинуль Джаугер (Луга золота и рудники драгоценных камней)“. В этом же сочинении Масуди говорит, что „... рядом со страной аланов живут абхазы, исповедующие христи-

*) Обычно в грузинских хрониках, надписях на постройках и т. д. летоисчисление ведется на своей эре. Начало грузинской эры восходит к 5072 году до Р. Х. и разбивается на ряд циклов по 532 года в каждом. Когда кончался один цикл, начинались года опять с 1-го. В нашей эре следующие года приходились на первые года циклов грузинской эры: 12-го цикла—249 год по Р. Х., 13-го цикла—781, 14-го—1313 и 15—1845 год.

Грузинские летописцы года своего летоисчисления называют корониконам—*კორიკონი* *ბოჯბო*—испорченное „хроникон“ и это слово в летописях пишется *ჰ-ჰბო*, *ჰ* и т. д.

Так что упоминаемый здесь короникон соответствует 853 (780+73) году. Понятно, что часто читающий становится в тупик перед вопросом, к какому именно циклу относить тот или другой из указанных корониконов.

анскую религию и в наше время у них есть царь. Царь ала-нов сильнее их и область их простирается до гор. Рабх... „...около абхаз находится царство Джурия (Гурия), населенное большим племенем... зовут их хазран (грузины)... „...абхазы и хазраны платят харадже (дань, подать) владельцу пограничной области Тифлис (Масуди так характеризует и Эмира Саака) со времен завоевания этого города мусульманами и утверждения их в этом городе в царствование халифа Муте-вакиля... Других источников, подтверждающих сообщение Масуди, нет, хотя вполне возможно, что и был момент, когда Абхазия платила „харадже“ арабским наместникам в Тиф-лисе.

По смерти Феодосия I в 845 году абхазский престол с блестящим состоянием казны, с сильной, опытной и закален-ной в боях армией перешел к его старшему сыну *Георгию I*.

Георгий был только новой фигурой на абхазском троне, но являлся типичным Леонидом со всеми их традициями и задачами. Его традиционное царствование является продол-жением дела, начатого Леонидом II и Феодосием I.

Георгием построен, как об этом гласит надпись на по-стройке, открытая исследованиями, монастырь во имя пре-святой Богородицы на левом берегу реки Квирилы с селении Эхвеви*). При монастыре была и школа.

*) Развалины монастыря с сел. Эхвеви (383330-рой, сборище) расположены на тер-расе горы на берегу Квирилы. В исходе прошлого столетия монастырь исследован и опи-сан археологической экскурсией по поручению Московского Археологического общества археологом грузиноведом Георгием Церетели:

Вокруг храма разбросаны развалины обители со школою и киновиями. Храм-бази-лика с западным и северным приделами, внутри разграничены между собой арками, а внешне обозначены, по словам Церетели, „пятиугольным краевым фронтоном, перекрытым сверху черепицей древнейшей формы. Фронтоны эти чрезвычайно изящны и орнаментиро-ваны кружевным плетением, исполненным мастерски. Стенной арнамент Эхвевского храма выше по достоинству, чем орнамент Никорциндского и Кацхского собора. Каждый фасад каждого придела отделан двойными и тройными полуколоннами, базы и капители которых украшены листьями аканты и ажурными крестами“.

„Главный корпус храма представляет параллелограмм, высоко возвышающийся над приделами. Общее впечатление храма с его приделами получается, как от звезды, распла-станной на земле“.

„Над западным пятиугольным фасадом храма возвышается красивый каменный крест, основанный на Голгофе и орнаментированный грузинским плетением; а над восточным фасадом изящно отделанная из камня голова овна“.

„Эхвевский храм сооружен более 11 веков, но его черепичная кровля до сих пор не пропускает ни капли дождя“. „...Эта древняя кровля могла бы простоять еще не-сколько тысячелетий“...

Эхвевский монастырь при Георгии находился в Чихской области или Чихии. Селение Чиха существует и в наше время в верстах пяти от Эхвеви. Царевич Вахушт говорит, что Георгий назначил правителем этой области Тинему или Тихама, сына своего брата Деметре (Дмитрия) со званием Чихского эристава. По другим данным Тинема управлял Чихской областью до самого конца семидесятых годов IX века. Об этом встречаем мы и в „Картлис Цховреба“.

Лет за пять до своей смерти Георгий, воспользовавшись благоприятным для Абхазии стечением обстоятельств, расширяет ее владения на востоке. Он, перевалив Лихские или Сурамские горы, занимает почти всю нижнюю Карталинию с известным пещерным городом Уплис-цихе**). Так как Тифлис еще со времени царствования Джуаншера (VIII в.) занят был арабскими эмирами, то столицею Карталинии большую часть этого времени считался Уплис-цихе. Во время владений Леонидами Карталинией, в нем всегда сидел их правитель с титулом наместников (по грузинским летописям — *ერისთავი* — эристав или первой буквой слова под титлом — *ე*) или наместников над наместниками (*ერისთავთა ერისთავი* — эриставт эристав или эристав над эриставами, часто писалось начальными буквами под титлом *ეე*). Часто это место занимали ближайшие родственники царя.

Над северным входом „изваян крест, богато разукрашенный плетением и пальмами“..., „полуарка, под которой расположен крест, основана на богато разукрашенном наличнике с тонкими изящными парными колонками и рамой, покрытой листьями аканты очень тонкой работы. Сбоку среди этих листьев помещено миниатюрное человеческое изображение с поднятыми вверх руками, в царском облачении, без короны. Такая же миниатюрная фигура архангела изваяна сбоку западного входа в храм“.

„Главные же мраморные колонны и плиты иконостаса вывезены в 30-х годах в Джручский монастырь митрополитом Давидом“.

„...С внешней стороны окно (в ансиде главного храма) разукрашено весьма тонко резанной полуаркой и в высшей степени изящными колоннами, на базах которого следующая надпись:

„Христос помилуй Левана Георгия“.

Над южным окном с запада „изваян удав, подкарауливающий животного, подходящего с другой, противоположной стороны рамы и похожего на молодую лань. Изображение животных полно жизни и экспрессии“.

**) В верстах 10 от Гори на высоком и обрывистом каменистом мысе — Квернакском утесе, на левом берегу Куры лежит пещерный город Уплис-цихе. Название города объясняется двояко. Слово „цихе“ *ციხე* — крепость не возбуждает ни в ком сомнений. Слово же „Уплис“ объясняется, как крепость Уплоса, Уплиса или Упласа, легендарного героического царя Грузии, сына Мцхетоса или внука Картлоса, родоначальника грузин и внука патриарха Ноя. По другим же толкованиям слово „уплис“ произошло от *უფლის* упали — господин, владыка, Господь, т. е. принадлежащая господину, владельцу, Господу. По этим объяснениям Уплис-цихе означает или крепость Уплоса, или Божья крепость, или крепость владельца.

Заняв Карталинию Георгий назначил в нее наместником своего племянника Тинему, наместника Чихской области, пограничной дотоле с Карталинией. Тинема избирает своей резиденцией Уплис-цихе.

Сын Георгия I *Иоанн* начал царствовать по смерти своего отца в 875, а по другим источникам в 877 году. Его короткое царствование ничем не ознаменовалось в жизни страны.

Преемником Иоанна на абхазском престоле был его сын *Адарносе*. Это произошло в 879 году.

Адарносе был женат на дочери Гварама или Баграта Мамиела, мамнала (владельца, царя) Грузии с 826 по 876 г. и внучке куропалата Ашота.

Его непродолжительное царствование было эпохой пышного расцвета дурных сторон дворцовой жизни. Его восьмилетнее царствование—время заговоров, убийств и интриг в духе римских или византийских дворцовых кулис.

Началось с убийства Карталинского эристава бабкой Адарнасе, вдовою Георгия I. Хроники так рассказывают об этом. Вдова Георгия, она же мать Иоанна, была возмущена влиянием на государственные дела Абхазии, оказываемым

«Картлис Цховреба» рассказывает, что Уплос, по смерти своего отца Мухетоса, стал править в Мухете. Он овладел страной от Арагвы до Ташишари (Боржомское ущелье) и Каравана (озеро Тоноравана) и построил города Уплис-цихе, Касин и Урбинси. Он назвал свои владения Верхней страной (Зена-сопели), нынешняя Карталиния.

Пещеры в Уплис-цихе высечены несколькими ярусами, соединены между собою лестницами и переходами, занимают большую площадь и представляют величественные сооружения. Пещеры имеют самый различный вид, величину, характер, внутреннюю и внешнюю отделки. Есть высеченные очень грубо и примитивно, другие же со сводами и арками, опирающимися на колонны. Имеются пещеры, украшенные резьбой. В городе различаются улицы, площади, базары, канавы и другие принадлежности городов. В одной из пещер,— «дворец царицы Тамары», по местным преданиям, жила названная царица.

Царевич Вакушт говорит об Уплис-цихе: «На запад от Каспи,—говорит он,—между Курой и Квернаки есть поле Ашурпани, бесплодное от безводья; выпасается на нем множество овец, коров и буйволов, а зимою тут тепло. В Ашурпани находится Уплис-цихе на выступившей от Квернака скалистой горе, на берегу Куры. Его впервые устроил Уплос, сын Картлоса, и город этот существовал до Уплиса. Ныне он разорен. Постройка удивительная, вырезанная в скале: громадные палаты выдолблены в скале, большое жерло просверлено, пробито до Куры. С западной стороны имеется высокая утесистая скала, и в ней вырезано множество больших пещер; но ныне они непоступны. Здесь гнездятся мухи; видят их выходящими как воинство пико-луконосов (т. е. как воинство копьеносцев и лучников), конное, отправляющееся в поход. Это служит талисманом».

Посетивший Закавказье Невшателский профессор Дюбуа де-Монпере относит возникновение Уплис-цихе к древне-персидскому и парфянскому периоду владычества в той части Закавказья.

детьми Дмитрия, брата ее мужа. Она решила прекратить их вмешательство и для этого приказала захватить их. Захваченные Тинема и Баграт были посажены в темницу, где Тинема и был убит. Баграта же приказано было утопить в море. Предание говорит, что Баграт не погиб в море, а был неизвестным подобран и отвезен в Константинополь, где жил во дворце императоров. Верно ли это или нет, но известно, что Баграт выступил мстителем за своего убитого брата против Адарнасе, который являлся Баграту двоюродным племянником. Перед выступлением Баграт заручился поддержкой византийских императоров вначале Василия Македонянина (867—886), а потом, по его смерти, и поддержкой его сына Льва VI Мудрого (886—912). Это обстоятельство до некоторой степени подкрепляет предание о пребывании Баграта в Константинополе и жизни его во дворце. Заручившись поддержкой Византии, Баграт быстро набрав отряд и выступил со своими сторонниками против Адарнасе. Помощь Льва Мудрого отрядом византийских войск склонила победу на сторону Баграта. Адарнасе был захвачен в плен, объявлен свергнутым с престола и по распоряжению Баграта убит в 887 году.

Для лучшего уяснения действующих лиц мы приводим и родословную.

Феодосий I — дочь Ашота куропалата.

Адарнасе — дочь мампала Гварама.

Смертью Адарнасе обрывается старшая линия дома Леонидов, правившая страной немного более ста лет — с 786 по 887 год.

Младшая линия Леонидов.

После вышеописанных событий на абхазский престол вступает *Баграт I* в 887 году и начинает собой младшую линию династии, занимавшую престол, как и старшая, немного более ста лет,—с 887 по 980 год.

Во время коротких царствований последних представителей старшей линии и междоусобицы Адарнасе и Баграта, дальние области государства отложились и стали самостоятельными. Баграт продолжает политику всей династии Леонидов и старается вновь занять местности по верхнему и среднему течению Куры.

Хроники подробно рассказывают о событии, давшем Баграту предлог для вмешательства во внутренние дела Грузии и повод для вторжения в Карталинию. Дядя Баграта по матери, сын Гварама Мамиеля, Наср, убивший в 881 году своего двоюродного брата куропалата Давида, после убийства бежал в Византию. Из Византии Наср вернулся к Баграту с просьбой о помощи. Далее мы предоставим говорить историку: „После этого Наср вышел из греческого царства и перешел в Абхазию. Абхазским царем был тогда Баграт, сын сестры Насра, и царь абхазский помог ему большим войском. Оттуда Наср перешел в Самцхе*), где собрал другое более

*) Самцхе, Самцхето, Самцixe, или же Олсихрки, Одсхе в настоящее время Ахалцихский уезд. Происхождение слова объясняется различно. Производят от сами—*bad*—три и *ci*хе—*job*—крепость, а в общем „три крепости“. Выводится также от префикса „са“—принадлежность и собственного имени Мцхетос, сын легендарного родоначальника грузин Картлоса, а вместе „владение Мцхетоса“.

Самцхе вместе с Джавахией (о ней смотри ниже) назывались Саатабагс—„владением атабегов“.

На Ближнем Востоке нет народа, который бы не разорял эту несчастную страну и которой бы не владел ею некоторое время. Вот история Самцхе в одной фразе.

многочисленное войско. Между тем Адарнасе, сын убитого куропалата, вышел против него на сражение. На помощь Адарнасе пришли куропалат Гурген и его сыновья. Они дали большое сражение и битву Нарсу, и Бог помог немногочисленным сторонникам Адарнасе: они победили Нарса, обратили его в бегство; потом поймали и убили его в долине Самцхийской в деревне Аминдзе, в короникон 108^а, т.-е. 888 году. По другим источникам, в этом походе на стороне Насра в союзе с Баграта I принимал участие осетинский каган Баграт. Есть записи, говорящие, что в битве Адарнасе был лично Насром убит.

По смерти Баграта I в 906 году начинается пятнадцатилетнее царствование его сына *Константина*. Он в самом же начале своего царствования старается исправить неудачу своего отца. На втором году своего царствования Константин со своими войсками вступает в Карталинию. Внутренние смуты не дают карталинцам возможности организовать сильного отпора и после слабого сопротивления Карталиния сдается победителю. Константин занимает и Уплис-цихе.

Большинство хроник относят занятие Карталинии к 886 году. Но Баратовский список „Картлис-Цховреба, находящийся ныне в библиотеке „Общества распространения грамотности среди грузинского населения“ в Тифлисе, дает нам другую дату этому событию: „В 888 году выступил абхазский царь Константин и покорил Картли“. Мы думаем, что тут произошла ошибка. По всей вероятности переписчик перепутал короникон и вместо 128 был поставлен 108-ой.

Как мы уже заметили, занятие Карталинии было облегчено Константину внутренними беспорядками и, главным образом, беспорядками, производимыми карталинским дворянством. Летописец так говорит об этом: „Картлию начали покорять азнауры (дворяне), но пришел царь абхазский Константин и овладел Картлией“...

При походе далее на восток ему пришлось столкнуться с армянским Багратидом (по армянски—Багратуди) шахиньшахом Анийским Сембатом I Мучеником, царствовавшим с 890 по 914 год. Сембат выступал против Константина как союзник грузинского царя Атер Нерекса. Столкновение с

союзниками было несчастливым для Константина: он был разбит в битве с Сембатом и отступил со своими войсками в Уплис-цихе, где и был осажден армянским царем.

В изложении дальнейших событий сохранилось несколько версий. По одной из них, осажденный Константин снарядил в лагерь Сембата (Смбата) посольство с предложением породниться. Сембат согласился на это предложение и отдал свою дочь в дом Константина и мир был заключен. Другую версию мы находим в „Картлис-Цховреба“: „Он (т.-е. армянский царь Сумбат Тезеракали) привел огромное войско и осадил Уплис-цихе; верхнюю часть крепостной наружной пропасти он наполнил седлами и такою хитростью овладел крепостью, но он, Сумбат, вскоре вслед за этим оставил Уплис-цихе и ушел“.

Армянские историки Степанос Асохик Торонский, живший в X—XI в. и Иоанн католикос, живший в IX—X в., говорят об этой войне, хотя первый из них очень смутно. Степанос Торонский говорит (в скобках из трудов Иоанна католикоса): „Смбат захватил царя абхазского Константина (возмущившего подчиненные армянскому царю Гугарскую страну и лежащие близ агаванских ворот земли), покорил его (при помощи грузинского царя Арт-Нересека), а потом освободил его. Арт-Нересек рассердился поступком Смбата, порвал с ним дружбу и стал против него враждовать“.

Ниже Степанос Асохик говорит, что Смбат, отступая от напавшего на него „нечестивого Юсуфа, сына Абу-Саджа, заходил в пределы Абхазии“.

Ни „Картлис-Цховреба“, ни Степанос Асохик, ни Иоанн католикос не приводят дат к этим событиям. Приблизительную дату мы можем найти во второй части „Хронологической истории“ Мхитара варпанеда айриванского, жившего в XIII в. Мхитар, после сообщения о постройке Сембатом Завоевателем Ани, что относится к 362 году армянского летоисчисления или 913 нашей эры, пишет: „Он (т.-е. Смбат) захватил султана и предписал таджикам (татарам) носить косы, как у женщин. Он захватил также Димитрия, царя иверского и приказал выжечь руки многим иверцам, отчего те и стали называться абхазами. Скверный Юсуф распял его

на кресте в Двине"... За три слишком столетия известия перепутались, внесен был легендарный характер и вместо имени действующего лица, имя или его деда или его внука, но идут они у него в смысле хронологического порядка довольно последовательно. Вследствии этого столкновение Сембата и Константина произошло не ранее 913 года (постройка Ани) и не позже 914 (год мученической смерти Сембата).

В его царствование на южные области Карталинии было нашествие арабов. „Картлис-Цховреба“ так передает об этом событии: „и пришел эмир арабский по имени Абдул Касим с многочисленным войском, которое едва вмещала страна. Разорив Самцхе и Джавахию*), Абдул Касим осадил крепость Тмогви (на левом берегу Куры в Ахалцихском уезде), но видя неприступность крепости, снял осаду и осадил крепость Квелис“.

В конце своего царствования Константин начинает оказывать влияние на дела восточной части Закавказья и вмешивается в них. Он оказывает моральную помощь своими войсками кахетинскому владельцу Квирике, находившемуся от Абхазии в некотором зависимом положении, в покорении Герети (современная — по течению р. р. Иоры и Алазани, восточная часть Сигнахского уезда и западная часть Закатальского округа).

Константин скончался в 921 году. По его смерти на престол взошли его сыновья *Георгий II* и *Баграт II*.

С первых же дней совместное управление повело к недоразумениям, а затем к междоусобной борьбе. И первые пол-

*) Джавахия, по грузински Джавахети — ჯავახეთი была заселена племенем, называвшим себя джавахелами, остатки которых и ныне обитают на старых местах и ныне называют себя старым именем. Территория Джавахии в большинстве была территорией современного Ахалкалакского уезда.

По легенде, Джавахия получила свое название от Джавахоса, сына Мухетоса, по смерти которого она досталась ему во владение. По местным же преданиям название получилось от богатого и храброго князя Джавахи, который владел ею в ней.

Исторические судьбы Джавахии — история мелких владений Закавказья. В легендарное время Джавахия была самостоятельна, потом под грузинским, македонским, снова грузинским, потом переходит из рук в руки армян и грузин, пока последние не утверждаются. Затем короткое время она живет самостоятельной жизнью. Потом попеременно ею владели грузины и арабы, пока не утвердились абхазцы. В составе Абхазии она перешла к Багратидам. Затем ею владели византийцы, орбелиани, персы, турки, от которых она вошла в состав России.

тора-два года, по смерти Константина, в ужасной междоусобице между братьями, которой воспользовались некоторые окраины государства, чтобы заявить себя отложившимися и самостоятельными.

На втором году борьбы, из-за престола, победу, наконец, одерживает старший сын Константина—Георгий. Он разбивает отряды сторонников Баграта II и они рассеиваются. Сам Баграт попадает в плен к Георгию и вскоре падает жертвой своего честолюбия от рук подосланного победителем убийцы в исходе 922 года, после чего Георгий остается самостоятельным правителем государства.

Более чем тридцатилетнее царствование *Георгия II* было временем наивысшего расцвета Абхазии, наибольшего экономического, политического и культурного подъема в стране.

В 923 году Георгий, воспользовавшись смертью карталинского владетеля Адарнасе II, занял всю Карталинию, наместником в которую он назначает своего старшего сына Константиана. В виду того, что Тифлис попрежнему оставался в руках арабских эмиров, Константин избрал местом своего пребывания традиционную резиденцию абхазских наместников в Карталинии—город Уплис-цихе.

Следующий 924 год ознаменовался новым расширением владений Абхазии. Узнав о смерти полувассального кахетинского владетеля Кварама I, Георгий, собрав войска, двинулся в Кахетию, которая почти без всякого сопротивления сдалась грозным войскам Абхазии. В ближайшее же время к Абхазии был присоединен ряд кахетинских областей, живших полусамостоятельной жизнью, как то: Герети, Саингило (местность, населенная инглойцами, в современном Закатальском округе).

995 год в истории Абхазии ознаменовался значительными победами Георгия и его войск над таоскими васпураканскими владетелями. Следствием этих побед было присоединение к Абхазии всей Тао (область, лежащая на верхнем и среднем течении Чороха в современной Турции).

По словесным преданиям, лично нами слышанным в Лдзаа от одного сельчанина, владения Георгия на севере простира-

лись до Керченского пролива. По этому же преданию им на месте какого-то старинного города была построена крепость. Так как это было самое отдаленное владение Георгия, словно в конце вытянутой руки, то он и назвал его Анапой (по абхазски: анапу анапы—рука). Ни одним из исторических источников это предание не подтверждается. Но если принять во внимание, что слово „анапа“ в других языках не встречается*), то нужно признать, что какая-то доля исторической правды, относящаяся к неизвестному нам времени в этом предании, имеется.

Царствование Георгия II, кроме убийства Баграта, омрачено его зверским поступком со своим сыном, карталинским наместником Константином. Предание рассказывает, что пользовавшийся любовью населения и подбиваемый своими друзьями, Константин задумал занять абхазский престол. Предоставим „Картлис-Цховреба“ рассказать об этом: „Константин, сын царя Георгия, желая воцариться в Абхазии, восстал против отца; он укрепился в Уплис-цихе вместе с тбетцами (с грузинского ოპლეს—тба—озеро, ციხე—местность, страна, а в общем озерная страна, озерная местность. Ныне деревня) и многими азнаурами (дворянами). Георгий, царь абхазский, привел большое войско, а также таосцев и кахетинцев, и осадил Уплис-цихе. Между сыном и отцом происходило отчаянное состязание: дрались конные и пешие, проходили дни и месяца, а крепость не сдавалась. Тогда азнауры Сазверели, подкупленные Георгием, сказали своему повелителю Константину: „Выйдем из крепости незаметно и уедем в Абхазию, где мы тебя провозгласим царем, а отец твой останется вне Абхазии (здесь под словом „Абхазия“ подразумевается западная часть Закавказья,—современная Кутаисская губ). Он согласился. Ночью Константин по подземному ходу к реке, сел на заранее приготовленный плот, чтобы переправиться на другой берег Куры. Но как только он оттолкнул плот, раздались условные свистки. Константин причалил плот обратно к берегу и быстро скрылся тут же

*) В „Опыте объяснения кавказских географических названий“ уважаемый К. Э. Ган таким образом толкует слово: „Анаа от черкесского ‘ане—стол и ппе нос—мыс, назван города“. На наш взгляд черкесское ‘ане+ппе лишь „на бумаге“ похоже на „анапа“, а в произношении очень и очень далеко. Тогда как абхазское анапу—гораздо ближе.

на берегу в расщелине скалы. Утром его отыскали и привели к отцу, который приказал его кастрировать и затем выжечь ему глаза". Эти события разыгрались в 926 году.

В этой истории возмущения Константина против своего отца и расправы Георгия со своим сыном ярко проглядывает влияние развращенных нравов Византии на Абхазию. Вспомним Ирину, которая свергает своего сына — императора Константина VI Порфирородного и ослепляет его (в 797 году), и регента Александра, который пытается свергнуть и кастрировать своего племянника Константина VIII Багрянородного (в 913 году) и т. п. Константинопольский дворец много дел подобных историй и разнес свои нравы и обычаи по всему Востоку.

На освободившееся место наместника Карталинии Георгий назначает своего второго сына Леона.

В царствование Георгия строительство не прекращается. Им было построено несколько монастырей и церквей, из которых выделяется сохранившийся и доныне, хотя и с реставрациями, ставший потом известным всему Закавказью Дчкон-дидийский (с мингрельского ღუბა — дчкони — дуб и დიდი — диди — большой) монастырь в селении Мартвили в современной Кутаисской губ. Царевич Вахушт в своей истории рассказывает про церковь в Дчкон-дидийском монастыре, что она была основана Георгием, восьмым царем Абхазии, который обогатил ее всякими украшениями, утварью, необходимой для богослужения, поставил там епископа, а по кончине своей сам был положен в этом монастыре. „О Георгии, как о строителе Мартвильского храма, говорится и в других грузинских хрониках, например, в „Картлис Цховреба“ — списка Российской Академии Наук.

Архитектор, производивший постройку этого замечательного памятника зодчества X века, между орнаментами поместил большими красивыми буквами следующую надпись: „Христос помилуй архитектора Михаила Уплари“. Имена — Михаил Аплари да убогий (бедный) Георгий, архитектор Кумурдского храма, — единственные имена, сохраненные нам временем из всей плеяды первоклассных архитекторов эпохи Леонидов.

Мертвильский монастырь с каждым годом приобретал все большую и большую известность и впоследствии был одним из первых по своему политическому и общественному влиянию во всем западном Закавказье. Его епископы—дчкондидели—занимали первое место в Мингрелии по своему влиянию на политические и религиозные дела страны.

О влиянии, которое оказывала Абхазия времен Константина и Георгия II на политику Кавказа и соседних с ним стран, можно судить из трудов византийского императора Константина Порфирородного. Он пишет, что, когда „императоры Лев и Роман и наша императрица (Зоя мать автора) неоднократно старались овладеть городом Цетцеумом (Cetzeum) и ввести туда гарнизон с тем, чтобы Феодосиополь не снабжался оттуда провиантом, они обещали куроналату и его братьям передать им Феодосиополь, когда сами овладеют им“. Как, понятно, ни заманчиво было получить город, но они отказали. Они ответили императору Роману и императрице: „Если мы допустим это, то опозорим себя в глазах соседей, магистра и князя Абхазии, а также баспакенитов и правителей Армении“.

В 955 году, по смерти Георгия II, на престол вступил его сын, наместник Карталинии, Леон III.

Царствование Леона, продолжавшееся всего девять лет, на основании косвенных указаний, дошедших до нас, можно считать наивысшей точкой расцвета могущества Абхазского государства.

Современник Леона III, арабский писатель Массуди († 956 г.), о котором мы уже упоминали, говорит о большой караванной торговле мусульманских купцов из Сирии, Месопотамии и султаната Инокийского с восточным и северным побережьем Черного моря. Подтверждение этому мы находим в „Книге путей и царств“ Абу-Исхаака Ибрагим-ибн-Мухамет-Фарисая-аль-Истрахия, известного под именем аль-Керхия.

Аналогичные сообщения находим у летописцев и историков Византии, Армении, Грузии, Персии и других стран.

Как и при его отце, при Леоне III, Абхазия переживала и религиозный расцвет. В «Картлис-Цховреба»—списка Рос-

сийской Академии Наук. имеется приписка: «Сей Леон Великий, царь абхазцев и грузин, строитель величественной Моквинской церкви, есть сын великого царя Георгия Багратида, строителя Дчкондидской церкви».

Хотя эта приписка и сделана в цитируемом нами экземпляре „Картлис-Цховреба“ в довольно поздние времена и по всей вероятности царевичем Теймуразом, но, очевидно, им эти данные были откуда-нибудь почерпнуты. Данных, говорящих против этих сведений, не имеется, а характер постройки Моквинского храма заставляет отнести постройку его к эпохе Леона III.

В его же царствование был сооружен один из первоклассных памятников христианского зодчества на Кавказе, который даже ныне, в развалинах стоящий, поражает своей величиной, красотой и чистотой отделки, величественностью своих многогранных колонн, сводов и арок. Это так называемый Кумурдский храм в сел. Кумурдо (у грузинского историка Д. Бакрадзе ჭუმურდო—Гумурдо) в 12 верстах на юго-запад от г. Ахалкалак, на правом берегу р. Куры.

На южной стене этого величественного храма в портике, под аркой, мы имеем длинную, хорошо сохранившуюся надпись:

„С помощью Божией, епископ Иоанн положил в первый раз основание сей церкви рукою грешника... царя Леона. Возвеличи Господи. В короникон 184 (964-год), в месяце мае, в день субботний, в.... (неразборчиво в „первый“ или „десятый“) лунный, в правление эристава Звиа (у Д. Бакрадзе—Звиад), сей камень здесь положен. Христе, помоги рабу твоему. Аминь“.

Из другой надписи на той же южной стене мы узнаем имя еще одного эристава—Ваче или Ване.

„Во имя Бога, я, епископ Иоанн, установил день пасхального полнолуния поминками эристава Ване (у Броссе—Ване, у археолога, исследователя Ахалкалакского уезда И. П. Ростомова—Ваче). Кто изменит, проклят сей иконой и нашим крестом“.

На подарочном камне, на котором вышеприведенная надпись о царе Леоне, на правой стороне имеется также надпись об архитекторе, строителе Кумурдского храма:

„Святая церковь работников и всех строителей твоих в тот день наказания сохрани и помилуй. Убогого (бедного) Георгия в молитве помяните“.

Броссе („Voyage archéologique“) последние два слова читаете как „Гельцви“. Грузиновед Е. Такайшвили устанавливает неправильность чтения у Броссе.

Кроме упомянутых лиц в надписях храма упоминаются епископы Гавриил, Ефрем, Зосим, царица Мария, „во второй раз“ строителя (реставратора) Джигка, господина Элисбала, каменщика Михаила, Марита, Христина, „ад ам (Адам?)“, „Ао“.

Кумурдский храм служил резиденцией кумурдских епископов, возглавлявшими духовенство Джавахетии и являвшихся одними из важных духовных сановников феодальной Грузии. Кумурдский епископ считался третьим по месту почетным иерархом после католикоса в грузинской церкви.

Кумурдский храм описан целым рядом исследователей: Броссе, Бакрадзе, Дюбуа-де-Монпере, Ростомовым и т. д., а также заносились на план его развалины. Храм оставляет большое впечатление. Вот что пишет один из последних исследователей его — И. П. Ростомов в своем труде: «Ахалкалакский уезд в археологическом отношении («Сборники материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. XXV)»:

«Общий вид храма весьма красивый. Особенно сильное впечатление производит на посетителя величественный вид его многогранных колонн и сводов. Собор достоин того, чтобы духовенство наше позаботилось о реставрации сего дивного памятника зодчества Грузии».

В другом месте он же пишет:

„Строился храм, как это ясно из надписей, в два разных столетия, самая главная часть собора, а именно: алтарь и пять других, чисто античных сводов с необыкновенно обшир-

ным куполом (в народе до сих пор сохранилось предание, что утренняя тень от этого купола падала на Куру, а она течет от собора не ближе 3—4 верст), покоящемуся на шести-осьмигранных колоннах,—построена в 964 году“...

М. Броссе в своем „Atlas du voyage archéologique dans la Transcaucasie exécuté en 1847—1848, sous les auspices du prince Vorontzof lieutenant du Caucase“ на planche XIV помещает план и фасад Кумурдского храма (Eglise de Coumourdo).

Эти развалины Моквы и Кумурдо, величественные и оригинальные, являющиеся гордостью кавказской архитектуры, построенные во время царствования Леона III на разных концах тогдашней Абхазии, не единственные свидетели расцвета христианства в государстве. Летописец передает, что от Кодора до Цхенис-цхали, т.-е. в южной части современной Абхазии насчитывалось 12 епископских и архиепископских кафедр.

„Картлис-Цховреба“ сообщает о смерти Леона III в короникон 177-ой, т.-е. в 975 году. Но М. Брюссе, Е. Такайшвили и др. на основании сохранившейся даты на Кумурдском храме, хронологию „Картлис-Цховреба“ исправляют в том смысле, что Леон III жил еще в 964 году (короникон 184-ый). Погребен Леон III в построенном им Моквинском храме.

По его смерти на абхазский престол вступил его брат Деметре (Димитрий). От времен царствования Деметре до нашего времени не дошло памятников зодчества и сохранилось довольно мало записей. Повидимому, это было тусклое и бесцветное царствование. Повидимому, это была эпоха, когда величие Абхазии начало падать.

Его царствование ознаменовалось внутренними смутами. Его младший брат Тевдосе (Феодосий) возмутился и восстал против него, но был разбит и со своими сторонниками заперся в крепости Дзали. Дмитрий осадил эту крепость, взял ее, пленил Тевдосе, ослепил его и заключил в темницу.

Барварский и зверский поступок Димитрия вызвал возмущение против него со стороны всего населения. Этим взрывом народного негодования Дмитрий был свергнут и убит в 979 году.

Сын Дмитрия по слабым умственным способностям не мог занимать престола, на который, вследствие этого, был возведен освобожденный из темницы ослепленный Феодосий. Летописи присвоили ему кличку Слепого.

Феодосий II Слепой оказался мелким злобным тираном, вошедшим даже в поговорку среди населения.

Во время этого ряда восстаний, переворотов и государственных потрясений правители и наместники отдельных областей и, главным образом, окраин, как-то Тао, Кларджет, Кахетия, Карталиния и т. д. окрепли и усилились. Некоторые же из них усилились до того, что фактически отделились от государства, что мы можем заключить по целому ряду косвенных указаний. Среди усилившихся и ставших фактически самостоятельными и независимыми правителями выделялся наместник Таоской области куропалат Давид, впоследствии окрещенный Великим, и наместник Карталинии Иоанн Марушидзе.

Давид Великий и Иоанн Марушидзе возмутились дикой тиранией Феодосия Второго. После ряда их удачных выступлений Феодосий был свергнут ими, а на престол куропалат Давид возвел своего пасынка Баграта III. Баграт III был сыном карталинского правителя Гургена и Гурандухты — сестры Феодосия II Слепого, т.-е. по женской линии происходил из династии Леонидов. Эти события разыгрались в 980 году.

Но карталинские дворяне не захотели примириться с совершившимся и в союзе с кахетинцами напали на Уплис-цixe. Напавшие быстро взяли крепость, захватили и увели в плен юного Баграта и его мать Гурандухту. Вотчим Баграта куропалат Давид двинулся со своими войсками в Кахетию для освобождения жены и пасынка. Но когда Давид подошел к границам Триалетии, выпустили из плена Гурандухту с Багратом, а сами оставили Карталинию. Гурандухта вернулась в Уплис-цixe и вновь стала управлять государством, как регент своего еще юного сына Баграта.

Обычно, как мы уже упоминали, эти события, т.-е. свержение Феодосия II Слепого и вступления на престол Баграта III, относятся к 980 году. Но Баратовский список „Картлис-Цховреба“ дает этим событиям другую дату:

„В короникон 173 (т.-е. в 973 году обычного летоисчисления) куропалат Давид посадил царем Баграта, сына Гургена. Греческим царем был Константин, сын Романа, когда в Грузии сел царем Баграт II в год 978 (короникон 198)“...

Роман II Багрянородный был отравлен в 963 году и, хотя после его смерти официально и вступили на византийский престол его сыновья Василий II и Константин IX, но фактически и единодержавно Константин IX царствовал лишь с 1025 года. Так что упоминание об этих византийских императорах не вносит света в хронологию данного момента Багратовского списка „Картлис-Цховреба“.

Историки же Армении приводят еще новые даты. Упомянувшийся нами Мхитар, вартaped Айриванский в своих „Хронологических таблицах“ вот какую картину событий относит к 430 году армянской эры (981 год от Р. X.):

„Начало царствования Багратуни в Грузии. В одно время царствовали Гурген в Грузии, а Сембат, брат его, в Армении“...

„Багратуни“—это армянизированная форма слова Багратиды. Упомянутый в этой выписке Сембат является Сембатом II, царствовавшим в Ани с 977 по 989 год.

Хотя Баграт III по женской линии и происходил из династии Леонидов и хотя он вначале своего царствования именовался только абхазским, а лишь потом абхазо-карталинским царем, но все же, по нашему мнению, с момента свержения Тевдосе II Слепого на престоле Абхазии и подчиненных ей стран вступает новая, не национальная, чуждая ей династия, которая известна в истории под династией Багратидов. И вместе с этим первая абхазская династия,—династия Леонидов, выросшая в стране, связанная с ней борьбой с игом Византийской империи, связанная с абхазцами—созданием независимости, могущества, крепости и расцвета государства и являвшаяся, по всем данным и вероятности, по происхождению абхазской, прекращается, как царствующий дом.

Воцарение Баграта III на абхазском престоле не означало только смену одного лица другим. Оно несло смену ди-

настий и даже больше этого: с момента воцарения Баграта начинается царствование в Абхазии чуждой стране и ее интересам династии грузинских Багратидов. из рода которых по своему отцу Гургену происходил Баграт.

Сейчас для нас совершенно темен вопрос о судьбе оставшихся после переворота представителей дома Леонидов. Вполне возможно, что от них произошли фамилии Ачба (Анчабадзе) или Чачба (Шервашидзе), а возможно, что и те и другие происходят от разных линий Леонидов. Но это положение мы можем высказать исключительно в виде возможного предположения, ни на минуту не настаивая на нем.

В 985 году по смерти своего отца Гургена Баграт III вступил на престол Карталинии под именем Баграта II го. С этого момента вплоть до XIII века, т.-е. до „золотого века Грузии“ Багратиды именуют себя „царями абхазов и картлов“, „царями абхазов и грузин“, „царями абхазов, картлов, ранцев и кахетинцев“ и т. д. Для примера приведем надписи на монетах, в „Картлис-Цховреба“ и др. В „Картлис-Цховреба“ списка Российской Академии Наук говорится: „Сей великий и наиболее прославленный царь абхазов и грузин Багратид Баграт построил Бедиа и обратил ее в кафедру епископа, а также Кутаисский собор. сей великий царь с большим торжеством освятил, как свидетельствует книга сия“.

Падение Леонидов и воцарение Багратидов сразу же сказалось на проникновении византийского влияния на Кавказ: Уже тайохский Давид Великий носит титул „куропалат“. И все последующие представители этой династии носят византийские титулы: „нобилиссимос“, „севастос“, „кесарь“. Уже невестка Баграта, жена его сына Мария едет в Константинополь к царствовавшему тогда императору Роману выхлопачивать титул куропалата для своего сына Баграта IV. Уже этим показывается, как диаметрально противоположна была политика этих династий.

К 991 году грузинские хроники относят интересное сведение о первом нашествии русских на Абхазию. Это, по всем данным, было нашествие одного из южно-русских князей и, вероятней всего, тьму-тараканских. Но возможно, что

это „гуляла вольница“. Причин нашествия летописцы нам не сохранили.

Уже в 994 году Баграт соединяет все свои владения в одно и переносит свою столицу из Западной Грузии в Восточную, а именно в Уплис-цихе, что имеет большое влияние на последующую судьбу Абхазии. С этого времени первенствующая роль Абхазии в западной половине Кавказа начинает падать и скоро прекращается совсем, на что оказывает влияние и перемещение мировых торговых центров и изменение торговых путей. И в результате новых экономических и политических положений, Абхазия, из государства объединившего весь западный Кавказ и владычествовавшего над ним, из государства, ставшего на пути разлагающегося византийства, с одной стороны, и шедшего с огнем и мечем исламизма, с другой, и не захваченного ни тем ни другим, путем дворцовых интриг обращается в обыкновенную отдаленную и заброшенную провинцию вечно снедаемого раздорами Грузинского царства. Вместо даровитой и высококультурной, по той эпохе, династии, она начинает возглавляться наместниками (эриставами) Грузии, вообще, а в особенности в отдаленной Абхазии, всегда являвшимися скорей своевольными феодальными князьями, чем чиновниками, подчиненными центральному правительству.

Чтобы судить о том расцвете, который приобрел Западный Кавказ в эти времена, и о мировой торговле, которую он вел в этот период, нам кажется достаточным сказать об открытом в 1878 году на Лойденовом поле, в Олонецкой губернии, свиньями пивоваренного завода, кладе серебряной монеты до 11 фунтов весом, в числе коих были монеты Давида куропалата, т.-е. X века, века большей частью которого в Западном Кавказе господами положения являлись абхазцы и который ими же был подготовлен.

Монеты той же эпохи были найдены и в кладе, открытом в 1859 году в городе Швань, в Мекленбург-Шверине, современной Германии. Об этом же говорят находки и в самом Сухуме, собранные экспедициями Московского Археологического Общества в 1891, 1892 и 1893 годах и находки разных лиц и исследователей. Среди вещей, собранных археологическими комиссиями, масса византийских и крымских

(Херсониса Таврического) монет, относящихся по словам отчета „преимущественно к VI—XI в. *).

Заметим, что великолепное зодчество, характеризующее Абхазию времен Леонидов, уже при первых Багратидах сходит почти на нет и мы в Западном Кавказе в течении 2—3 веков, следовавших за последними Леонидами и первыми Багратидами, не видим таких образцов архитектуры, как Пичундский, Лыхненский, Моквинский, Кумурдский, Чкондидский (Мартвильский), Эхвевский и т. д. храмы. Это лишнее раз подтверждает высказанное нами мнение.

След, оставленный владычеством Абхазии в жизни Западного Кавказа, сохраняется в течении нескольких веков и на несколько веков переживает фактическое исчезновение Абхазии с ее золотой эпохой.

Не только грузинские хроники и византийские летописцы, не только памятники зодчества Грузии, но даже официальный грузинский язык в течении долгого времени, когда Абхазия фактически была уже отдаленной и незначительной провинцией Грузии, продолжают называть Грузинских владетелей абхазскими: „царь абхазов и куропатат“, „царь абхазов и нобилисимос“, „царь абхазов и картлов и севастос“, „царь абхазов и картлов и кесарь“, „царь абхазов, картлов и ранцев“ и т. д. Аналогичные надписи мы встречаем и на монетах, и в гуджарах, сигелах и других официальных актах, и в надписях на храмах и всюду, где употреблялся титул царей.

Сохраняется след и в государственной и экономической жизни. Основанные и построенные Леонидами города, крепости, монастыри и церкви мы видим не только сохранившимися до нас, но и ныне процветающими, как то: Кутаис, Хони, Мартвили и др. Католикосы Западной Грузии до конца существования их института носят название „абхазских“, и

*) К сожалению, древности и находки Абхазии самым безжалостным образом вывозятся из страны в разные места: за границу, Москву, Петроград, Тифлис и т. д. Вследствие этого занимающемуся историей Абхазии весьма трудно рисовать картины разных эпох интересующей нас страны. Это, без сомнения, будет изжито только тогда, когда в Сухуме будет организован музей, куда будут поступать все древности и в котором они будут сохраняться и изучаться.

„абхазо-имеретинских“. Эти явления мы можем наблюдать почти во всех областях жизни и даже быта.

Таково положение происходит, как мы объяснили выше, от громадного культурного влияния распространенного, и распространенного на значительную территорию, Абхазией золотого века. Отчасти это происходит и от того, что переход власти от абхазской над Грузией на грузинскую над Абхазией совершился не вследствие тех или иных экономических причин и соотношений, каковой процесс, как мы указали, начался позже и углубил положение, а вследствие замены одного лица другим, т.-е. благодаря дворцовому перевороту.

Эти явления объясняются тем, что благодаря торговым путям, пролежавшим с Запада на Восток, абхазское население было наиболее сильным в материальном и культурном отношении в Закавказьи. И исключительно благодаря громадной духовной мощи абхазцев той эпохи, как народа-нации, и громадных духовных и материальных сил, таившихся в них в те времена с одной стороны и с другой, культурным, в особенности по той эпохе, владычеством абхазцев и, наконец, западнической складкой жизни, которую они, восприняв в своих сношениях с Римом, Византией, Херсонисом, Боспором Киммерийским и т. д., несли на Восток. Как мы уже упоминали, Леониды, вместо грабежа, пожаров и разорения в завоеванных ими странах, как это было правилом и законом той эпохи, наоборот, укрепляли, охраняли и обстраивали занятые ими районы и области.

В этом культурном владычестве и в объединении разбитого до того на клочки Западного Закавказья, чем подготовилась лучшая его эпоха („золотой век“) — громадная неоценимая заслуга Абхазии времен Леонидов. Не говоря уже о других, эти две заслуги создавшие целую и притом лучшую из эпох в жизни всего Закавказья и отразившиеся на истории народов всего Ближнего Востока, заставляют всякого беспристрастного исследователя относиться с должным вниманием к династии Леонидов и Абхазии их времен.

Рассматривая золотой век Абхазии, исследователь натывается на один вопрос, еще, к сожалению, совершенно не

затронутый ни в общей, ни в специальной литературе, — вопрос о письменности: могло ли существовать в течение нескольких веков большое, могущественное государство, распространявшее свое влияние и господство на Западное Закавказье, не имея своей письменности. И если оно не имело, то чьей оно пользовалось — греческой, грузинской и т. д.

Мы знаем, что в эту эпоху в Закавказье велась разного рода государственная переписка, составлялись всевозможные грамоты и т. п. На каком же языке они велись в Абхазии и завоеванных ею странах? Каким алфавитом пользовалась абхазская государственность?

Вопрос, как мы уже заметили, не только не освещен, но даже и не поднят в литературе и мы можем только высказать некоторые свои предположения и догадки.

По всем данным, вплоть до оформления Абхазии, как совершенно независимого государства, этот край пользовался греческой письменностью (алфавитом и языком). Это находит подтверждение в легендах „колхидок“, в надписях на храмах и в современном Новом Афоне и др.

Но затем, мы беремся высказать смелое предположение, судя по некоторым данным, так называемый „грузинский военный“ алфавит являлся государственным алфавитом Абхазии и уже потом, будучи использован Грузией, стал ее национальным достоянием, иначе смешно было бы грузинским летописцам в IX веке расхваливать этот алфавит. Только этим и можно объяснить ту „архаичность“ грузинского языка этого периода.

Вполне возможно, что в промежутке между греческим и „грузинским военным“ письмом, абхазская государственность и абхазцы пользовались общекавказским христианским алфавитом.

Возможно и то, что работы археологов в Абхазии и современной Западной Грузии откроют нам надписи на особом абхазском алфавите или на алфавитах, только что перечисленных. Ведь имеем же мы в Закавказьи достоверно существовавший народ (агован, кавказских албан), от которого мы

в наследство не получили ни одной записи, хотя известно, что у них была письменность *).

Во всяком случае, сейчас, когда только впервые в печати ставится этот вопрос, мы не можем на него ясно и определенно ответить и в достаточной степени осветить его.

Перейдем теперь к жизни Абхазии после переворота, посадившего на престол Баграта III, т.-е. к периоду грузинского управления.

Жизнь Абхазии под владычеством грузинских Багратидов не дает ярких событий. Это явление мы не можем отнести за счет отдаленности этого периода от нас и не можем предположить, что это произошло по вине времени не сохранившего до нас записей современников. Хотя дошедшие до нас записи об этом периоде почти исключительно из грузинских хроник, но уже из них мы видим, что Абхазия после переворота, посадившего на престол Баграта III, вела жизнь малой, отдаленной и заброшенной провинции. И даже блестящий век Западного Закавказья, — эпоха царствований в Грузии Давида II Возобновителя (1084—1125), Георгия III († 1184), его известной дочери Тамары (1184—1212) и ее сына Георгия IV Лаша (Красивый), — переживались Абхазией обычно слабо и неярко, возможно, что вследствие большой отдаленности от центра событий и отсутствия крепких связей и отношений между Абхазией и Грузией.

Историки и летописцы сохранили нам массу сведений, по которым мы можем восстановить жизнь Абхазии в эту эпоху. По дошедшим до нас записям воскресает зарождение и развитие феодального строя в Абхазии.

Впервые мы начинаем встречать абхазские княжеские фамилии. Абхазские, как и другие грузинские, эриставы и князья не только нападают друг на друга, на подчиненных себе князей и дворян, но и самостоятельно ведут войны с иноземцами, двигаются со своими войсками на свою метрополию и своих государей, осаждают их крепости, берут их

*) Только недавно было открыто 4 строчки аговованской надписи. Это делает более возможным наши предположения.

самих и членов царствующей фамилии (Багратидов) в плен, убивают их и т. д.

Мы имеем основание предполагать, что в этот период сложились и оформились те классовые отношения в Абхазии, которые мы застаем еще в XVIII и XIX веках, может быть в несколько измененном виде.

Описывая этот период, мы должны коснуться абхазской княжеской фамилии Шервашидзе, по абхазски—Чачба, по мингрельски—Шиарасия или Шараиси.

Первые сведения, дошедшие до нас об роде, относятся именно к периоду грузинского управления, который, как мы упомянули является периодом формирования абхазского феодализма.

О появлении этого рода имеется много версий. По одной из них, грузинский царь Давид Возобновитель дал Абхазию в удел роду Шервашидзе.

Вариант этой версии: Давид Возобновитель в 1124 году поставил в Абхазии эриставом Шервашидзе. До него же эриставами были князья из рода Анчабадзе (по абхазски—Ачба).

По другим же источникам в царствование царицы Тамары князь Датаго Шервашидзе (первый исторически известный Шервашидзе) был назначен в Абхазию потомственным эриставом.

О происхождении рода князей Шервашидзе имеется тоже несколько версий. По словам наиболее распространенной версии, родоначальником их является один из потомков Ширван-Шаха, по словам другой—родоначальником их является Давид Возобновитель. Некоторые выводят Шервашидзе из Джигии (Джигетии) из рода Гечь (Чечь), откуда и производят фамилию „Чачба“. По легенде они являются потомками освободившегося Прометея.

Учитывая последние две версии, мы стоим за безусловное абхазское происхождение рода Шервашидзе, что подтверждается и другими основаниями. Мы сомневаемся, чтобы чужой иноземный род, как показывает вся история Абхазии,

мог бы удержаться и главенствовать в стране. Абхазская фамилия этого рода—Чачба—есть ничто иное, как обабхазированная форма той джигской фамилии, откуда произошел род—Чечь: Ч^е_ачь и „ба“—обычное окончание абхазских фамилий.

Грузинскую форму фамилий этого рода—„Шервашидзе“, мы объясняем с одной стороны всегдашней готовностью господствующих классов несамостоятельной страны перенять обычаи, обряды, одежду, форму фамилий, имена и т. п., страны, от которой находятся в зависимости.

С другой стороны не исключена возможность и вполне вероятно, что соседние абхазцам грузинские племена (мингрельцы, гурийцы, имеретины, аджарцы, сваны и т. д.), а возможно и более отдаленные, испытывая на себе всю тяжесть набегов абхазских племен, окрестили правителей Абхазии за личные заслуги или за национальные качества народа, во главе которого стоял этот род. Мы слово Шервашидзе разбираем так: შერვა—шара—путь, შიშა—ваша—доблесть, ი—и—суффикс и дзе—обычное окончание грузинских фамилий. В общем же смысл: Шервашидзе = „сыновья (род, фамилия) с пути доблести (храбрости)“, т.-е. „сыновья доблести“, „доблестный род“, „храбрая фамилия“ и т. п.

Из духовного завещания Давида Возобновителя своим наследникам мы узнаем границы грузинского царства на интересующем нас Черноморском побережье. В завещании по этому поводу буквально сказано: „...а на царство наследное призывается он (наследник Давида Возобновителя—Дмитрий) и на вновь приобретенное трудами моими и вашими от Никопсии до моря Дербентского (Каспийского) и от Осетии до Соера (Сирии) и Аргаца“.

Эта запись в свете новейших научных исследований является апокрифической и представляет лишь тот интерес, что по ней мы узнаем мнение более поздних поколений о политическом положении в конце XI и начале XII веков на побережье Черного моря, а возможно и просто записание задним числом существующего положения.

К этой же эпохи относится и запись в русских летописях, которая ими датируется 1153 годом.

Великий князь Изяслав II Мстиславович, овдовев в 1151 году, по словам летописи, узнав, что у обезского князя есть красивая и добрая дочь, послал по Черному морю свое посольство „в Обезы“, т.-е. землю обезов—Абхазию, для сватовства дочери обезского князя себе в жены. Посольство Изяслава увенчалось успехом: обезская княжна прибыла в стольный град Киев, где и состоялась свадьба.

Об этом событии Карамзин в своей „Истории государства Российского“ сообщает, что „невеста его (Изяслава) была княжна абазинская, без сомнения, христианка, ибо в ее отечестве и в соседних землях кавказских находились издавна храмы истинного бога, коих следы и развалины доныне там видимы.

Мстислав, отправленный отцом, встретил сию княжну у порогов днепровских и с великой честью привез ее в Киев“.

В то время русские и русские летописцы хорошо знали Иверию (или Иберию), как они называли Грузинское царство, и еще лучше знали обезов, земли которых лежали чуть ли не по соседству с Тьмутараканским княжеством и находились на берегу Черного моря, которое русские с торговыми и военными целями бороздили начиная с VII века. Это заставляет нас склоняться к мысли, что дочь обезского князя русской летописи была и в действительности дочерью абхазского князя, в то время эриставов, а не дочерью грузинских царей. К этому убеждению нас приводит и то обстоятельство, что мы не встречаем в грузинских хрониках ни одного слова, ни одного намека ни о прибытии русского посольства, ни о сватовстве Изяслава.

Так как нельзя с точностью установить время, когда звание абхазских эриставов перешло из рода Анчба (Анчабадзе) в род Чачба (Шервашидзе), то нельзя определенно сказать из какой именно фамилии она происходила.

К более позднему времени — эпохе царицы Тамары — относится другое свидетельство о связи абхазцев с русскими. В грузинских летописях имеется известие, что во время первой попытки князя Георгия, сына Андрея Боголюбского и

мужа Тамары, вернуть утраченный им грузинский престол, одно из видных мест в его войске занимали абхазцы, прибывшие к Георгию в Самцхе в большом числе.

Из русских же летописей мы узнаем, что сын великого русского князя, так называемого святого Владимира—Мстислав, княживший в Тьмутаракани (нынешний Таманский полуостров) часто воевал с обезами, т. е. абхазцами, и их соседями ясами (осетинами), косогами (черкесами) и другими западно-кавказскими народами, которых он иногда побеждал и заставлял платить себе дань.

Эти факты интересны тем, что они показывают нам круг и широту сношений Абхазии еще в XII в. Но этот период — период вассальной зависимости Грузии, — Абхазия не только не шла дальше по тому пути культурного развития, экономического благосостояния и политического господства, основание которым было положение в эпоху старшей линии Леонидов и которое окрепло при младшей линии, но остановилось и даже дичала. В этот период мы не встречаем широко развитого товарообмена и всего вытекающего из этого положения. Строительство вообще, и в частности церковное, так грандиозно расцветшее, в эту эпоху почти совершенно прекращается. Во всяком случае, кроме небольших храмов, в районе современной нам дороги Мерхеулы — Цебельда, относимых к XI и XII векам, до нашего времени не дошло ни одной постройки. В хрониках также не сохранилось ни одного сообщения об возведении в Абхазии или абхазскими эриставами и католикосами школ, монастырей, больниц, дворцов и др. построек.

Нашествия на Грузию Чингис-хана или Темучина (1170—1227), во время которых были основательно разорены все главные составные части „короны Багратидов“, имели для Абхазии значительные последствия. Центральные области Грузии разорены и истощены и, вполне понятно, окраины ее, в том числе и Абхазия, начали стремиться к отделению. К этому толкало, понятно, не стремления воскресить былую славу, а чисто-экономическое побуждение: окраинам было не выгодно и не хотелось поддерживать своими соками разоренную, обнищавшую и, к тому же ослабленную метрополию, ко-

торая им ничего не могла дать. Грузинские хроники помещают под 1239 годом первую попытку абхазских эриставов Шервашидзе провозгласить себя князьями, а Абхазию независимым государством.

Но на наш взгляд, остановиться на этой дате как бесспорной, ни в коем случае нельзя. Мы и в значительно более позднюю эпоху натываемся на сообщения в хрониках, говорящих нам о политической зависимости Абхазии Грузинскому царству. Но на ряду с этим мы встречаемся и с записями, определенно говорящих нам об абхазо-грузинских войнах. Мы также знаем популярную в грузинских хрониках запись об „окончательном“ распадении Грузии в XV в. на самостоятельные три царства: Кахетию, Карталинию и Имеретию, и пять княжеств, в числе коих неизменно упоминается и Абхазия.

Учитывая это, мы берем на себя смелость назвать этот период—периодом борьбы Абхазии с Грузией за свою независимость. Раздираемая междоусобицами, разоряемая нашествиями соседей (поход Джемал Эддина Хоросанского, почти столетнее монгольское иго, 6 вторжений Тамерлана, нашествие Джахан-хана тавризского и др.), Грузия, понятно, не смогла удержать в составе своих владений Абхазию и она стала самостоятельной.

Эта эпоха—эпоха борьбы за самостоятельность, как и последующие, являются эпохой одичания Абхазии. Все сохранившиеся хроники говорят исключительно о войнах, походах, набегах, нашествиях то абхазцев на своих соседей, то последних на те или другие части Абхазии. Мы кратко обрисовываем жизнь Абхазии этого периода.

Все дошедшие до нас хроники рисуют нам Абхазию небольшим княжеством с феодальным строем, теснимое со всех сторон своими соседями. Записи то и дело говорят нам то о набегах мингрельцев, то имеретин, то северо-кавказских горцев, то о нашествиях генуэзцев, турок и т. д. Затем начинается „ответный визит“—нашествие или набег абхазцев и так без конца. Вечно тревожимое, вечно разграбляемое, вечно воинствующее население Абхазии, вполне понятно, теряло свои культурные навыки и ценности и дичало.

Во внутренней своей жизни Абхазия представляла чисто феодальное княжество с некоторыми местными особенностями. Одной из главных особенностей феодальной системы Абхазии было то, что весь феодальный институт страны старался и направлял свои усилия к тому, чтобы ни один из княжеских родов, в том числе и владетельный не был сильнее и могущественнее других. Таким образом, Абхазия фактически представляла из себя ряд самостоятельных областей, главы которых не признавали никакой власти.

Эти области, в свою очередь делились на более мелкие самостоятельные владения. Это были уже внутриродовые деления, а также владения дворянских фамилий.

Все эти феодалы по своему желанию могли из подвластных им крестьян составлять отряды войск-дружины, ополчения. Если же феодал принадлежал к княжескому роду, то участь крестьян в отношении „воинской повинности“ разделяли и покровительствуемые им дворянские роды, а равно и крестьяне их.

Имея в руках вооруженную силу, феодалы вели между собою бесконечные войны. Предлогом к началу военных действий служили обычно кровные обиды, личные оскорбления, желание присоединить к своим владениям поместья ближнего или дальнего соседа и т. п. Зачастую же набеги друг на друга совершались и без всяких причин, исключительно из озорства, желания пограбить или показать свою удаль.

Бесконечные нашествия соседей на Абхазию и вечные войны феодалов между собой сильно истощали край и совершенно разоряли крестьянство. Чтобы понять до какой степени истощения и нищеты доходило крестьянство, нужно вспомнить, что все эти войны велись по характерному для Закавказья способу.

Во время нашествий неприятель старался вырезать поголовно все застигнутое им население, истребить все виноградники и поля, сжечь постройки, а также загнать весь захваченный им скот, или, в крайнем случае, убить, или, что еще хуже, искалечить его так, что бы им нельзя было пользоваться. Этому старались подражать и князья во время междоусобных войн и набегов.

Крестьянство, чтобы защитить себя и свое хозяйство во время междоусобных княжеских войн, выдвинуло организацию, известную в последствии под именем „Кераз“. Задача Кераза была проста: когда „паны дрались“, чтобы у „хлопов чубы не болели“. Впоследствии Кераз старался защитить и крепостных от произвола и своеволия князей и дворян.

Крестьяне, будучи доведены до крайности, неоднократно восставали.

Междоусобные войны и восстания иногда достигали больших размеров, затягивали в борьбу всю страну. Феодалам часто приходилось туго и отдельные лица должны были бежать из пределов страны (например, Шервашидзе Давид, сын Хатуния, вынужден был бежать из Абхазии в Имеретию).

Во весь этот период в Абхазии общественной жизни, как мы ее понимаем, не было. Характерно, что за все это время, почти пять столетий, т.-е. с начала XIII века по середину XVIII века, страна не выдвинула ни одной замечательной личности, ни на престоле, ни в администрации, ни в науке, ни в искусстве. Во всяком случае, ни в хрониках, ни в преданиях, о них ничего не говорится.

Сектантство и ереси с их бесконечными спорами и толкованиями столь излюбленные на Востоке вообще, а среди христиан в особенности, и те не проникали в Абхазию и не волновали население.

Не находим мы записей и преданий и о школьном деле. Целый ряд христианских миссионеров, посетивших Абхазию, совершенно не упоминают ни о школах, ни о учителях, ни об учениках. Невольно напрашивается вывод, что их и не было, а население было сплошь неграмотно. По косвенным указаниям можно сказать, что даже члены владетельного рода Шервашидзе являлись полуграмотными людьми.

Вообще не редким положением является обеднение и культурное падение населений целых областей. Поэтому, вполне естественно, что при таком политическом внешнем и внутреннем положении Абхазии, ее население с каждым годом беднело, теряло веками накопленные культурные ценности и навыки и дичало.

В политическом отношении эту эпоху жизни Абхазии можно разбить на два периода: генуэзской колонизации и турецкого влияния и владычества.

Генуэзская колонизация.

В хронологии событий мы не имеем указаний на год появления генуэзцев (или венецианцев) в Абхазии и на год основания первых колоний. Судя по разным данным, генуэзцы были хорошо знакомы с Абхазией и ее портами еще в XIII веке. Уже на карте Петра Висконти, изданной в начале XIV века, мы находим вполне точные и, видимо, проверенные названия во всей стране.

По всей вероятности Западная Европа, а в частности и генуэзцы, хорошо ознакомились с абхазским побережьем в период возникновения Каффы (современная Феодосия в Крыму), которая была основана во времена Латинской империи (1204—1261). Но возможно, что это произошло и ранее.

Известно, что еще Византийский император Мануил заключил с Генуей в 1170 году договор, по которому генуэзцам предоставлялось право свободной торговли во всех портах Черного моря, за исключением Керченского и Таманского, принадлежавших половцам.

Генуэзские колонии, а вместе с ними и влияние распространялось не только на побережье. Крепость Santa Angelo, близ современной нам Сатанча (искаженное Santa Angelo) в Самурзакани, сохранившиеся и до сих пор шахты в ущелье реки Гума-иста, начатые генуэзцами для разработки свинцовых и свинцово-серебряных руд и т. д. показывают, что они проникали и в глубь страны.

Нахождение генуэзского городища в Карачае убеждает нас в том, что генуэзцы переваливали за Кавказский хребет, т.-е. возможно, что проникали даже в самые глухие уголки Абхазии. Это подтверждают и дошедшие до нашего времени многочисленные итальянские названия местностей,

вроде: Аката, Мексигорта, Хацы-Лата, Сатанча, Отара, Калдахвара, Васса, Илори, Акуа, Ола-Гуана и т. д.

О числе их колоний и величине их судить определенно нельзя, пока не исследованы оставшиеся после Генуэзской республики и банка св. Георгия документы со специальной задачей изучения Абхазии. Из имеющихся материалов можно установить существование следующих колоний.

На севере, в районе современных нам местечек Сочи и Хоста—существовала, часто посещаемая генуэзскими купцами, колония Коста (Costo *).

В устье современной реки Мзымты лежала колония Аб-кация или Абкоция. Из „Описания Черного моря и Татарии“, составленного Кафинским префектом Эмиллио Дартели, мы видим, что этот порт охотно посещался купцами из Константинополя, Татарий и других мест, которые, привозя сюда предметы домашнего обихода, вывозили отсюда рабов, мед с воском и другие товары, получая до 300 проц. прибыли.

На месте или в районе современных нам Гагр, находилась популярная колония Какари (Cacary).

Далее Пецонда — современный Пицундский монастырь. Еще при русском владычестве, до самой турецкой войны в монастыре находился генуэзский колокол с изображением богоматери, Вероники с убрусом и епископом в латинской митре и годом МСССС XXVIII, т.-е. 1429. Вполне возможно, что генуэзские колонисты пользовались для удовлетворения своих религиозных нужд Пицундским храмом.

В районе Гудаут находилась колония Каво-де-букс (Cavo de bux), т.-е. Пальмовая гавань.

На месте современного Нового Афона находилась колония Никофия (?) (Nisofia) на реке того же названия (flum de nisofia). От этой колонии хорошо сохранилась большая башня в углу между устьем реки Псырстхи и морем, в которой ныне находятся номера монастырской гостиницы.

*) За разночтениями названий мы отправляем читателей к специальной таблице в этой книге „Абхазия по итальянским картам XIV—XVII в.в.“

Сухум—генуэзский Савастополи —был большой генуэзской колонией, в которой позднее находилась резиденция префекторов, управляющих колониями восточного побережья Черного моря. По всей вероятности, Савастополи был первой генуэзской колонией не только на абхазском, но и на всем восточном побережье Черного моря.

В ущелье реки Гума-иста находилась колония, разрабатывающая упоминавшиеся нами свинцовые и свинцово-серебряные шахты. Число этих шахт насчитывается до 15-ти.

Близ Кодорского мыса (Gotto) находилась колония Сисаба, близ нынешнего селения Тамыш, в болотистой части Кандыхского леса, в местности ныне называемой Ола-гуана—портовой город—крепость Гуенос, на реке Тамуш—Тамаза (Tamasa), около селения Илори-Очемчиры—Коробендия, на реке Ингур (Negaromo)—Санта Анжело и Негапомо.

Были ли колонии помимо перечисленных или же все существовавшие вошли в этот список, повторяем, судить в данное время нельзя.

Управление генуэзскими колониями на Черном море, в том числе и абхазскими, сосредоточивалось у Каффинского префектора, подчиненного Газарии (Officium Gazariae)—комитету из 8 человек специально выделяемому для этой цели генуэзским правительством. Но назначение абхазских префектов ведала непосредственно Газария.

Особого расцвета генуэзские колонии достигли в конце XIV и в начале XV веков при падении могущества Византийской империи, почти вся торговля которой с Востоком сосредоточилась в руках генуэзских купцов. Но уже к середине XV века торговля с Востоком попала под угрозу со стороны турок. В 1453 году перед правительством Генуэзской республики ясно обрисовалась полная невозможность использовать свои колонии на Черноморском побережье, а Газарии управлять ими, вследствие того, что на пути Генуя—Черное море, вместо бессильной Византийской империи стала империя османов.

Вследствие целого ряда политических соображений, в конце 1453 года генуэзское правительство из'яло из ведения

Газарии черноморские колонии и передало их банку св. Георгия. В числе переданных колоний были и абхазские.

Уже со следующего года абхазским портам пришлось выдерживать натиски новой грозы Востока—турок. Так секретарь каффинского консула генуэзской республики в своем донесении от 7-го сентября 1456 года сообщает, что турецкий флот в составе 52 галер, после неудачной бомбардировки Монкастро (современный Аккерман), удалился на колонию Савастополи, а оттуда направился к Каффе.

Торговая и промышленная деятельности колоний замерли и колоний стали приходить в запустение. Лучшей иллюстрацией этого являются сохранившиеся документы того времени. Например,—когда в 1455 году правлением банка св. Георгия был назначен консулом (протектором) в Савастополи генуэзский патриций Филиппо Клаверенция, то ни Клаверенция, ни другие семь кандидатов не хотели воспользоваться своим назначением и отказались от него.

Назначенный же девятый кандидат—некто Герардо Пинелли, отправился в Савастополи и, не смотря на целый ряд препятствий из-за политического положения на Востоке, сумел добраться до колонии. Сохранилось интересное его донесение о положении дел в Савастополи.

Незадолго до его прибытия в Абхазию, город Савастополи был основательно разорен подошедшим к нему сильным турецким флотом из нескольких десятков судов. Разрушение Савастополи, по донесению Герардо Пинелли, dokonчили уже при нем—28 июня 1455 года—сами абхазцы, напавшие на город в большом числе.

Свое донесение банку св. Георгия Пинелли заканчивает тем, что он должен обратиться к правительству Генуэзской республики за помощью себе и спасшимся гражданам.

Но, видимо, город не был совсем брошен и, возможно, начал отстраиваться, так как уже в следующем—1456 году правление банка св. Георгия, избрав на должность протектора в Савастополи Оливьеро Кальви, отправило его туда.

К этому же году имеется запись в греческих хрониках о сильном разорении восточного побережья Черного моря

османами. Когда турецкий султан Магомет II Фатих двинулся со своей армией на Сербию и Белград, то, по словам хроник, он часть своей армии послал в Анатолию (Малую Азию) овладеть Трапезондом и побережьем. На помощь сухопутной армии был двинут флот в большом составе судов под начальством Хитира, амасийского паши, который „опустошил Грузию и соседнюю лежащую у морского берега страну“.

В высшей степени интересное известие имеется от 1459 года. Теснимый Магометом II Фатихом последний трапезондский император Давид (1458—1462) с отчаянием и унижением обращался к властителям западно-европейских держав, в том числе к папе Пию II и бургундскому герцогу, с просьбой о помощи последнему осколку некогда грозной Византии—Трапезундской империи.

В числе стран, к которым он обращался за помощью, была и Абхазия. Это видно из его письма от 22 апреля 1459 года к бургундскому герцогу Филиппу Доброму. В своем письме Давид трапезондский пишет, что против османов с ним в союзе обещал выступить и абхазский герцог Ребиа. По словам письма, Ребиа обещал ему поддержку армией в 30 тысяч человек.

Нам неизвестно время окончательного разрушения Савастополи, изгнания генуэзцев из абхазских колоний и начала эпохи турецкого владычества над побережьем Абхазии. Это случилось во всяком случае, значительно позже добровольной сдачи Давида трапезондского со своим имуществом и семейством в 1462 году.

Хроники и летописи также не дают нам сведений о размерах и характере разорения страны османами, но о величине его мы можем судить по последствиям. Например—от такого, большого, богатого и влиятельного города с двухтысячелетней жизнью, каким являлся Диоскурия-Севастополис не сохранилось ни одной постройки, но даже самое имя его исчезло. И одно время, в прошлом столетии, даже велся довольно горячий, научный спор: Сухум ли назывался Савастополисом? А вопрос о точном его местонахождении от времени до времени поднимается до сих пор и до сих пор, но взгляд некоторых, остается открытым.

Также, видимо, пострадали и другие города Абхазии. Если мы посмотрим на побережье этого края, то, за исключением двух-трех церковных построек, которых обычно турки не трогали, от до-турецкого периода почти ничего не сохранилось: одна генуэзская башня в Новом Афоне.

Эпоха турецкого влияния и господства.

Взятие и разорение Савастополиса и др. генуэзских колоний служит в истории страны вехою. С этого времени культурное западно-европейское влияние и обогащающие страну сообщения с генуэзцами окончательно исчезают. На смену генуэзскому влиянию приходит турецкое, которое быстро распространяется в начале по побережью, а потом и на весь Западный Край.

Но не смотря на падение генуэзского влияния, разорение их колоний и вассальное подчинение всего края Турции, генуэзцы и итальянцы еще долго—весь XV и XVI и даже XVII век—посещают страну с торговыми, миссионерскими и другими целями. Этим путешественникам,—Христофор Кастанели, Арканджело Ламперти, Иоанну Луккскому Георгию Интерлано и др.,—мы обязаны многими ценными и интересными сведениями об Абхазии и абхазцах.

Чтобы укрепить и утвердить свое влияние на побережье, а также создать опорные пункты для распространения и углубления своего господства, турецкой империей было решено построить ряд крепостей. И уже через несколько десятков лет после падения генуэзских колоний, во второй половине XVI века турками было заложено на месте древних Диоскурии и Севастополиса основание нового города-крепости названного ими Сухум-Кале. Сухум-Кале и Поти, называвшийся или Фаш-Кале или Кала-Фаш были первыми опорными пунктами—крепостями—возведенными Турецкой империей на восточном берегу Черного моря. Из расположения Сухум-Кале и Фаш-Кале видно, что они имели целью сковывать Абхазию, Мингрелию, Гурию, Аджарию и Имеретию. Основание турками Сухум-Кале обычно относится к 1578 году.

Позже Оттоманское правительство прибавило новые звенья в цепи, сковавшем побережье. Были сооружены крепости в Анапе, Редут-Кале, Трапезонде, укрепление в Геленджике—Лимане и др.

Во время владычества турок, сухумская крепость, по словам ряда путешественников, была окружена, красивыми предместьями. В городе было множество красивых фонтанов с отличной, проведенной с гор водой, большими любителями которых являются восточные народы, и в особенности турки. По красоте местоположения, здоровому климату, отличной воде и чистоте Сухум-Кале обыкновенно назывался турками вторым Стамбулом *).

Сухум-Кале, занимая выгодное положение в центре Абхазии всего Кавказо-Черноморского побережья, стал быстро расти. Немного спустя Сухум-Кале становится резиденцией турецких наместников—пашей, управлявшими всем восточным побережьем Черного моря. Число жителей в Сухум-Кале во время турецкого владычества достигло шести с лишком тысяч человек.

Характеристику времени турецкого влияния и господства в крае мы уже дали выше. Турецкое господство как мы писали, не избавляло Абхазию ни от нашествий соседей, ни от междоусобных войн разных линий рода Шервашидзе, ни от нападений абхазских товадов и амиста друг на друга, ни от набега горских племен.

Не все эти события дошли, понятно, до нашего времени, но и то, что дошло, рисует безотрадную картину.

Нужно сказать, что и во времена генуезского влияния в крае нашествия соседей на Абхазию бывали. Об одном из них сохранилась надпись в пристройке Хонийского храма в Мингрелии. По словам надписи, мингрельский владетель Бамех Дадиани вторгся в Джихию и вернулся после побед над джихскими князьями с большой добычей. Это происходило в конце XIV века. Так как Джихия является северной частью Абхазии, то из этого явствует, что Бамех со своими отрядами прошел вдоль всю Абхазию.

*) Стамбул—турецкое название Константинополя.

Но из времен генуэзского влияния, поход Вамеха—единичный случай. Начиная же с XVI века—такие походы мы часто встречаем среди дошедших до нас известий

В кинкlose Георгия, опубликованного Такайшвили, к короникону 221-му (1533 год) относится следующая надпись. В этот год Мамия Дадияни и Мамия Гуриели *) отправились войной на Джихию. Мамия Дадияни и сын Гуриели Георгий были убиты, а Гуриели, три брата его и войска были взяты в плен. Запись об этом событии мы находим во многих хрониках, так что в подлинности его сомневаться не приходится. Картлис-Цховреба списка акад. Брюссе этот поход относит к 1516 году. К этому же году, к 3 июня, относят его и „Хронологические данные“ царевича Бахушта.

В грузинских же хрониках к 1591 году (короникон 279-й) относится запись: „В этот год Гуриели Мамия победил абхазцев“.

Доминиканский патер, итальянец Арканджело Ламберти, случайно попавший в Мингрелию и бывший там католическим миссионером с 1635 по 1653 год, в своей книге „Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией“, подробно описывает повод одной из многочисленных войн Мингрелии с Абхазией. В Мингрелии в это время был владельцем Леван Дадияни, царствовавший с 1611 по 1657 год, сын мингрельского владельца Манучара и его жены Нестан-Дареджаны, дочери кахетинского царя Александра II. Леван был первым браком женат на дочери абхазского владельца Шервашидзе.

По словам Ламберти, имеющим подтверждение в других источниках, Леван стал изменять своей жене. Не желая сознаться в этом и принять на себя вину в нарушении супружеской верности, Леван стал придира-ься по всяким поводам и без поводов к своей жене. Из-за ухаживания за ней одного своего приближенного, по имени Папония, он создал скандальную историю и, обрезав своей жене нос, прогнал ее от себя. Неудовлетворившись тем, что „расстался“ с женой, и своей жестокостью над ней, Леван, собрав войска, вторгся во владение ее отца, в Абхазию. Ее отец, абхазский владе-

*) Т.-е. Мамия князь мингрельский и Мамия князь гурийский.

тель, застигнутый врасплох, удалился в горы со всем своим народом. Дадриан же опустошив всю страну, уничтожив все огнем и мечем и, оставив там свою неверную жену одну, вернулся в свое княжество“.

Об этих событиях говорит и другая запись. На окладе, сделанном в короникон 339-ом, т.-е. в 1647 году, иконы деяний св. Георгий, находящейся в храме селения Илоры, Кодорского уезда, имеется длинная надпись, изготовленная по распоряжению вышеупомянутого мингрельского владельца Левана. В надписи о событиях из жизни Левана, касающихся Абхазии, говорится: „Когда мы выступили против Шервашидзе в Зупу *) по эту сторону реки Муцу опустошили (все), еще раз напали на Зупу, по эту сторону реки Капоста (река Капоста—Капосиги-Цкали течет к востоку от Пицундского монастыря), совершенно выжгли и разорили (все), и, где только были укрепления, взяли и уничтожили (их). На реке Капосте напали на нас Зупуар и Сихуар Аршани (Маршани), (но) мы остались победителями. Перебили (одних, а) других взяли в плен и вернулись победителями, пожертвовали одно семейство“... „Перед этой записью и после нея описываются войны Левана с имеретинским царем Георгием, его сыновьями Александром и Мамукой и его тестем—кахетинским царем Теймуразом.

Одна из описываемых надписью войн грузинскими хрониками относится к 1624 году. Сопоставляя разные события описываемые Арканджело Ламберти, нападение Левана Дадриани на Абхазию нужно отнести к тридцатым годам XVII века.

В том же сочинении, Ламберти, описывая Мингрелию, говорит, что границей между ней и абхазцами или абасками служит „река, называемая туземцами Кодором, а, по моему мнению, это и есть древний Коракс“. На карте, приложенной к этому сочинению, между Кодором-Кораксом и Понтом Евксинским находятся Дранды (Dandras Ep.).

Приблизительно в это время Абхазию посетил другой путешественник-итальянец, сицилийский уроженец, монах

*) Зуплой ранее называлось современное нам селение Лыхны, Гудаутского уезда, резиденция владетелей Абхазии—Шервашидзе (Чачба). В этой надписи под Зуплой нужно подразумевать Абхазию.

театинского ордена Христофор Кастанелли. Этот Кастанелли пробыл, кажется тоже с миссионерскими целями, в Западном Кавказе, главным образом приморских его частях, и, между прочим, в Абхазии, 26 лет—с 1632 года по 1658 год. Кастанелли свои наблюдения и воспоминания записал и его рукопись находится в Палермо в местном музее.

Сообщая интересные сведения и описывая лица и события, свидетелем которых ему пришлось быть, Кастанелли часто их собственноручно иллюстрирует. Каждый рисунок у Кастанелли сопровождается подробной описью. К сожалению, часть рисунков от времени довольно сильно выцвела.

Между другими рисунками абхазской жизни, у Кастанелли прекрасно изображен Пицундский храм. Под рисунком имеется подпись: „Здесь сохраняется святое миро и отсюда католикосом раздается по церквам“. Хорошо в рукописи сохранился рисунок, изображающий день церковного праздника у храма св. Георгия в селении Илоры. На рисунке изображены скачки, кружки абхазцев, их арбы и т. д. На нескольких рисунках фигурирует упоминавшийся выше мингрельский владетель Леван. Под его же портретом подписано: „Леван Даддани. Современный Ганнибал, непобедимый, счастливый, называющий себя, якобы согласно другим книгам, императором Колхиды“.

Итальянец, монах доминиканского ордена Иоани Луккский, бывший на восточном побережье Черноморья и, в частности в Абхазии, в 1673 году дает много интересных сведений о крае. Он пишет:

„Абасы неграмотны, они считаются христианами, но не исполняют никаких христианских обрядов. В земле их встречается много водруженных крестов. Жители—величайшие разбойники“.

В 1640—1641 году всю Абхазию проехал сопровождавший, посланный из местечка Гония (Аджария) отряд войск, турецкий путешественник Эвле-эфенди, сын дервиша Магомета и сестры абхаза Мелек-Ахмед-паши. Эвле-эфенди в своем сочинении „Путешествие турецкого туриста вдоль восточного берега Черного моря“, сообщает много интересных

сведений о виденном и слышанном. Он, между прочим, рассказывает странную и причудливую легенду—предание о происхождении абхазцев. В своем „Путешествии“ он устанавливает реку Фаш (Рион) границей Абхазии с Мингрелией. Кроме того он подробно перечисляет все абхазские племена, язык, на котором они говорят, число жителей, число воинов, число селений, и гавани каждого племени.

По словам „Путешествия“ Эвле эфенди „главное племя“—это племя Чач, говорящее на мингрельском языке, у которых гавань Лакиа и которых насчитывается 10 тысяч человек.

Затем идут в порядке [с юга на север (?)] следующие племена: племя Арлан—10.000 человек—гавань Лачига; племя Чанда—„настоящие абхазцы“—1500 человек—гавань Какур и большая деревня Хаке; „большое“ племя Чандов—15.000 человек, живущих в 25 деревнях—гавань Чандалар; племя Кечилар—„сторона их настоящий рай“—75 деревень—2 тысячи искусных стрелков; это же племя на реке Псху—10.000 воинов—деревня Гака и шестое—племя Арт—30.000 человек—гавань Артлар.

Многие из приводимых в „Путешествии“ Эвле-эфенди имен не так уж трудно расшифровать: Какур—это, довольно часто употребляемое название Гагр, Артлар—Адлер, река Псху—урочище Псху, Кечилер (окончание лар, лер в турецком языке признак множественного числа)—Кеч или Геч и. т. д.

В 1650 году посетили южную Абхазию—современные Самурзаканский и Кодорский уезды—с целью осмотра достопримечательностей этого края, толмач (переводчик) Ельчин и священник Петр, члены русского посольства в Имеретию для принятия от Александра имеретинского присяги в подданстве России. Это посольство, как известно, было вызвано желанием имеретинского царя Александра заручиться поддержкой против все усиливавшейся власти турок в Западном Закавказье.

Этим же обстоятельством вызвано, приблизительно в это время перенесение абхазскими каталикосами своей резиден-

ции из Пицундского монастыря вновь в Кутаис и на этот раз каталикоская резиденция окончательно покидает пределы Абхазии. Известная, в то время высокочтимая, икона пицундской богородицы в золотой ризе с драгоценными камнями, лалами, жемчугом и бирюзой, с частицами мощей и частицей дерева, на котором был распят Христос, вделанными в доску, на которой было изображение богородицы, а также ряд других драгоценных вещей и предметов тоже перенесены из Пицунды в известный в Западном Закавказье Гелатский монастырь *) где находятся и до ныне. Это перенесение резиденции совершилось при католикосе Захарии в пятидесятых годах XVII века.

По словам французского путешественника Шардена, посетившего Западный Кавказ в конце XVIII века, абхазские католикосы, по установившемуся обычаю, хотя бы раз за время своего служения на каталикосском престоле обязаны были совершить поездку в Пицундский монастырь для особой церковной церемонии, известной под „варкой и освящением мира“. Поездки католикосов, рассказывает Шарден, совершались всегда в весьма торжественной обстановке. Каталикоса в Пицундский монастырь сопровождал целый кортеж епископов, священнослужителей, князей и дворян. Сам же Пицундский монастырь пользовался большим уважением населения. Это подтверждается тем, что в совершенно покинутом монастыре — еще в 1830 году — в храме находилось без всякой охраны евангелие в серебряном с рельефами окладе **) и много вещей церковного обихода.

В 60-х или 70-х годах XVII века посетил Абхазию и осматривал ее церкви известный в свое время писатель иерусалимский патриарх Досифей († 1707 году), описавший свое путешествие в отдельной книге, теперь ставшей большой библиографической ценностью.

В книге в своих посланиях к абхазо-имеретинским каталикосам он сообщает много данных из абхазского быта и жизни. Ниже мы вернемся к его сочинениям.

*) Гелатский или Гаенатский монастырь находится в 6—8 верстах к северо-востоку от гор. Кутанса.

**) Ныне пицундское евангелие, относимое к XI веку, содержащее целый ряд записей, иногда имеющих исторический интерес, находится в Петроградской Публичной библиотеке.

Жан-гулани (род часослова), принадлежащий Кабенской церкви в Кончарти, Душэтского уезда, рассказывает об одном, видимо большом, нашествии карталинского владельца Шах-Наваза или Вахтанга V (1658—1676) в 1662 году (хроникон 350-й). Мы приводим запись полностью:

„В этот год царь Шах-Наваз на Велика Дадияни, который владел Имеретией и Одишем¹⁾. Дадияни был убит. Царь забрал его жену и детей; завоевал Имеретию и Одиши; Гურიели²⁾ и абхазцы подчинились ему; в Имеретию (он) посадил правителем сына своего Арчила, а в Одиши—Дадияни Шамадава, и вернулся благополучно в свое царство отягченный многочисленной и несметной добычей“.

Царевич Вахушт в своей хронике также упоминает об этих событиях, но относит их не к 1662, а к 1661 году.

К этой же эпохе относится и запись, сделанная на передней стороне под распятием на окладе Пицундского евангелия, находящегося ныне, как мы сообщали, в Петроградской Публичной библиотеке. Мы приводим дословно надпись:

„(Пре)чистая и великая богородица (пицундская)³⁾, вас умоляли и с помощью вашей мы одержали победу над царем (имеретинским) и Дадияном и Липаритом Дадияни и поэтому велели оковать сие евангелие“.

На другой стороне оклада, под рельефным изображением сошествия в ад, в длинной надписи говорится, что „...с помощью вашей оковали это честное и великое евангелие мы Соломон Шервашидзе и сын наш Азархан“...

В другом месте этой же надписи имя сына написано иначе, а именно: „Азархом“.

Проф. Чубинов относит евангелие и оклад его к XI—XII веку, но другие исследователи относят рукопись к указанной им эпохе, а оклад евангелия к значительно поздней: к XVI и даже XVII веку. По всем данным, последнее мнение более основательно и правильно.

¹⁾ Одиши—Мингрелия.

²⁾ Гуртели — владельцы Гурии.

³⁾ В оригинале: Бичвиндская.

В этом же евангелии имеется запись о Сустане Шервашидзе и его сыне Схварезе, тоже неизвестно когда живших.

Из „Донских преданий“, собранных, как видно из предисловия, казаком станицы Цымлянской, Донского округа, скрывшегося под псевдонимом «Старый казак», видно, что среди донских казаков сохранились предания о набегах донцов на турецкие поселения на побережья Черного моря, в том числе и на восточное. Из этих же преданий мы видим, что донские казаки иногда совершали набеги совместно с абхазцами (абхазскими «христианами») и совместно били «басурманов и защищали христианскую веру». Эти предания подтверждаются целым рядом других источников. Набеги донских казаков продолжались почти весь XII век, а возможно и ранее и позже.

Косвенно эти предания донцов подтверждаются и из кавказских источников.

В своей грамоте русскому царю (Алексею Михайловичу) имеретинский царь Александр в 1650 году, между прочим, пишет следующее:

„Донские казаки ходят на Черное море и воюют, а православным христианам никакого вреда не делают; а Дадьяне (мингрельские владельцы Даддани) казаков к себе принимают, будто хотят вместе с ними воевать бусурман и, приманя в свои места, их побивают и к туркам продают, и в подарок отсылают к турецкому султану, который за это присылает им жалованье“...

Гулани *) Шемкодельского монастыря в Гурии под 394-м корониконом (1706 год) говорит:

„В этот год абхазцы и мингрельцы напали на Чочхати (селение в Гурии), но были побеждены Джуматели Максимом Шервашидзе (род гурийских Шервашидзе“).

Интересные сведения, относящиеся к Абхазии начала XVIII века, сохранились в книге „Описание Черкессии, составленное Ксаверио Главани, французским консулом в Крыму

*) Гулани — одна из церковных книг.

и первым врачом хана. В Бахчисарае, 20 января 1724 г.^а Строки, относящиеся к Абхазии, мы приводим полностью:

„За казаками находятся 24 независимых абхазских бея. Владения их простираются от Большого моря^{*)} до залива Геленджик—лиман^{**)} в Черкесской земле. Залив этот представляет хорошую стоянку для судов. Прежде генуезцы имели здесь пристань, а ныне султан турецкий начал строить укрепление. Морская флотилия может зимовать в этом заливе, будучи закрыта от всех ветров. Геленджик—лиман находится между Абазою и Черкессиею и удален на 50 миль от Каффского (Керченского) пролива“.

К началу же XVII века относится известие о том, что оттоманское правительство вынуждено было реставрировать Сухум-кальскую крепость, являвшуюся в это время, как мы уже сообщали, центром управления восточного побережья Черного моря и резиденцией турецкого паши. Как мы увидим ниже, реставрация была вызвана непрекращающимися волнениями среди абхазцев, их набегами на Сухум-Кале и турецкие поселения на малоазиатском берегу.

В 1725 году абхазцы, собравшись в больших количествах, осадили Сухум-Кале, но, не добившись сдачи крепости, сняли осаду.

Из грузинских хроник имеем известие, относящееся к 1726 году. Абхазцы, как союзники турецкого паши Юсупа, вторглись в Гурию и взяли несколько городов и селений, в том числе и город Тетросань.

В 1728 году абхазцы вновь тщетно осаждали Сухум-кальскую крепость.

В хронологическом перечне на переплете кондака (требника), принадлежащего Карабеловым, к 1769 году относится коротенькая запись:

„В Рухве (Рухе) была битва с абхазцами“.

В виду того, что, судя по записям этого требника, можно с большой достоверностью предположить его имеретинское

^{*)} Итальянское название Черного моря.

^{**)} Геленджикская бухта близ Новороссийска.

происхождение, то нужно предполагать, что эта битва в Рухве была с имеретинами.

В середине XVIII века Турция наводняет Абхазию муллами, дервишами (мусульманские монахи), кадиями (судьями) и другими фанатично-религиозными элементами и старается омусульманить край. Первыми начали принимать мусульманство господствующие сословия Абхазии: князья и дворяне.

В третьей четверти того же столетия владетельный князь Леван Шервашидзе со всем своим семейством принимает ислам. Фанатично-религиозные круги Константинополя по этому поводу поднимают целую шумиху и настаивают перед султаном Абдул-Гамидом I (1764—1789), чтобы он отметил этот поступок Левана. Слабохарактерный Абдул-Гамид, чтобы показать свою милость и внимание к Левану, за его переход в мусульманство передал город и крепость Сухум-Кале князьям во владение на вечные времена.

Передачу Сухум-Кале Абхазии нужно отнести к началу царствования Абдул-Газида.

В это время абхазцы славились своими набегами и морским разбоем даже в такой стране как Кавказ и Малая Азия в XVII и XVIII веках. Топот коней лихих абхазских джигитов приводит в страх и трепет жителей всех соседних стран, а их мелкие суда иногда бороздили и волны Босфора и смелость их набегов знало все Черноморское побережье.

Они нападают не разбирая и на горские, и на грузинские, и на турецкие области. Главной целью их набегов было как можно более захватить „человеческой“ добычи — пленников: женщинами потом заполнялись турецкие гаремы, а мужчины отправлялись на невольничьи рынки. Последствием и лучшим показателем обилия „человеческого товара“ служит то, что в конце XVII и весь XVIII век Сухум-Кале славится, как один из самых крупных центров на Востоке и, в частности, на Черном море по торговле женщинами для гаремов и рабами.

Об этой торговле рабами очень подробно говорит иерусалимский патриарх Досифей в своем послании (сентября

1701 года) „блаженнейшему и благочестивейшему Кафоли-
косу Имеретии, Онтиссии (Одишии, т.-е. Мингрелии), Соании
(Свании или Сванетии), Абхазии и всей нижней Иверии Квр
Григорию“. Досифей советует и полупросит и полуприказы-
вает созвать собор и соборно запретить продажу христиан
в мусульманские страны. Тех же лиц, которые будут проти-
виться соборному определению и письму иерусалимского пат-
риарха, после „увещеваний благими и кроткими словами“,
он советует предавать анафеме.

Далее,—как интересную характеристику быта того вре-
мени, мы приводим слова Досифея без изменения,—он пишет:

„Еще, если продававшие христиан суть игумены, или
другие священники, и если они раскаются искренне, то при-
мите их покаяние и простите. Если же найдутся игумены
или священники не раскаявшиеся,—таковых не только отлу-
чите и подвергните анафеме, но и лишите священства“.

Русское влияние.

Конец XVIII и начало XIX века—время борьбы в Абхазии русского и турецкого влияния.

Уже Леван, несмотря на переход в магометанство и получение во владения Сухум Кале, начинает переговоры с Россией.

В своем докладе от 1770 года граф Тотлебен доносит, что владетель абхазский Леван ходатайствует о принятии его под покровительство Российской империи. Тотлебен сообщает, что в ведении и владении Левана находятся крепости Рух, Аку*) и Бедначук (Бедиа). Тотлебен согласился на предложение Левана и между ними начались переговоры об условиях, приемлемых для обеих сторон. Но „подданные Левана“, узнав о переговорах, угнали табун лошадей гусарского Кабардинского полка и переговоры с русской стороны (Тотлебеном) были прерваны.

Сохранилось много донесений, относящихся к этому времени, разных русских чиновников и военнослужащих. Эти донесения определенно говорят о том, что Абхазией, как страной, попавшейся на дороге русского империализма, русская власть интересуется.

Для примера приведем донесения капитана (потом капитан-поручика) Языкова от 1770 и 1771 года, в которых он сообщает о крепости Аку, ее начальнике, жителях, гарнизоне.

Можно еще указать на „путешествие“ доктора Рейнегса по побережью. Саксонец Христиан Рудольф Эхлих (1743—1793), именовавший себя д-ром Рейнегсом, был во времена Потемкина его „комиссионером“ при картло-кахетинском царе

*) Почти все русские донесения, доклады, отношения и т. п. бумаги раннего периода русско-абхазских отношений именуют Сухум-Кале, хотя несколько искаженным, но абхазским названием—Аку.

Ираклии и при имеретинском царе Соломоне. Рейнегс знал целый ряд европейских и восточных языков и провел большую часть жизни на Кавказе и в Персии. В промежуток 1782—1784 годов он посетил Кавказо-Черноморское побережье, в том числе и Абхазию. Свои наблюдения над Кавказом и, в частности, Абхазией он изложил в сочинении „Allgemeine historisch—topografische Beschreibung des Kaukasus etc“.

Но по устным преданиям, записанным членом сословно-поземельной комиссии А. Введенским, Леван не являлся владельцем Абхазии, а был одним из феодальных князей. По Введенскому владельцем Абхазии являлся брат Левана—Росто, а Леван владел одним лишь Абживским округом.

По этим же преданиям наследником Росто являлся его сын Хутуния, после смерти которого начал править Тоулак. Тоулак из-за слабости характера был свергнут своим дядей Джигешием, который был убит в одном из походов около современного Адлера (Аредлар). И лишь только после Зураба стал править Келеш-Амед-бей.

Эти народные предания еще не проверены архивным путем. Мы можем только установить, что конец 80-х—начало 90-х годов застают владельцем Внутренней Абхазии, Сухум-Кале (Аку), Анаклии и Руха сына Левана—Келеш-Амед-бея (Келайш-Амед бек, Келеш-бег и т. д.), в Самурзакани—Бежана Шервашидзе, в Хупе-Зураба Шервашидзе, в Средней области (Абживский округ)—Бекир-бега Шервашидзе, в Цебельдинском ханстве—Саларуфу Маршания (или его отца).

Кроме того, наследственными пашами, владельцами из рода Шервашидзе, были потийский и батумский правители.

Хотя это было фактически ничего и никого не признающие, самостоятельные владельцы, но номинально и в глазах соседей—России, Турции, Мингрелии, Имеретии, Гурии и горских народов,—владельцем, царствующим князем, главою Абхазии считался князь Внутренней Абхазии. Факт владения крепостью и городом Сухум-Кале придавал вес и влияние, так сказать „блеск короне“, владельцам Внутренней Абхазии.

По записям современников, Келеш-Амед-бей был преисполнен решимости сделаться не только номинальным, но и

фактически владетелем и самодержцем Абхазии и, уничтожить как более крупные, так и многочисленные мелкие феодалные владения края. Он ясно видел катастрофическое положение края и признавал, что единственное спасение Абхазии заключается в целом ряде коренных реформ в государственной жизни Абхазии, а также в накоплении государственного и народного богатства и поднятии экономической мощи страны.

Но для этого нужно было прекращение постоянных, истощавших население, войн и набегов, а они, став бытовым явлением, вполне понятно, по одному желанию Келеш-Амеда не могли прекратиться. И мы продолжаем встречать записи хроник о походах и набегах абхазцев на своих соседей и последних на Абхазию.

Так, в конце мая 1773 года брат мингрельского владетеля Никаноз Дадиани с мингрельцами и отряд абхазцев сделали набег на Имеретию. Царь имеретинский Соломон I (1752—1782) встретил их, разбил и сам вторгся в Мингрелию, где разграбил несколько мингрельских селений. Но в это время сам мингрельский владетель с отрядом войск, в союзе с абхазами, вторгся в Имеретию со стороны Рачи и разорил несколько селений, принадлежавших Соломону.

В кинкlose Георгия, опубликованном в 1895 году, к короникону 468-му (1780 год) относится следующая запись:

„В этот год царь Соломон, вместе с Кация Дадиани,*) одержал победу в Рухе (развалины крепости Рух на левом берегу Ингура, у шоссе Очемчиры—Зугдиды). Черкесов (по всей вероятности или цебельдинцев или джихов), абхазцев и турок было всего 11.000. Одних из них обратили в бегство, других истребили и взяли в плен“.

В рукописи, опубликованной грузиноведом Е. Такайшвили, находим относящуюся к 1794 году запись:

„Имеретины напали на абхазцев в Марсиле“.

В начале 90-х годов в Абхазию прибыл мингрельский владетель Григорий Дадиани (царствовал с перерывами с

*) Кация Дадиани—мингрельский владетель. Умер в 1788 году.

1780 по 1804 г.г.). Григорий в это время был свергнут своим братом Манучаром и имеретинским царем Соломоном II и стал просить у Келеш-Амед-бея поддержки. Келеш-Амед-бей выступил с отрядом войск, перешел границу, но, не вступая в сражения, старался уладить дело мирным путем. Не успев в этом Келеш-Амед бей, не доводя дело до кровопролития, вернулся в Абхазию.

Через некоторое время Григорий вновь занял престол, а через несколько лет повторилась та же история: он, свергнутый с престола, прибыл в Абхазию просить помощи. Келеш-Амед-бей вновь выступил с ополчением. Григорий, чтобы сильней закрепить за собой помощь Келеш-Амед-бея, отдал ему в заложники своего сына Левана (Леона). Но и на этот раз, не вступая в битву, Келеш-Амед-бей добился от имеретинского царя Соломона II-го обещания, что тот не будет преследовать Григория.

Помимо этого устные предания и дошедшие до нас хроники говорят о многочисленных набегах джигов, дальцев (цебельдинцев) и др. соседних, большею частью родственных, племен.

За этот промежуток времени Келеш-Амед-бей распространил свои основные владения далеко к югу. Он отторг от нескольких владельцев область, лежащую между реками Келассуры и Гализга.

Но 1804 год был для него несчастлив. Григорий Дадани умер и мингрельское правительство потребовало у Келеш-Амед-бея выдачи находившегося у него в заложниках сына Григория—Левана. Келеш-Амед-бей за выдачу Левана потребовал выкуп. Дедопали*) Нина, мать Левана, а также мингрельское дворянство нашли запрошенный Келеш-Амед-беем выкуп тяжелым и обратились к русскому наместнику на Кавказе Цицианову за помощью, ввиду того, что незадолго до этого (4-го декабря 1803 года) Мингрелия „принесла присягу на подданство“ России. Цицианов отдал приказание начальнику расположенного в Мингрелии отряда русских войск двинуться на столицу Абхазии Аку, освободить во что-бы то

*) Титул жен мингрельских владетелей.

ни стало Левана и сделать его мтаваром*) Мингрелии. Так как по целому ряду причин, а также из-за отсутствия дорог, передвинуть войска из Тифлиса для открытия военных действий против Абхазии было весьма трудно, то было русским правительством отдано распоряжение произвести десантные операции. Стопушечный корабль „Тобольская богородица“ и фрегат доставили и высадили в Редут-Кале пехотный Белевский полк, который был подчинен генералу Рикгофу.

Генерал Рикгоф с вверенным ему отрядом и мингрельским ополчением двинулся к сильно укрепленной Келеш-Амед-беем и принадлежащей ему крепости Анаклии (на берегу Черного моря, на юг от реки Ингура) и на другой день штурмом взял крепость. Пораженный быстротой развертывающихся событий, Келеш-Амед-бей отослал Левана в Анаклию.

Анаклия же была, как трофеем похода, присоединена к Мингрелии, которая через некоторое время уступила его России за 12 тысяч рублей, так как Анаклия была необходима России, как первый опорный пункт в южной части Черного моря. С тех пор Анаклия более не входила в состав Абхазии.

Келеш-Амед-бей был женат на дочери цебельдинского князя Ребии-ханум Маршания и был отцом многочисленного семейства. Борьба русского и турецкого влияния в Абхазии расколола не только население края, но и семью Келеш-Амед-бея, что обычно мы видим и в других владениях Закавказья. Все стремления Келеш-Амед-бея направить Абхазию на путь мирного строительства, а также его склонность из двух зол,—русского и турецкого империализма,—выбрать первое—встречали отпор не только среди части населения, но и среди части членов собственного семейства. Главою семейной оппозиции был его сын Арслан-бей—злой гений Абхазии начала XIX века.

Вследствие изложенных выше мотивов, Келеш-Амед-бей начал вести переговоры с Россией. Бывший тогда на Кавказе Цицианов быстро учел все выгоды захвата Абхазии и водворения на Черноморско-Кавказском побережье и послал

*) Владетельный князь.

к Келеш-бею для ведения переговоров поручика Амираджибова. Ведение переговоров, оказанный приют турецкому опальному сановнику Трапезунда Тезер-паше и т. п. восстановили против Келеш-бея Стамбул и сторонников Турции в Абхазии.

Скрытая оппозиция Арслана-бея вскоре перешла к открытым спорам отца с сыном. Споры перешли во вражду, которая повела к вооруженным столкновениям, а потом и к убийству в 1806 году сыном своего отца на пороге дворца в Сухумской крепости, где он и был похоронен.

Воспользовавшись суматохой во время убийства, Арслан-бей овладел крепостью и городом Сухум-Кале, где находилась абхазская казна и большое личное состояние Келеш-Амед-бея, причем нужно сказать, абхазские владельцы очень мало или, вернее, совсем не делали подразделений между государственными и личными средствами.

Между тем на престол должен был взойти старший сын Келеш-Амед-бея — Сефер-Али-бей (Сафар-Али-бек), еще при жизни отца крестившийся и при крещении принявший имя Георгия. Сефер-Али-бей при жизни отца жил и владел (после Зураба Шервашидзе) Хупом.

Видя полную невозможность своими силами и средствами отбить захваченную Арслан-беем власть и область, Сефер-Али бей, и раньше склонявшийся к русской ориентации, решил вступить в подданство России. В этом отношении его поддерживал и мингрельский владелец Леван, на сестре которого — Тамаре — был женат Сефер Али-бей. Но пока Леван согласился поддержать Сефер-Али-бея собственными силами и выступил с одишско-лечхумским ополчением в Абхазию. После нескольких стычек с Арслан-беем, Сефер-Али бей был восстановлен в своих гровах владельца. Но соединенные силы Сефер-Али бея и Левана не могли взять крепость Сухум-Кале, где засел Арслан-бей, поддерживаемый турецкими войсками.

Затем началась многолетняя борьба Сефер-Али-бея за власть. То ласками, подарками и обещаниями, а где это не помогало, то угрозой и силой перетягивали враждующие братья князей, дворян и население друг от друга.

Видя создавшееся положение, Сефер-Али-бей решил привести в исполнение свое решение отдаться под покровительство русских императоров.

В 1809 году им были подписаны, составленные канцелярией наместника, „просительные пункты“ — документ, которым Сефер-Али-бей—Георгий отдавал себя и Абхазию под владычество русских императоров:

„Всеавгустейшему и всемилостивейшему монарху нашему всеподданнейшее прошение и предание себя с владением моим через сие мое письмо — следующим образом:

1) Я, законный наследник и владетель Абхазии, по совести моей обязываюсь и вступаю в подданство и службу, как наследственный подданный всемилостивейшего самодержца всей России и прочих императора Александра Павловича“.

Затем в „пунктах“ говорилось:

в пункте 2-м, что владетель и вместе с ним Абхазия со всем находящим в ней передаются в наследственное подданство и рабство всероссийских императоров;

в 3-ем, чтобы абхазский владетель, по примеру других владетелей, принявших русское подданство, был отличен знаком власти;

в 4-м, об утверждении Сефер-Али-бея наследственным владетелем, начальником и управляющим своего владения;

в 5-ом, об защите владетеля;

в 6-ом, о жалованье владетелю;

в 7-ом, новая клятва в верности, а также покорности властям и ряд экономических пунктов.

Пока эти „просительные пункты“ путешествовали по канцеляриям, русское командование подготовилось к действиям против Арслан-бея и турок в Абхазии.

9-го июля 1810 года в Сухумский рейд прибыли суда Черноморской эскадры с батальоном пехоты под командой капитана 1-го ранга Дотта. 10-го началось бомбардирование крепости. Турецкий гарнизон оказал серьезное сопротивление. В течение двух дней турецкие орудия в числе 64 энергично отстреливались. 12-го десант занял город, а 13-го—

после кровопролитного штурма — была взята и крепость, при чем русские потеряли свыше 20% состава десанта.

Остатки турецкого гарнизона разбежались. Арслан-бей, бежавший из Сухума, вынужден был покинуть и Внутреннюю Абхазию и скрылся со своими оставшимися живыми и верными приверженцами на север, в Джигию, где и нашел убежище.

Что это не междоусобица, обычная для Абхазии, двух братьев из-за власти, а борьба двух влияний — русского и турецкого — понимали все современники, даже не стоявшие близко к политике. Характерной иллюстрацией понимания действительного положения вещей является следующая подробность. В последнее столетие, несмотря на передачу Сухум-кальской крепости во владение абхазских князей, Сухум являлся чисто турецким городом. Еще капитан Языков в своих донесениях 1770 года писал:

„...крепость Аку (Сухум-Кале), в которой гарнизон и все обыватели — турки...“

Это и вполне понятно: абхазцы, как земледельцы, не знавшие ремесел, кроме необходимых для своего хозяйства, не занимавшиеся торговлей, не выделившие чиновного сословия, — не имели позывов и побудительных причин селиться в городах и жили в селениях.

Когда русские отряды войск и черноморские войска помогли Сефер-Али-бею взять Сухум-Кале, то это было понято всем населением, как победа не Сефер-Али-бея над своим братом Арслан беем, а как победа России над Турцией в Абхазии. Вследствие этого турки немедленно покинули все, густо заселенные ими, предместья Сухум-Кале и в числе нескольких тысяч человек расселились по городам, главным образом, Малоазиатского побережья.

После выезда турок, Сухум совершенно опустел и в нем осталось лишь несколько десятков греков и армян, — полоторговцев, полуконтрабандистов, полуразбойников.

Только осенью был получен в Абхазии ответ на „просительные пункты“ Сефер-Али-бея. Русский император Александр I (1801—1825) актом от 9-го августа 1801 года принял

Сефер-Али-бея и Абхазию в подданство и „пожаловал“ ему орден св. Анны первой степени, княжеское (владельческое) знамя и пожизненную пенсию. Кроме того неофициально Сефер-бей был заверен, что через некоторое время ему будет совершенно передан и Сухум-Кале, незадолго до этого отбитый у турок.

В этом же году постигли некоторые перемены и южную часть Абхазии — Самурзакань. Мингрельский князь Леван захватил самурзаканского владетеля Бежана Шервашидзе и заключил его в мингрельскую крепость Чаквиджи. На место свергнутого Бежана Леван сделал самурзаканским владетелем своего зятя Манучара, сына Соломона Шервашидзе. Впоследствии Бежан, по просьбе и настоянию русского представителя в Мингрелии, генерал-майора Орбельяни, был Леваном освобожден из крепости.

В этом же году судьба немилостиво коснулась и еще одного абхазского владетеля — потийского Шервашидзе Кучук-бея. Кучук-бей был в Потти (Фаш-Кале) на положении средним между самостоятельным владетелем и турецким пашей. В то время Потти был сильнейшей турецкой крепостью на юго-восточном берегу Черного моря и являлся морским ключом ко всему Западному Закавказью. Против потийской крепости выступил князь Дмитрий Орбельяни с отрядом русских и имеретинских войск, мингрельский владетель Леван с мингрельским ополчением и самурзаканский владетель Манучар с самурзаканским ополчением. После трехмесячной осады Кучук-бей принужден был сдать крепость на капитуляцию, а сам удалиться в Турцию.

В 1811 году отряду абхазских войск, находившихся в числе других под начальством главноуправляющего на Кавказе генерала Тормасова*), пришлось совершить поход к Ахалциху, в то время бывшему сильной турецкой крепостью, и участвовать в ряде боев.

В этом же году русское правительство, не доверяя своему новому „верноподданному“ Сефер-Али-бею, решило под

*) Генерал Тормасов был главноуправляющим на Кавказе после ухода графа Гудовича с 1809 по 1811 г.

благовидным предлогом взять у него аманатом*) старшего сына Дмитрия. Официально Дмитрий был отправлен в Петроград „для получения воспитания и образования, соответствующего высокому званию владетельного князя Абхазии“. Дмитрий был торжественно, после молебствий и т. п., отправлен в Петроград в сопровождении своей бабки — мингрельской дедопали Нины.

В этом году все абхазские селения были переполнены от небывалого наплыва беглецов, или, как мы теперь привыкли их называть, беженцев из Имеретии, Мингрелии, Гурии, в которых, в связи с небывалым голодом, развились поваральные болезни, главным образом, эпидемия чумы.

Целый ряд новых историй приносит Самузаркани 1812-й год. Покровительство «христианской» Российской империи обязывало распространять христианство и бороться с исламом. Мингрельский владетель Леван, вместе со своим зятем — владетелем Самурзакани Манучаром, в сопровождении митрополитов Чкондидского Виссариона**) и Цайшского-Григория отправились по Самузаркани распространять христианство. В это время Бедийской, довольно сильной, крепостью владел Леван, сын Хутуния Шервашидзе. Сын бедийского Левана Хутуния находился в очень неприязненных отношениях с Манучаром. В ту же ночь, когда равноапостольская миссия — Леван, Манучар и митрополиты — прибыли в Бедиа, подосланные Хутунией Шервашидзе убийцы тихо и незаметно пробрались в дом, где находился Манучар, и во время сна изрубили его кинжалами. Сопровождавшие Манучара хотели в свою очередь убить Хутуния, но ничего не могли сделать, так как он заперся в крепости. Тело Манучара было перевезено в его дворец в Барбару, а затем предано земле в Цайшской церкви.

Последствия убийства Манучара разыгрались быстро. Как только эта история стала известна главноуправляющему на Кавказе, он распорядился наказать убийцу. Две роты русских солдат совместно с абхазским, самурзаканским и мингрельским ополчением осадили Бедийскую крепость. Хутуния, видя, что крепость не устоит ни перед осадой ни перед штурмом,

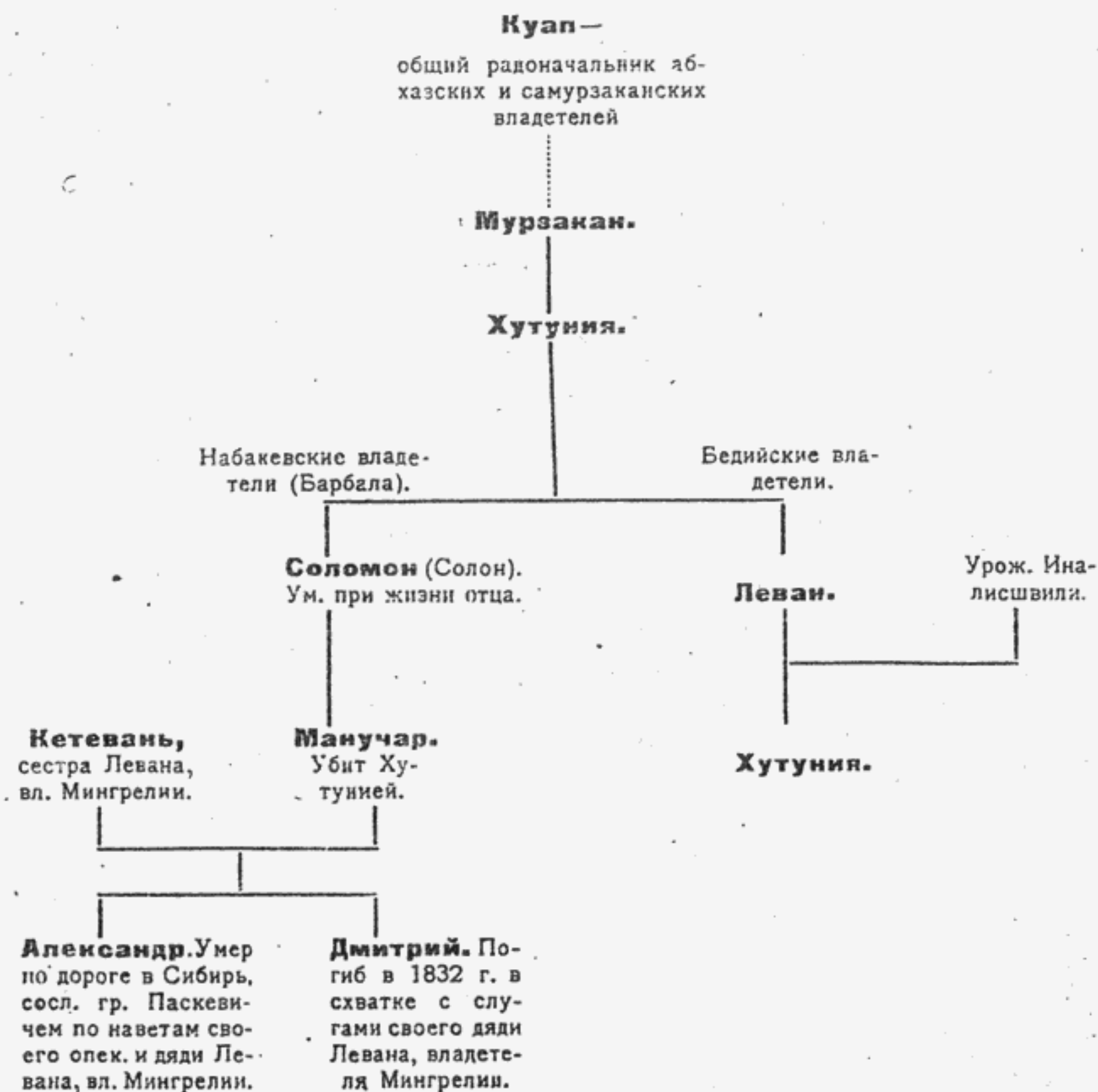
*) Аманат — заложник.

**) Виссарион Дадiani приходился дядей Левану.

выбрался незамеченный осаждающими из крепости и бежал в Цебельду. Его же отец Леван, предварительно объяснив, что он в убийстве своего племянника Манучара не виновен и получив обещание, что его самого не убьют, вышел из крепости и сдал ее.

Ввиду преклонных лет Левана Шервашидзе и его жены, им было Леваном мингрельским дано в пожизненное владение селение Пахулани, а Бедиа с крепостью присоединена к владениям Мингрелии.

Ниже мы помещаем родословную таблицу участников самурзаканских событий 1812 года:

Не успели заглухнуть события в Самурзакани, как возгорелись новые—с Арслан-беем. Из Джигии, куда он бежал после падения Сухум-Кале, Арслан-бей отправился за материальной и политической поддержкой в Константинополь. Получив здесь благословение на выступление, Арслан-бей отправился на Кавказ и высадился в 1812 году в Поты. Здесь он получил отряд турецких войск и стал собирать отряд добровольцев. В те времена на Кавказе набрать отряд удальцов на любую авантюру было делом не трудным и вскоре у Арслана-бея были довольно большие силы, с которыми он двинулся через Гудау и Тамуш на Внутреннюю Абхазию и Сухум-Кале.

Сефер-Али-Бей, рассчитав свои силы, вынужден был обратиться за помощью против своего наступающего брата к главноуправляющему на Кавказе генералу Ртищеву*).

Последний отдал приказ Николаю Дадияни с батальоном пехоты и артиллерией двинуться для содействия и совместных выступлений с Сефер-Али беем.

Дело до боев не дошло. Узнав о приближении русско-абхазских войск, турецкий отряд, полученный Арслан-беем в Поты, разбежался.

Вступать в борьбу с добровольческим отрядом против регулярных войск, снабженных артиллерией, было нецелесообразно, а потому Арслан-бей, распустив свой отряд, сам удалился в Джигию.

В это время, пользуясь замешательством, возникшим в связи с наступлением Арслана-бея, из Цебельды возвратился Хутуния, сын Левана Шервашидзе, убийца Манучара. Хотя он и жил тайно, но об этом стало известно и Сефер-Али-бею и мингрельскому владельцу Левану Дадияни. Через некоторое время, после возвращения, Хутуния был схвачен и Леван Дадияни заключил его в небольшую крепость Мури в Мингрелии. Только через три года Хутуния был помилован Леваном Дадияни и освобожден из крепостного заключения. Хутуния, вместе с его братьями, была возвращена половина Бедиа. Дру-

*) Генерал Ртищев был главноначальствующим на Кавказе посл маркиза Паулуччи с 1812 по 1816 год.

гая же половина Бедиа была отдана в ведение Зурабу, сыну Болихухува Шервашидзе. Сел. Пахулани владели до конца своей жизни Леван Шервашидзе и его жена, по смерти которых оно перешло во владение вдовы Манучара Шервашидзе.

Так завершился поход с миссионерскими целями Левана, Дадияни, Манучара Шервашидзе и ряда митрополитов. Но это было начало христианского миссионерства. Русские партии Абхазии и Мингрелии, русская власть в Закавказье, а также абхазско-имеретинская церковь со своим сонмом священнослужителей начали развивать энергичную пропаганду за распространение христианства „в той стране, по которой ходил еще апостол Андрей Первозванный и другие святые“. Пропаганда, подкрепляемая благоволением русской власти и ее ставленниками, а главное рядом „милостей“, имела успех, в особенности среди князей и дворян. Официальная хроника тех времен пестрит сообщениями, в роде нижеследующей:

„В 1817 году владетель Средней Абхазии Али-бей Шервашидзе, магометанин по происхождению, познал свет истинной веры, принял христианство и при крещении был наречен Александром. Он женился на Кесарии, дочери Николая Дадияни“.

Но наряду с „культурной“ работой русской партии и русской власти, мы натываемся на не менее оживленную и энергичную работу сторонников турецкой ориентации. Работа последних была еще и потому успешна, что за ними стояли веками сложившиеся экономическо-хозяйственные отношения и веками установившийся быт. „Работа“ последних, главным образом, состояла в пропаганде набегов и походов, как на русские (казацкие) поселения на Северном Кавказе, так и восстаний по южной стороне хребта.

Эти набег и восстания были так мелки и в то же время так часты, что нет никакой возможности сообщать о них. Они были трафаретны. Около какого-нибудь известного удалца собиралась группа добровольцев, иногда даже в две—три тысячи человек, который вел их через главный Кавказский хребет на казачьи станицы или другие русские поселения на Северном и Южном Кавказе или же на западно-грузинские селения. Сразившись с русскими войсками, казаками или местными ополчениями (в Западной Грузии) в нескольких

мелких стычках и пограбив население, отряд, в большинстве случаев отягченный добычей, возвращался в Абхазию и расхаживал по домам. Особенно часто принимали участие в набегах и восстаниях северные абхазские племена (джиги, убыхи, чануши и др.), бзыбцы (гудаутцы) и дальцы (цебельдинцы).

Русская власть, а также и владетель Сефер Али-бей ничего не могли сделать с „непокорным народом“. Русская власть, занятая целым рядом войн, а также и по той причине, что русские солдаты сильно страдали от малярии, не могла держать больших сил в Абхазии. Сефер-Али-бей, непопулярный в стране, дальше жалоб на «неповиновение» своих подданных, почти не шел. Ввиду этого для русской власти в Закавказье владение Абхазией было сопряжено с большими и нежелательными затруднениями. Поэтому, при целом ряде главноуправляющих и наместников на Кавказе возбуждался вопрос о том, что не следует ли сдать Абхазию обратно Турции.

Но пока обсуждался этот вопрос, принимались энергичные меры для „введения порядка и спокойствия“ в Абхазии. В 1818 году, вскоре после своего назначения, главноначальствующий на Кавказе, известный генерал Ермолов*), в препровождаемом Александру I всеподданнейшем докладе уделяет много внимания Абхазии и ее внутреннему положению. Ермолов пишет о необходимости для „обуздания“ Абхазии привести сухум-кальское укрепление в хорошее оборонительное состояние и содержать в нем гарнизон численностью не менее, как из двух батальонов. Кроме того, Ермолов, как видно из его донесения, озабочен тем, чтобы прекратить сообщение абхазцев с Анапой-крепостью, принадлежавшей в то время Турции, а также с закубанскими горскими народами**).

Сухум-Кале в то время представлял полуразвалины. Это относится и городу и к крепости. Так французский путешественник Гамба, посетивший Сухум-Кале в 1820 году, пишет, что Сухумская крепость, построенная из дикого камня, имела четыре бастиона по углам и представляла развалины. Город

*) Генерал Ермолов был главноначальствующим на Кавказе после Ртищева—с 1818 года по 1827 г.

**) Т. е. с кабардинцами, карчаевцами и рядом родственных абхазских племен Северного Кавказа.

состоял из базара и единственной улицы. Все невоенное население Сухума, по его словам, заключалось из 60 торговцев-армян. Водопроводы были разрушены.

В 1819—1820 году вопрос об возврате Абхазии Турции встал снова. Яркие сторонники русского империализма, к числу которых принадлежал упоминавшийся нами Ермолов, всесильный тогда на Кавказе и непрерываемый авторитет по кавказским делам в правящих кругах России, восстали против передачи.

Доводы империалистов против возврата Абхазии Турецкой империи можно видеть из доклада Ермолова, отправленного им в марте 1820 года министру иностранных дел России и, через него, Александру I. Ввиду того, что этот документ представляет большую ценность для интересующихся историей Абхазии, так как определяет взгляд официальной России на политику в этой стране, мы приведем из него главные положения:

„Абхазия в теперешнем состоянии доставляет нам безопасные бухты, и Мингрелия почти не подтверждена хищным набегам, ибо абхазцев обуздывает страх.

При первом взгляде эти выводы могут показаться весьма ограниченными, но смотреть надо не на них, а на те неудобства и вред, кои произойти должны, если Абхазия отдана будет туркам.

Прежде всего доверенность здешних народов к России чрезмерно должна поколебаться, так как уступку земель они отнесут за счет могущества Турции.

Владельцы князья Мингрелии, Гурии и даже князья имеретинские, видя участь Абхазии, могут ожидать таковой впоследствии и для себя, и заранее будут искать расположения турок, доказывая им свою приверженность бесконечными возмущениями, которые турки в свою очередь не упустят поддержать.

Участь абхазского владельца, князя Георгия*) Шервашидзе, произведет на всех самое дурное впечатление. По

*) Христианское имя Сефер-Ади-бея.

чрезвычайной привязанности к родине, он не оставит земли своей и первая жертва, принесенная им новому правительству—будет христианская вера. Но едва ли и это спасет его, ибо турки никогда не простят ему прежнюю перемену закона и вступление под покровительство христианского государя.

Брат его, Хассан бей, ревностнейший мусульманин, человек зверского характера, воспользуется расположением к себе турецкого правительства,—и сделается владетельным князем, коварнейшим из врагов наших.

Распространение христианской религии, которая столь нужна для смягчения здешних нравов, не только прекратится, но надо ожидать страшных истязаний тем, которые отреклись от прежней веры и приняли христианство, надеясь на могущественную защиту России. Оставление единоверцев наших произведет наибольший для нас вред в общественном мнении.

По уступке Абхазии торг невольниками усилится в полной мере. И между тем, как все государства прилагают столько забот о прекращении продажи негров, мы, хотя и невольно, будем содействовать торговле людьми, и для нас это будет тем более чувствительно, что продаваемые будут христиане, жители Мингрелии и Имеретии.

С уступкой Сухумской бухты разовьется морское пиратство и в короткое время наши купеческие суда уже не осмелятся приходить в Редут-Кале, и мы, лишившись подвоза из России провианта, не в силах будем защищать наших владений,—и тогда лишимся не только Абхазии“.

Свой доклад Ермолов заканчивает просьбой сменить его другим в случае, если будет решено иначе, чем мыслится им.

Вопрос об участии страны еще в Петрограде не был решен в отрицательном или положительном виде, как в Абхазии возникли сильные беспорядки и с новым ожесточением воскресла борьба русского и турецкого влияния. На этот раз события были вызваны смертью Сефер-Али-бея (Георгия).

Сефер-Али-бей скончался 7-го февраля 1821 года. Не успел еще остыть труп владетеля, как известие о его смерти разнеслось по всей стране и по всей стране началась борьба партий и загорелось возмущение.

Во главе возмущения стоял, упоминавшийся в докладе Ермолова, Хассан-бей. Хассан-бей был родным братом Сефер-Али-бея. Он был горячим сторонником Турции, мусульманином, личным врагом умершего владельца и популярным человеком в Абхазии. Владения Хассан-бея лежали на юг от Сухума, а его резиденция находилась на южном берегу реки Келасури.

Уже 8-го февраля, на другой день смерти Сефер-Али-бея, отряд Хассан-бея напал на русскую команду, вышедшую из Сухума. Подоспевший из Сухума отряд выручил команду.

Прошло еще несколько дней и восстало почти поголовно все население страны. Отряды восставших считались десятками.

Старший сын Сефер-Али-бея, являвшийся его наследником, Дмитрий, отданный по взятию Сухума в 1811 году заложником, находился в Пажеском корпусе в Петрограде. Хотя официально вопрос о том, кто новым будет владельцем Абхазии, зависил от усмотрения русских императоров, но подразумевалось, что прямым наследником Сефер-Али-бея является Дмитрий.

Пока шла официальная переписка, пока скакали курьеры из Тифлиса в Петроград и обратно со «всеподданнейшими» докладами и „высочайшими“ ответами и пока Дмитрий ехал из Петрограда в Тифлис и далее к границам Абхазии, последняя уже вся горела, объятая восстанием.

Объявленная временной правительницей вдова Сефер-Али-бея, Тамара, ничего не могла сделать ни для успокоения ни для подавления страны и лишь просила помощи. Помощь же могла притти быстро только из Сухума-Кале, но гарнизон ее был слишком ничтожен для того, чтобы серьезно вмешаться в дела Абхазии.

В результате этого неопределенного положения Хассан-бей стал владельцем почти всей Абхазии. Извещенный об этом центр русской власти в Закавказье—Тифлис—отдал коменданту Сухумской крепости Могилянскому приказ стараться всеми средствами захватить Хассан-бея и препроводить его в Тифлис.

Могилянский не мог придумать ничего лучшего, как прибегнуть к вероломству. Заманив в Сухум Хассан-бея под предлогом совещания по абхазским делам, Могилянский схватил его, при чем из свиты Хассан-бея, бросившейся к нему на выручку, два цебельдинских князя были заколоты штыками, а остальные обезоружены.

Известие об аресте русскими властями популярного Хассан-бея подняло весь край. Не было главы восстания, но и он скоро явился в лице неугомонного отцеубийцы Арслан-бея. Арслан-бей, возвратившийся из Турции в Джигию, пришел оттуда к Сухум-Кале с большими силами джигов и убыхов.

11-го сентября утром Арслан-бей во главе большого кавалерийского отряда с распущенными знаменами проехал под самыми стенами Сухум-кальского укрепления, гарнизон которого не осмелился сделать вылазку.

Лишь 1-го ноября Дмитрий в сопровождении правителя Имеретии Горчакова с отрядом русских войск и мингрельского ополчения перешел южную границу и, с рядом боев между Кодором и Келасури, достиг Сухум-Кале.

С прибытием Дмитрия и войск волнения стали затихать. Первыми из'явили покорность и прислали аманатов цебельдинские князья, а потом и остальные княжеские фамилии Абхазии. Арслан-бей вынужден был покинуть Абхазию и уехал в Анапу.

30-го ноября в сел. Лыхны, называвшемся тогда Соук-Су и бывшее княжеской резиденцией, состоялось провозглашение Дмитрия владельцем Абхазии. Церемония была совершена в присутствии почти всех князей и дворян страны, в торжественной обстановке. Дмитрию были вручены Горчаковым от имени Александра I знамя и меч, как знаки его верховного владычества.

В Соук-Су было оставлено две роты русских войск, остальные же ушли на свои стоянки в Мингрелию и Имеретию. С войсками уехал и Горчаков.

Не успели уйти русские войска, как вернувшийся из Анапы Арслан-бей, собрав значительные силы, напал на княжескую резиденцию.

Усилиями русского гарнизона, находящегося в княжеской резиденции, нападение Арслан-бея было отбито, но это не помешало ему разгуливать по Абхазии со своими отрядами. Часть страны признавала власть Дмитрия, часть — Арслан-бея. Неизвестно во что вылилось бы такое положение, но 16-го октября 1822 года Дмитрий внезапно скончался. Как выяснилось впоследствии он был отравлен Урусом Лаквари, одним из горячих приверженцев его дяди Арслана-бея.

Дмитрий умер бездетным и ближайшим его наследником остался младший брат Михаил (Гамид-бей, Хамид-бей).

Михаил, тогда шестнадцатилетний юноша, был по ходатайству Ермолова утвержден Александром I владетельным князем Абхазии. Михаил явился последним владетелем Абхазии: после его управления страной в течении 44 лет Абхазия была обращена в простую русскую провинцию.

Новый владетель в начале своего княжения очутился в гораздо худшем положении, чем его предшественник Дмитрий. Он обладал многими хорошими, по взглядам горцев, качествами: знал традиции и обычаи своей родины, был великолепным стрелком и наездником, участвовал в нескольких походах, особенно отличался в отряде, которым командовал Герчаков при возведении Дмитрия на престол и т. д. Хотя он обладал всеми этими, возвышающими его в глазах абхазцев, качествами, но он был слишком молод, чтобы заставить считаться с собой абхазских князей и дворян, находившихся на положении полусамостоятельных и полунезависимых владетелей, не хотевших и не признававших никакой „узды“.

Часть Абхазии по прежнему признавала власть Арслан-бея, другая, большая часть, в том числе наиболее знатные и сильные феодалы, не признавала никакой власти. Даже многие из свиты Михаила были явными и рьяными сторонниками его дяди — Арслан-бея.

В первые же месяцы княжения была попытка отравить Михаила, как был уже отравлен его старший брат Дмитрий. Попытка окончилась, благодаря осторожности Михаила, неудачей, а покушавшийся — дворянин Урус Лаквари, сознавшийся в убийстве Дмитрия, был повешен.

Первый год княжения Михаила ознаменовался военным успехом. Большой отряд, или как тогда выражались, „большая партия“ убыхов и джихов, во время перевала через Гагринские горы в Бзыбскую долину, была замечена пастухами абхазцами. Последние известили об этом свои селения. Собравшиеся абхазцы отрезали дороги в Джихию и поголовно истребили всю партию.

Уже в начале 1824 года в Абхазию вернулся из Анапы Арслан-бей и, набрав отряд приверженцев, в апреле появился в районе Сухум-Кале.

Сухумский гарнизон, вышедший для „обуздания мятежников“, был сильно потрепан отрядом Арслан-бея и страну опять охватило общее восстание. Княжеская резиденция в Соук-Су (Лыхнах), где находился русский гарнизон, да, фактически, и Сухум-Кале очутились в осаде. Отряды же Арслан-бея, пополненные цебельдинцами, джихами и убыхами, возросли до 12-ти тысяч человек.

Только 1-го июля кутаисский генерал-губернатор Горчаков с отрядом до полуторы тысячи человек и сильной артиллерией выступил из Имеретии на выручку осажденным. Уже переправу через Ингур российские войска должны были совершить с боем. Чем далее в глубь страны забирался Горчаков, тем более сильное сопротивление он встречал.

Лишь 8-го Горчаков достиг реки Кодора, где на сильно укрепленных завалах он наткнулся на большие силы, состоявшие, главным образом, из цебельдинцев, джигов и убыхов. Тут к Горчакову на помощь подоспело мингрельское ополчение в 1100 человек во главе с владельцем Леваном. Переправа была взята штурмом.

За Кодором до самого Сухум-Кале восставшими были устроены большие завалы. Только с помощью судов Черноморского флота—бригов „Орфей“ и „Меркурия“ и фрегата „Спешный“,—потеряв несколько сот человек и более шестисот вьючных и артиллерийских лошадей, Горчаков добрался до Сухума. Особенно сильное сопротивление было оказано восставшими при взятии завала у реки Келасуры.

Отправляться по берегу на выручку Михаила и русского гарнизона, осажденных в Соук-Су, Горчаков не решился.

С помощью прибывшего брига „Ганимед“ Горчаков, посадив войска на суда, перебросил их в район современных Бомбор*), откуда и направился на выручку Михаила.

Только 23-го прибывшими войсками была освобождена от осады княжеская резиденция.

Но успокоение еще долго не наступало в стране. Все время происходили волнения, нападения на отдельные русские команды, на сторонников и приверженцев молодого владетеля.

И владетелю неоднократно приходилось то жить в Редут-Кале, то отсиживаться в Сухум-Кале или в своей резиденции Соук-Су. Только постепенно укреплялась его власть, его значение и влияние в Абхазии. В особенности шатко сидел он на своем владетельском престоле первые 4—5 лет.

В 1826 году Ермолов расположил в Самурзакани специальный русский отряд из 300 человек при одном орудии. К этому его вынудили, как говорит донесение, „непростительные шалости“ населения. Самурзаканцы беспрерывно нападали на Мингрелию и, как следствие, завели с Турцией оживленную торговлю человеческой добычей. Сильно страдавшее от набегов население Мингрелии, через своего владетеля Левана, часто и настоятельно осаждали Ермолова ходатайствами усилить самурзаканцев. Присутствие отряда отчасти сдерживало самурзаканцев. Но отряд был расквартирован в Самурзакани недолго. Начавшаяся русско-персидская война заставила сделать ряд передвижений русских отрядов в Закавказье, в результате чего самурзаканский отряд был перекинут в другое место. Тогда, судя по донесениям, „беспокойное население“ Самурзакани вновь принялось за торговлю человеческой добычей и „непростительные шалости“.

Только к началу 1827 года население Абхазии стало успокаиваться. Управляющий тогда Кавказом Паскевич*) об этом доложил в сообщении, написанном в торжественных выражениях:

*) Селение близ Гудаут.

*) Граф Паскевич управлял Кавказом после Ермолова с 1827 по 1831 г.

„Абхазия свернула, наконец, знамя бунта и в чистосердечном раскаянии в своем безумии, дорого стоившем ей от междоусобного кровопролития, изъявила желание покорствовать священной воле августейшего монарха“.

В ответ на это донесение Паскевич получил от тогдашнего русского министра иностранных дел графа Несельроде очень интересный документ:

„Говоря об Абхазии, я не могу скрыть от вас, что о возмущении, последовавшем в оной, я не имел никаких до сего сведений“.

Абхазия—и Большая и Малая—признавали себя подвластными порте Оттоманской, которая только в последнее время, аккерманской конвенцией, согласилась уступить нам Сухум-Кале, крепостцу, лежащую в Малой Азии и служившей местопребыванием князя оной земли.

Из сего вы заключить можете, сколь необходимо мне знать о всем, что там происходит, дабы я мог заблаговременно снабжать наставлениями посланника нашего в Константинополе, ибо при положении его доселе, если бы турецкое министерство вошло с ним в объяснение о делах Абхазии, он нашелся бы в крайнем затруднении отвечать удовлетворительным образом“.

Эти строки говорят о том сумбуре в понятиях об Абхазии и о положении в ней, который царил в правительственных и дипломатических сферах Питера.

В 1827 году официально было сообщено о „добровольном“ подчинении русскому императору цебельдинских владетелей Маршани. Но на самом деле они еще с десятков лет никого и ничего не признавали.

В этом же году по просьбе вернувшегося из Мингрелии в „успокоившуюся“ Абхазию Михаила русским командованием решено было построить ряд мелких укреплений. Отправленный с этой целью генерал Пацовский избрал для постройки первого укрепления равнину на ближайшем к резиденции владетеля Соук Су (Лыхнам) берегу. Так появилось укрепление Бомборы с гарнизоном в десять рот при 8 орудиях и командой казаков.

Через несколько месяцев были построены редуты: один на самом берегу моря, охранявший склады продуктов, другой на реке Белой (Хипста) для охраны пастбищ и лошадей и третий на реке Мычиш для охраны первого в Абхазии лесопильного завода.

В 1829 году, после русско-турецкой кампании, при заключении адрианопольского договора официальная Россия могла поправить свои ошибки, допущенные при подписании аккерманской конвенции. По адрианопольскому трактату Оттоманскую империю заставили отказаться от притязаний на владычество над всем восточным побережьем Черного моря до Фаш-Кале (Поти) включительно, в том числе и над Абхазией.

Следующим же летом русский империализм начал использовать адрианопольский трактат. Горцы побережья и Западного Кавказа,—убыхи, джиги, абазинцы, абадзехи и др. получали оружие и, главным образом, порох, а также моральную поддержку из Турции, а в последнюю отправлялось масса пленных,—военная добыча,—для продажи на рынках Востока в рабство и в гаремы. Для прекращения этого русские военные круги решили сковать побережье частой цепью небольших укреплений. Эта затея была осуществлена и получила впоследствии, в 1839 году, название „Черноморской береговой линии“. Эта „линия“ тянулась от Анапы до самой турецкой границы. На долю Абхазии и абхазских племен, живших на побережье, пришлось, так называемое, „третье отделение“ этой линии, состоявшее из большинства укреплений линии. В состав третьего отделения входили укрепления Навагинское (при постройке—Александрия, теперь—Сочи), Головинское у устья р. Субаши, Св. духа на мысе Константиновском или Ардилер (ныне Адлер), Гагринское, Пицундское, у устья р. Бзыби (смыто наводнением в 1835 г.), Бомборское, Сухум-Кале, Дранды, Илоры, форт Марамбо и ряд мелких фортов.

Одним из первых, в июле 1830 года, было устроено десантным отрядом генерала Пацовского Гагринское укрепление, о постройке которого, как о защите Абхазии против постоянных набегов убыхов, джигов, шапсугов и др. северо-побережных племен, просил и настаивал сам абхазский владетель Михаил. Укрепление было построено на месте развалин крепостных стен, башен и церкви, постройки еще V-го века.

Затем появился ряд других укреплений: Пицундское, Илорское, Драндское.

Андрианопольский трактат, отдававший Черноморское побережье и Западный Кавказ—России, постройка последней береговых укреплений, ряд военных экспедиций и т. п. не прошли бесследно. Целый ряд абхазских племен, подогреваемых агитацией мулл, дервишей и турецких агентов, решил бросить вековые и насиженные места и переселиться в Турцию. Это переселение абхазских племен известно под названием «первого переселения» или «первого мухаджирства»^{*)}. Ни по официальным ни по частным источникам совершенно нельзя установить скольконибудь точной и верной цифры переселившихся; принято считать число переселившихся в этот период абхазцев от 25 до 30 тысяч.

В самой же Абхазии поднялось несколько восстаний. Наиболее крупные из них были восстания в районе реки Бзыби, которое возглавлял один из феодалов—тавад Нарча Инал-ипа, родственник незадолго перед тем вернувшегося из сибирской ссылки Хассан-бея, а также восстание в Дальском ущелье, центром которого было сел. Мерхеул, при чем восставшие успели напасть на сел. Илоры и разорить там знаменитую церковь. Но и эти, как и все другие, восстания были быстро ликвидированы.

Исключением из этого составлял Гагринский район. С первых же дней постройки Гагринского и Пицундского укреплений они почти непрерывно подвергались нападениям. В особенности печальной участи подвергалось Гагринское укрепление.

Свободолюбивые абхазцы, джиги, убыхи не могли переносить этого бельма на единственной дороге—Гагринской теснине—связывающей эти родственные племена. То отряды одних, то смельчаки других племен старались взять это укрепление с гарнизоном, вымирающим от малярии^{**)}.

^{*)} Амахаджир—переселенец.

^{**)} Известный писатель 30-х годов, сосланный на Кавказ и погибший в стычке на Адлеровском мысу, Бестужев-Марлинский так описывает Гагры 30-х годов:

«Есть на берегу моря, в Абхазии, впадина между огромных гор. В этом ущелье построена крепостишка, которую враги бьют со всех сторон в окошки; где лихорадки свирепствуют до того, что 1½ комплекта в год умирают из гарнизона, а остальные иначе не выходят оттуда, как с смертоносными обструкциями или водянкой».

Русский империализм считал православие своим верным другом и всячески поощрял распространение его в крае. Переход в христианство семьи владельца, Али-бея, о котором мы уже сообщали, Ростом-бея, — дяди владельца и др., требовал закрепления позиции. Вследствии этого решено было учредить в Абхазии епископскую или архиепископскую кафедру. Эта мысль, вышедшая из недр русского империализма Закавказья, быстро получила благословение в Петербурге и уже в 1831 году Абхазия обогатилась архиепископом.

Последним независимым владением, населенным абхазцами, было Замбал или, как его чаще называют, Цебельда. Цебельдинское княжество (ханство) находилось на среднем и верхнем течении реки Кодор. Центральным районом его было ущелье реки Кодор-Дал. В Цебельбу обычно спасались все имеющие те или другие причины быть недовольным русским владычеством. В Цебельде часто организовывались набеги на Северный Кавказ, Мингрелию, Сванетию, Абхазию и др. Цебельдинские князья Маршани выражали свою покорность несколько раз, а в 1827 году, о чем мы уже сообщали, даже признали себя подданными Российской империи, но все это дальше слов и бумаги не шло.

Население княжества исповедывало поголовно ислам, вело патриархальный образ жизни, было весьма воинственно и считалось лучшими на Кавказе ходоками по горам и охотниками. Владетельному дому — роду князей Маршани, — впервые упоминающемуся в истории еще в XVI веке, повиновалось, и при том повиновалось слабо, только часть населения. Главным населенным пунктом княжества — «столицей» — являлся аул Мерхеулы.

В 1834 году корпусный командир барон Розен*) написал цебельдинским князьям, чтобы их подданные прекратили «все хищничества, разбои, грабежи и набеги в Абхазию и Мингрелию и быть в дружбе со всеми покорными правительству народами, как-то: с мингрельцами, абхазцами, сванетами, карачаевцами и пр.».

Вполне понятно, что обращение Розена было «гласом вопиющего в пустыне». Последовала переписка с центром и император Николай I (1825—1855) распорядился направить

*) Барон Розен был главным начальником Закавказья после Паскевича с 1831 по 1837-й год.

войска в это «единственное в целом Закавказье оставшееся непокоренным владение». Для выполнения этой и ряда других задач был организован абхазский отряд.

27 апреля 1837 г. барон Розен, прибыв в Сухум, потребовал покорности от цебельдинцев и предписал владельцу Мисосту и другим князьям из рода Маршани прибыть к себе. Не получив в назначенный срок никакого ответа, барон Розен двинул часть абхазского отряда, в составе 1500 человек, — 2-й и 3-й батальоны грузинского гренадерского полка, артиллерию и пр., — по тропинке, ведущей из Сухума в аул Мерхеулы.

Этот поход был замечателен по своим трудностям даже в истории войн на Кавказе. Никаких дорог, за исключением тропинок, не было в стране этого патриархально живущего народа. Вследствие этого направленный в княжество отряд двигался, преодолевая по пути невыразимые затруднения: ему приходилось вести с собою артиллерию по тропинкам, по которым едва мог проехать один верховой. Таким образом, пробираясь по частому, почти непроходимому, поросшему колючкой и изрытому глубокими топкими оврагами, лесу, отряд делал иногда одну версту в день.

Между тем в княжестве велась борьба партий. Часть населения во главе с владельцем Мисостом стояла за мирную встречу русских войск, другая же стояла за то, чтобы взяться за оружие. Князь Мисост, желая, по примеру абхазского, самурзаканского, мингрельского и др. владельцев, сохранить власть за собой, употреблял все усилия, чтобы склонить население к покорности, в чем фактически и имел успех.

Поход русского отряда продолжался до средних чисел мая. Небольшая стычка у аула Мерхеулы с немногочисленным отрядом цебельдинцев, решивших взяться за оружие и бороться за свои вольности, решила судьбу княжества. Население было приведено к присяге, были взяты аманаты и освобождено до 40 человек пленных русских. 22-го мая отряд отправился обратно и 23-го прибыл в Сухум.

В это же время другая часть абхазского отряда готовилась предпринять действия „для приведения к покорности“, на основании адрианопольского трактата, абхазские племена,

жившие севернее Гагринского прохода. 3-го мая войска в Сухуме начали садиться на военные судна, а 6-го июня были с боем высажены на высоте мыса Адлер. Было выбрано у устья реки Мзымты место, подходящее для постройки укрепления, разбивка и трасировка которого были закончены 18-го. Это укрепление, в память дня высадки, было названо укреплением святого духа.

К окрестному населению был послан для переговоров, с прокламацией Розена, убух Гассан Барсегов. Барсегов, возвратившийся лишь через месяц, объявил, что население не имеет ни малейшего желания подчиняться русским императорам, и привез от них ответ, написанный по турецки, который мы приводим полностью в современном ему переводе:

„О неверные русские, враги истинной религии. Если вы говорите, что наш падишах дал вам эти горы, он нас не уведомил об этом; и если бы мы знали, что эти земли отданы вам, то не остались бы на них жить.

Мы имеем посланных от султана Махмуда, Магомет-Али-паши (египетский хедив), королей английского и французского. Если вы сему не верите, то отправимте в Константинополь по одному доверенному лицу с вашей и с нашей стороны для узнания истины, и буде в том удостоверитесь, то вы должны оставить эти места и Гагры и перейти реку Чоргу*) и тогда мы будем с вами и абхазцами жить в мире, до тех пор, пока наш падишах не объявит вам войну.

Генерал! Ты не мог принять чужестранное судно, как гостя**, мы же напротив,—если вы придете к нам, от мала до велика, готовы защищать вас и семейства ваши.

Мы поклялись нашей верой, что не исполним того, что в этой бумаге (прокламации Розена) написано — бог будет за нас или за вас».

*) Река Чорга нам не известна. Мы предполагаем, что это говорится о реке Бзыби.

**) Здесь говорится об английском судне „Vixen“ незадолго перед тем сдавшемся русским крейсерам. „Vixen“ принадлежал купцу Беллю, авантюристу, отправившемуся к западно-горским племенам с целью возбуждения их против России. Белль говорил, что он действует от имени правительства Англии и Турции. Он подарил абадзехам, шапсугам и натугайцам знамя, будто присланное Англией, и назвал его „Санджаком независимости“. Белль доставлял на побережье свинец и порох, чем и объясняется его пропаганда. Русское правительство обещало за поимку Белля 3.000 рублей, а за его товарищей,—сотрудника „Morning Chronicle“ Лонгварта, выдававшего себя за диван-ефенди, и др.,—от одной до двух тысяч рублей.

Мы видим из этого ответа то настроение северо-побежденных племен, в том числе и абхазских, которое повело к махаджирству в 1830—1831 годах. Это настроение поддерживали и разжигали, как мы писали, муллы, дервиши и турецкие агенты. Но потом к ним прибавились и авантюристы и купцы, вроде Дауд-бея*) Лонвардта, Младецкого, Пичикини, Белля и др., а затем и агенты Англии и Франции, готовившихся к войне с Россией. Корпусный командир, генерал Розен, в 1837 году писал Николаю I, что это

„вмешательство иностранцев в дела западных горских племен началось вслед за андрианопольским миром. Цель этих вмешательств состояла в желании поколебать достоверность статей этого договора, по которым Турция отказалась от прав своих на племена кавказские. Орудием для достижения цели сделались прокламации, распространяемые при помощи иностранных эмиссаров и подкупленных туземцев от имени турецкого султана, египетского паши, английского и французского правительств“.

На походы в Цебельдинский и Адлеровский районы русских войск в 1837 г. цебельдинцы, джиги и другие абхазские племена ответили рядом восстаний и набегов. Ежегодно, вплоть до самой турецкой войны 1853—1855 г.г., непокоренные районы выставляли партизанские отряды, сильно беспокоившие русские власти. Особенно сильные, под'емы среди населения отмечались в 1837, 1840, 1841, 1842, 1843, 1847, 1849 годах и перед самой турецкой кампанией. В 1840 году русское командование вынуждено было построить новое укрепление в Цебельдинском княжестве—Марамбо.

К личным дразгам и ссорам Михаила с мингрельским владетелем Леваном (1803—1846**) примешивался вопрос территориальный: у них были вечные недоразумения из-за владения Самурзаканью.

*) Называвший себя Дауд-беем—англичанин туркофил Давид Уркехард (вернее Эркехард), секретарь английского посольства в Турции, член парламента. В 1834 году об'ехал Кавказ. Был горячим сторонником поддержки Англией и Францией кавказских горцев против России.

**) Михаил был женат на Менике, дочери Георгия, старшего сына, весьма уважаемого в Мингрелии „диди Нико“ (большого Николая) из рода батонишвилибзовских Даднан. Михаил скоро с ней разводится. Меника удаляется на родину и систематически возбуждает против своего бывшего мужа владетелей Левана, Давида (1826—1853) и его жену дедопали Екатерину, регентствовавшую с 1853 года из-за малолетства сына Николая.

Самурзаканью звалась южная часть Абхазии, приблизительно теперешний Самурзаканский уезд. Она отделялась от Мингрелии территорией по южному левому берегу Ингура, так называемой, Заингурской Абхазией—рядом мелких владений разных линий Шервашидзе, из которых наиболее крупным была крепость Анаклия. В 1804 году Анаклия была взята штурмом русскими войсками и передана во владение мингрельских князей. С течением времени Мингрелия поглотила и остальную Заингурскую Абхазию и начала покушаться на Самурзакань. Не однажды в последние три века мингрельские владетели обрушивались на последнюю и иногда целыми десятилетиями самурзаканские владетели должны были признавать над собой одновременно две верховные власти: Абхазии и Мингрелии. С подчинением Абхазии и Мингрелии России, мингрельские владетели пустили в ход и другие орудия: распространение христианства, культурное влияние, переселение и т. д.

В особенности большое значение имело культурное влияние и переселение. Еще в начале XIX века Самурзакань, за исключением высших сословий, не знала другого языка, кроме абхазского. В 30-х годах население уже понимало по мингрельски, в 60-70-ых годах только понимало по абхазски, а в конце столетия знало исключительно мингрельский язык. И это несмотря на то, что в 1881—1882 годах при переписи Самурзакани на 5794 семейства имелось лишь 222 семейства мингрельцев, но уже „временно проживало“ 1570 мингрельских семейств.

Не будучи в силах ни тем ни другим путем разрешить вопрос о Самурзакани самостоятельно, абхазский и мингрельский владетели стали готовиться к нападению друг на друга и оба обратились за поддержкою к высшей русской власти на Кавказе. Понятно, что последняя не могла допустить военных столкновений между подвластными ей владетелями и ею была образована специальная комиссия, которой было поручено выяснить Самурзаканский вопрос.

В комиссии оба владетеля предъявляли и этнографические и исторические права на эту область. Хотя комиссия и выяснила, что самурзаканцы родственны абхазцам и входили в

состав Абхазии, но благоволивший к мингрельскому владельцу Левану барон Розен решил, дабы не обижать Левана Дадияни, выделить Самурзакань в особую административную единицу, с чем, понятно, согласилась на секретных совещаниях и комиссия, составленная из русских чиновников. Провести решение комиссии взялся князь Бебутов.

Бебутов, прибыв на место, начал склонять абхазского и мингрельского владельцев отказаться от всяких прав на Самурзакань в пользу русского императора за денежное вознаграждение. Он так искусно повел переговоры, что Михаил и Леван не успели опомниться и только тогда поняли всю хитрую политику тифлисского посланца, когда Самурзакань была объявлена приставством с непосредственным подчинением русским властям.

Чтобы оформить эту реорганизацию, как произведенную по желанию самого населения, были созваны „представители“ самурзаканского населения, которые присягнули, что они никогда не подчинялись ни абхазским ни мингрельским владельцам, жили вполне независимыми и самостоятельными и всегда имели своих, независимых князей-владельцев. Кроме того, представители выразили желание населения находиться под непосредственным управлением и властью русского правительства, о чем просили довести до сведения краевого управления и русских императоров. Вполне понятно, что русское краевое управление поспешило исполнить „волю“ и „желание“ населения и уже в 1843 году мы видим в Самурзакани первого окружного начальника (пристава) подполковника Кирилова, управление которого находилось в сел. Окуме.

Решение русского краевого управления, достойное Соломона, не только не примирило Михаила и Левана мингрельского, но еще более усилило вражду между ними. Владетели всегда упрекали друг друга в том, что из-за противной стороны потерял целый округ.

Как мы уже сообщали, вплоть до самой русско-турецкой кампании, почти ежегодно бывали восстания. В особенности они усилились перед самым началом военных действий. В марте 1854 года, под предводительством энергичного Магомет-Эмина,—борца за свободу западно-горских племен,—в

Абхазию ворвалось до 30.000 горцев. К ним примкнуло несколько тысяч и абхазцев. Восставшие уже занимали Бзыбский район, но потом были выбиты из Абхазии русскими войсками. В это время была, из-за опасения разгрома турками укреплений, уничтожена знаменитая Черноморская береговая линия, а вместе с ней и все укрепления в Абхазии.

Летом 1855 года в Сухуме высадился турецкий десант в 40 тысяч человек под командой генералиссимуса Омер-паши, который вскоре занял всю Абхазию до Ингура включительно. Владелец Михаил, а вместе с ним и высшие классы Абхазии не знали, как себя вести: опасаясь потерять власть и поместья, они колебались на чью сторону стать. Симпатии же большинства населения были на стороне турок и турецкой империи.

Когда на следующий год турецкие войска оставили Абхазию, Михаил и дворянство стали оправдываться перед русскими властями, население же ответило целым рядом восстаний. Вследствие этого русским командованием был принят ряд карательных экспедиций и вновь был построен ряд укреплений.

Возмутительные действия русских властей повели к тому, что начиная с 1858 года абхазцы стали выселяться в Турцию. Выселялись отдельные лица, но чаще целыми родами и селениями.

Это эмиграционное настроение продолжалось не менее 6-ти лет и закончилось около 1864 года. За это время — время „второй эмиграции (мухаджирства)“ — из Абхазии выслано, по официальной статистике, около 20-ти тысяч человек. Но эти — официальные — цифры сильно преуменьшены, да кроме того многие выезжали тайком, так что число мухаджиров в эти года, по свидетельству знатоков вопроса, колеблется от 40 до 50 тысяч. Масса мухаджиров гибло по дороге в Турцию, да и Турция встретила их скверно и некоторые вернулись обратно.

В 1864 году русское правительство совершенно уничтожило автономию Абхазии, ввело русское управление и преобразовало Абхазию, придав ей Самурзаканское приставство

в Сухумский военный округ. Абхазский владетель Михаил был выслан в Россию, в Воронеж, где он умер через два года.

В 1866 году при проведении в Абхазии освобождения крестьян и разбора сословно-поземельных вопросов, в сел. Лыхны сход напал на прибывших русских чиновников и сопровождавший их конвой из 60-ти казаков, при чем все прибывшие были изрублены.

Это привело к новому восстанию, охватившему всю страну. Восставшие пытались взять Сухумское и Цебельдинское укрепления, первое из которых поддерживалось судами Черноморской эскадры, стоявшими на Сухумском рейде.

На помощь Сухумскому и Цебельдинскому гарнизонам и для подавления восстания прибыли войска во главе с наместником князем Михаилом Николаевичем и его помощником князем Святополком-Мирским. Восстание было быстро подавлено, после чего началась возмутительная расправа с населением.

Все население бывшего Цебельдинского княжества, поголовно со своими князьями—Маршани, за исключением семейств князей Алмасхида (Михаила) и Адамура Маршани, оказавших во время восстания помощь цебельдинскому гарнизону, было приказано выселить из пределов не только Цебельды и Абхазии, но и России.

Тысячи цебельдинцев и дальцев—без разбора правого и виноватого,—должны были бросить свои, веками насиженные, места, свое хозяйство, дома, скот, и выселиться в Турцию. На несколько десятилетий край совершенно обезлюдел и только многочисленные, дико растущие леса яблонь, черешен, виноградников и др. плодовых деревьев напоминают, что тут был когда то густо населенный край.

В Гудаутском районе с восставшими было поступлено менее жестоко. Там были выловлены „зачинщики“ и „главные виновники“ и наказаны в административном порядке, да предпринят ряд мер к разоружению населения.

Те же меры были применены и к другим районам Абхазии.

Выселение цебельдинцев и дальцев из Абхазии обычно именуется „третьим мухаджирством“.

В годы последующие за возмущением 1866 г. население Абхазии, терроризованное до последней степени, не могло уже восставать.

Но в 1877 году, во время русско-турецкой войны, когда турецкое командование высадило в Абхазии ряд десантов, большая часть населения вновь восстала и помогала турецким войскам в их действиях против императорских войск.

2-го мая турецкий флот бомбардировал Сухум и к вечеру бомбардировка и начавшиеся пожары уничтожили половину города. Отступавшие к р. Ингуру войска для наказания восставших сожгли несколько селений и угнали несколько сот голов скота.

Во второй половине мая уже весь край находился в руках абхазцев и турецкого десанта.

15-го июля российские войска получили подкрепления и начали наступательные движения на Абхазию с юга, севера и из Кубанской области.

Занятие Абхазии императорскими войсками сопровождалось „наказанием возмущившихся жителей“—целым рядом жестокостей с целью наведения ужаса и страха на население: сжигались целые селения (Джгерды), без всякой застенчивости реквизировался и угонялся скот сотнями и тысячами голов и т. д. Скота было реквизировано у населения так много, что войска не могли его весь употребить в пищу и тысячи голов были отправлены на Кубань.

20-го августа Сухум вновь был занят российскими войсками и к этому числу уже вся территория Абхазии была „очищена“ от турецких десантов и восставших.

В это время часть населения, терроризованная действиями императорских войск, а также под влиянием агитации мулл и дервишей, а часть населения, насильно забираемая турецким командованием, эмигрировала в Турцию.

Это—четвертое—переселение абхазцев в Турцию, при том самое многочисленное, совершенно обезлюдило целые

районы Абхазии. От некоторых абхазских племен, после переселений, ничего не осталось, кроме названий, сохранившихся в рассказах и песнях. Более половины выселившихся погибло в дороге.

Турция негостеприимно встретила мухаджирцев и часть их, несмотря на все трудности дороги, стала возвращаться на родину, но и здесь российские власти старались поставить всякие препятствия к возвращению абхазцев на родные поля.

Лица, близко стоявшие к этому делу, считают, что в 1877—1878 году из Абхазии выселилось до 60 процентов всего населения, две трети которых погибло по пути в Малую Азию, в самой Турции, по пути из Турции в Абхазию, т. е. среди тех, кто возвращался на родину.

Мухаджирство — четыре выселения абхазцев со своей родины — являлось страшным злом, кровопусканиями, от которых еще и теперь, несмотря на то, что с тех пор прошло более 50-ти лет, Абхазия не может оправиться.

Насколько ужасны были эти выселения, мы можем судить по тому, что некоторые абхазские племена совершенно исчезли, погибнув во время переездов.

Несмотря на то, что во время пути и в первые годы жизни их в Турции, выселенцев из Абхазии погибло до двух третей, сейчас в Анатолии (малоазиатской Турции), по данным черкесского парламента и др., проживает около 300 тысяч абхазцев.

На этой эпохе мы и закончим наш сборник материалов по истории Абхазии.
